

2

L. russ

6

56

1.7

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

0
56
12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ. 30 Ноября 1852 года.

Ценсоръ Ал. Крыловъ.

другой тетради?» — «Не ма! ^{a)}» — «Какъ не ма! Развѣ не приказано вамъ имѣть всегда особую чистую книгу для внесенія подорожень и означенія вышедшихъ въ разгонъ лошадей?» — «Эге! ^{b)}» — «Ну, такъ зачѣмъ же нѣтъ?» — «Э! пане! не все то робитца, що приказу-ють! ^{c)}» — «Какъ!» вскричалъ я съ возраставшимъ гнѣвомъ: «ты, кажется, насмѣхаешься надо мною? Ты хвастаешься, что не все дѣлается, чтò приказывается?» — «Ни, пане, не фастаю!» — «Какъ же ты смѣшь не исполнять приказаній начальства?» — «А колы въ мене не ма бумаги, пане? ^{d)}».

Дѣлать было нечего! Я принялъ опять запачканный листъ изъ рукъ писаря, занялся разбираниемъ спутаннаго счета лошадей, и открылъ, что, за дѣйствительнымъ расходомъ и оставленіемъ фельдъегерской тройки, десять лошадей должны находиться на станціи. «Гдѣ

а) (Нѣтъ), (не имѣется).

б) Выраженіе утвердительное: да! конечно!

в) Э! сударь, не все то дѣлается, что приказываютъ!

г) А когда у меня нѣтъ бумаги?

же эти лошади?» спросилъ я. Писарь съ прежнимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ, что нѣтъ ни одной дома, что тройку взялъ самъ содержатель станціи, а остальныхъ велѣлъ отдать подъ экипажъ знакомой ему барынѣ, за нѣсколько часовъ проѣхавшей къ нему въ гости, безъ подорожной. Тщетно грозилъ я пожаловаться начальству; флегматикъ-писарь отвѣчалъ преравнодушно: «якъ загодно!»

Наконецъ флегма его вывела меня совершенно изъ терпѣнія, и я, — признаюсь теперь въ грѣхъ, — потерялъ изъ виду, что добиваю уже пятый десятокъ лѣтъ. Мнѣ вздумалось трянуть военною стариною, и я началъ требовать лошадей неотступно, угрожая, въ противномъ случая, жалобою, наказаніемъ и — Богъ знаетъ чѣмъ! Но лишь только я возвысилъ голосъ, какъ писарь мой притворился совсѣмъ глухимъ и, не обращая вниманія на бесполезный крикъ мой, не отвѣчалъ ни слова. Чѣмъ громче я кричалъ, тѣмъ болѣе онъ морщился, показывалъ пальцемъ на ухо, и твердилъ только: «звыните, ваше благородіе, я ничòго не чую». — Угрозы мои не измѣнили ни од-

ной черты неподвижной фізіономіи упрямаго Украинца, и глухота его прошла тогда только, когда я успокоился, и рѣшившись испытать иныя средства, всунулъ ему въ руку цѣлковый. Тогда онъ поклонился низенько и объявилъ, что хотя лошадей у него дѣйствительно не имѣется, но можно нанять пару у священника, а другую у шинкаря Еврея, и такимъ образомъ доѣхать до слѣдующей станціи, гдѣ не будетъ, вѣрно, никакой остановки, потому, что тамъ городъ и, въ случаѣ нужды, достать можно обывательскихъ. Разумѣется, что я охотно согласился. — Не прошло получаса, какъ коляска моя, за двойные прогоны, была заложена тощею четверкою, и я отправился въ путь, провожаемый низкими поклонами обоихъ хозяевъ, которые оба убѣдительно просили меня поберечь лошадей, и ѣхать тише, чтобъ ихъ не загнать.

Просьбы сіи, какъ я вскорѣ замѣтилъ, были совершенно излишнія, ибо лошади шли обычнымъ шагомъ, ни мало не тревожась ударами ямщика, прельщеннаго обѣщаніемъ на водку, и всячески старавшагося понудить ихъ приба-

вить хоть немного шагу. Такимъ образомъ до-
тащился я до того пригорка, у котораго бла-
госклонный читатель видѣлъ меня въ началѣ
сей главы.

Лошади мои, сбѣжавъ съ пригорка малень-
кою рысью, продолжали путь тѣмъ же ров-
нымъ шагомъ, какой принять былъ ими при
выѣздѣ изъ станціи. Углубленный въ размыш-
ленія о скорой и исправной нашей русской
ѣздѣ, которой, какъ гласятъ многія печатныя
книги, нѣтъ подобной въ Европѣ, я было за-
былъ о тучахъ, надо мною висѣвшихъ, какъ
вдругъ полившійся крупный дождь вывелъ
меня изъ задумчивости. Верхъ моей коляс-
ки, признаться, немного подержанной, под-
нять было невозможно, и потому я, закутав-
шись крѣпко въ шинель, долженъ былъ, для
охраненія себя отъ дождя, ограничиться же-
ланіемъ, чтобъ непогода прекратилась. Но же-
ланія мои остались безъ исполненія: когда мы
доѣхали до маленькаго города Р**, шинель и
праздничный подъ нею кафтанъ промокли до
послѣдней нитки! Я поневолѣ рѣшился оста-
новиться тутъ на ночь, чтобъ на другой день

на разсвѣтъ отправиться къ мѣсту моего назначенія.

Слава Богу! вскричалъ я невольно громкимъ голосомъ, когда коляска остановилась передъ небольшимъ, по наружности чистенькимъ домикомъ, гдѣ, по увѣренію ямщика, я могъ найти ночлегъ и отдыхъ отъ утомительнаго путешествія. Въ окнахъ домика свѣтился огонь, внутри слышанъ былъ звукъ гитары, сопровождаемый довольно пріятнымъ голосомъ, а въ дверяхъ ласково встрѣтила меня старушка, освѣщенная сальною свѣчкой, которую держалъ стоявшій подлѣ нея оборванный мальчишка. Слышанные мною, еще прежде вступленія въ домъ, звуки малороссійской любимой моей пѣсни: «Не ходы Грыцію на вечерныци», къ тому же усталость отъ дороги и лихорадочная дрожь отъ дождя расположили меня заранѣе находить прекраснымъ все, что увижу я въ этомъ домѣ; и расположеніе это ни мало не измѣнилось, когда представилась мнѣ на глаза пѣвица, довольно красивой наружности, которая, при входѣ моемъ, замолкла и, поклонившись съ веселою улыбкою, поло-

жила гитару на столъ. «Это дочь моя», сказала старушка полу-Русскимъ и полу-Украинскимъ нарѣчіемъ: «она играетъ и на гусяхъ, да теперь онѣ отданы въ починку столяру. Довольно дорого мнѣ стоило ея воспитаніе, да вѣдь нельзя же иначе: сами вы знаете, наше дѣло дворянское».

Въ Малороссіи мнѣ, во многихъ маленькихъ городкахъ, на большой дорогѣ лежащихъ, случалось останавливаться въ трактирахъ такого рода, и вездѣ почти я находилъ старушку-хозяйку, молодую дочь и гитару; — вездѣ мнѣ на первыхъ порахъ хозяева намекали, тѣмъ или другимъ образомъ, что они дворяне; вездѣ также я — если о томъ освѣдомлялся у другихъ — узнавалъ, что дворянство это довольно сомнительно, но объ этомъ въ другой разъ. Шляхетные мои хозяева угостили меня очень хорошо, напоили чаемъ и подали вкусный ужинъ, послѣ котораго, пожелавъ имъ доброй ночи, я поспѣшилъ улечься на кожаной софѣ, чтобъ поспать нѣсколько часовъ.

Лишь только я потушилъ огонь и закрылъ глаза, какъ почувствовалъ, что съ головы до ногъ осыпанъ цѣлымъ роемъ насѣко-

мыхъ, коихъ пользы на свѣтѣ, несмотря на всѣ напряженія ума моего, я до-сихъ-поръ еще не могъ постигнуть. Конечно, трудно найти человека, который бы любилъ этихъ насѣкомыхъ; но не легко тоже найти и такого, который бы до такой степени имѣлъ къ нимъ отвращеніе, какъ я! Съ ужасомъ вскочилъ я съ постели, зажегъ свѣчку, и хотя издали, но съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ испуганные мои непріатели спѣшили скрыться въ своихъ убѣжищахъ. Зная, что послѣ того мнѣ рѣшительно невозможно будетъ сомкнуть глаза въ этомъ домѣ, я охотно бы искалъ другой квартиры: но въ то время уже было поздно, и дождь шелъ проливной; къ тому же ничто меня не удостовѣряло, что на новой квартирѣ я избѣгну этой язвы, и потому я принялъ намѣреніе просидѣть, неложась, цѣлую ночь.

Желая хотя немного разогнать скуку, началъ я искать какой-нибудь книги для чтенія, но поиски мои были напрасны. Между-тѣмъ нечаянно попался мнѣ въ руки дамскій рабочій мѣшокъ, или ридикюль, въ которомъ, какъ мнѣ показалось, были какія-то бумаги. Отъ

природы я не любопытенъ и очень хорошо знаю, что никогда не должно заглядывать въ дамскіе ридикюли, а особливо читать безъ позволенія хранящихся въ оныхъ бумагахъ; но пусть читатель вообразить себя на моемъ мѣстѣ, и тогда онъ вѣрно не строго меня осудитъ, если признаюсь ему, что я обрадовался этой находкѣ. Не медля ни мало, я началъ опораж- нивать мѣшокъ, и вынувъ изъ него носовой платокъ, ножницы, игольникъ, мотокъ нитокъ, восковой огарокъ и завернутый въ тряп- кѣ мозольный пластырь, наконецъ добрался до бумагъ. Сначала разборъ ихъ мнѣ показался не очень занимательнымъ: нѣсколько записокъ о забранномъ въ лавкѣ чаѣ, сахарѣ и цикорномъ кофѣ; нѣсколько счетовъ за обѣды и ужины проѣзжающихъ; рецептъ воды для умыванья и два любовныя письма, изъ которыхъ, судя по слогу, одно было отъ дьячка, а другое отъ приходскаго учителя. Я хотѣлъ-было положить мѣшокъ на мѣсто, какъ увидѣлъ еще пакетъ съ письмами, которыхъ почеркъ показался мнѣ, при первомъ уже взглядѣ, отличнымъ отъ прочихъ. Но какъ удивился я, усмотрѣвъ, что письма эти совер-

шенно инаго разбора, нежели другія бумаги, такъ-что я понять не могъ, какими судьбами они попали въ мѣшокъ хозяйской дочери. По-видимому, они писаны были за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ воспитанницею Смольнаго Монастыря къ ея подругѣ; но безъ подписи не представляли никакихъ подробныхъ свѣдѣній о сочинительницѣ. Это еще болѣе возбудило мое любопытство, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра.

На разсвѣтѣ хозяйка крѣпко постучалась въ мою дверь, полагая, что я еще сплю. Она изумилась, увидѣвъ меня на ногахъ, и никакъ не могла понять, отчего я не могъ спать на софѣ. Она увѣряла, что у нея въ цѣломъ домѣ нѣтъ ни одного клопа, да и быть не можетъ, потому-что она имѣетъ легкое и вѣрное отъ нихъ средство, а именно: всякій годъ, когда цвѣтетъ конопля, разставляютъ по угламъ комнаты по три свѣжихъ стебля. Не находя никакой надобности доказывать ей, что средство ея либо вовсе недѣйствительно, либо не каждый годъ ею употребляется, я оставилъ ее въ пріятномъ заблужденіи и принялся расспрашивать о найденныхъ мною въ мѣшкѣ письмахъ;

но она ничего о нихъ не знала. Призванная на помощь дочь, узнавъ, о чемъ идетъ дѣло, нахмурила брови, и бросила на меня сердитый взглядъ; но пошаривъ немного въ мѣшкѣ, удостоверившись, что любовныя посланія цѣлы, и ощупавъ, сверхъ того положенную мною туда ассигнацію, успокоилась и приняла прежній умильный видъ. Она рассказала мнѣ, что письма эти забыты у нихъ въ домѣ, года за два передъ тѣмъ, одною проѣзжею госпожою, которой имени она не помнитъ; что сначала была ихъ цѣлая связка, но что потомъ они растерялись. Вотъ все, что могъ я узнать! Хозяйская дочь охотно согласилась подарить ихъ мнѣ, и я оставилъ дворянскій трактиръ съ твердымъ намѣреніемъ, употребить все стараніе, чтобъ развѣдать подъ обнѣе о неизвѣстной сочинительницѣ писемъ.

Чтобы читатель могъ видѣть, основательно ли было мое любопытство, предлагаю на благоусмотрѣніе его найденныя мною въ выше-реченномъ мѣшкѣ три письма.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ахъ! Маша, милая Маша! Вотъ ужъ цѣлую недѣлю я прожила у тетушки въ Малороссіи, и все еще не привыкла! Что будетъ со мною впередъ — не знаю! а теперь мнѣ кажется, что никогда не привыкну ни къ жизни этой, ни къ этимъ людямъ! И во снѣ и наяву мнѣ грѣзится Петербургъ, и Нева, и Монастырь, и ты, мой милый другъ! и Р**, и С**, и Ф**, и всѣ вы, добрыя, незабвенныя мои подружки! Ахъ Маша! пиши ко мнѣ; не забывай, что мы общались вѣчно любить другъ друга, когда еще были въ кофейныхъ! Сколько разъ мы потомъ

2/

возобновляли это обѣщаніе и въ голубыхъ и въ
бѣлыхъ! Не забудь этого, моя Маша! А я те-
перь имѣю нужду въ твоей дружбѣ, болѣе
нежели когда-нибудь: я чувствую себя здѣсь
совершенно-одиокою; кажется, какъ-будто
весь свѣтъ меня бросилъ, или я живу въ дру-
гомъ свѣтѣ! — Но вѣдь ты еще не знаешь, от-
чего мнѣ здѣсь такъ грустно.

Въ продолженіе цѣлой дороги отъ Петер-
бурга до Барвенова, я хотя безпрестанно ду-
мала о монастырѣ, но при всемъ томъ съ удо-
вольствіемъ помышляла и о близкомъ свиданіи
моемъ съ родными. Мнѣ такъ хотѣлось видѣть
тетеньку и кузинъ (скажу мимоходомъ, что
здѣсь я называю ихъ сестрицами). Я вообра-
жала, что тетенька будетъ похожа на А**, а
кузинъ я представляла себѣ: старшую, какъ
Н** (которая теперь попала въ пепиньерки),
меньшую, какъ тебя, моя Маша, или, по край-
ней-мѣрѣ, какъ Р**. Какъ же я ошиблась въ
своихъ расчетахъ!

Мы прибыли въ Барвеново довольно рано
утромъ. «Это Барвеново!» сказала мнѣ съ весе-

лымъ видомъ женщина, которую посылали за мною въ Петербургъ. Я поспѣшно высунула голову изъ кареты, чтобъ скорѣе увидѣть это Барвеново, столько мнѣ расхваленное дорогою... Ахъ, Маша! мнѣ стыдно тебѣ признаться... Я думала, что Барвеново хоть немножко похоже на Царское Село или хоть на Каменный Островъ; а вмѣсто того, повѣришь ли? таки ни мало, ни мало! Я увидѣла множество домиковъ низенькихъ, маленькихъ; вмѣсто кровель, на нихъ кое-какъ набросана была почернѣвшая солома... Всѣ безъ трубъ, Маша, а иные такъ перевисли на одинъ бокъ, что страшно смотрѣть... Улицы узкія, кривыя, грязныя!

«Такъ это Барвеново!» подумала я, и сердце во мнѣ забилося точно, какъ бывало въ Монастырѣ передъ экзаменомъ. Изъ домиковъ выбѣжали дѣти и женщины: первыя въ изорванныхъ рубашкахъ, а послѣднія почти тоже въ однѣхъ рубашкахъ, только носятъ онѣ здѣсь родъ передниковъ; кадрили красныя съ синимъ и зеленымъ. Онѣ низко поклонились (мнѣ или каретѣ — не знаю); и мужики,

тутъ бывшіе, тоже сняли шапки и низко кланялись. Ты думаешь вѣрно, любезная Маша, что мужики здѣсь такіе, какъ въ Петербургѣ кучера, или, можетъ быть, какъ Чухонцы, которые тамъ продаютъ масло? Совсѣмъ нѣтъ! На нихъ длинные бѣлые кафтаны и такія же шапки... шляпъ я здѣсь вовсе не видала, а голова у нихъ, та *chère*, совсѣмъ обрита, только наверху оставленъ хохоль. Впрочемъ они, кажется, *такіе добрые!*

Мы переѣхали чрезъ узкую плотину и чрезъ мостъ, который былъ еще уже и притомъ безъ перилъ, повернули влѣво и взѣхали на дворъ, прямо къ крыльцу. Дворъ былъ полонъ людей; они всѣ бѣжали за каретой и кричали: «Се наша панночка, се наша панночка!» Женщины и дѣти, слѣдовавшія за нами съ самага въѣзда въ село, остановились на улицѣ, и смотрѣли на насъ въ ворота. На крыльцѣ стояла дама высокая, толстая, сѣдая, въ большомъ мужскомъ колпакѣ и въ красной стамедовой юпкѣ; на еѣ у нея накинутъ былъ ситцевый платокъ, едва прикрывавшій плечи. Ноги ея, Маша! ноги были босы! Она

подала мнѣ руку, поцѣловала меня въ губы и сказала: «Здорово Галечка! Якъ же ти пидросла!»

Маша! не показывай никому моего письма; эта дама была — моя тетенька! (Здѣсь никто меня не называетъ Анютою... тетенька и сестрицы зовутъ Галечкой, люди почти всѣ пѣнночкой, а иные Ганною Трохвымовною, по батюшкѣ. Они говорятъ, что Анюта или Галечка все-равно; но мнѣ это не нравится... пожалуйста, милая Машенька, никогда не зови меня Галечкою).

Мы вошли въ комнату, не большую, но довольно-чисто прибранную: она бы мнѣ нравилась, если бъ не такъ была низка, а то мнѣ бываетъ въ ней душно! Почти вслѣдъ за нами вбѣжали мои кузины. — «Отъ се дочка мои,» сказала мнѣ тетенька: «се Праскута, а се Галочка!»

Онѣ были въ утреннемъ нарядѣ, то есть, волоса связаны широкою черной лентой, въ черныхъ сапогахъ, безъ корсетовъ, и — по-

жалуйста, Маша! не рассказывай никому! — въ большихъ кожаныхъ сапогахъ! Впрочемъ, онѣ *такія добрыя!* особливо Гапочка мнѣ нравится. Онѣ очень другъ на друга похожи и недурны собою, но только слишкомъ толсты и краснощеки. Во всемъ монастырѣ у насъ нѣтъ ни одной такой толстой, краснощекой, какъ мои кузины.

Мы скоро между собою познакомились. Онѣ, Богъ знаетъ, какъ рады были, что я пріѣхала. Распрашивали про Петербургъ, про монастырь, про балы.... я даже устала отъ рассказовъ. Потомъ я принуждена была показывать имъ всѣ свои платья — вотъ тутъ-то быты ихъ послушала! Нынѣшніе модные рукава имъ не нравятся, да и нельзя имъ надѣть рукавовъ изъ газа: руки у нихъ такія красныя! Больше всего имъ полюбилась моя шляпка съ перьями — знаешь, отъ М^{ме} Xavier? Впрочемъ, у нихъ болѣе нарядовъ, нежели у меня, только безъ вкуса; довольно жемчугу и брильянтовъ, но все старинные фасоны. Я совѣтовала тетенькѣ послать въ Петербургъ къ М. Дювалю или къ Ремплеру, но она и слышать объ

этомъ не хочетъ. «Що ти городышь, Галья!» сказала она мнѣ: «ти збылась съ пантелыку!» (это, поздѣшнему, кажется, значитъ: ты съ ума сошла).

Послѣ обѣда кузины повели меня по хозяйству; показывали винокурню, мельницу, амбары, подвалы и сарай, гдѣ откармливаютъ свиней. Маша, какія же онѣ толстыя! Кузины очень хорошо знаютъ хозяйство; говорятъ, и я должна пріучаться къ этому.

Болѣе всего мнѣ надоѣлъ языкъ, которымъ здѣсь изъясняются. Повѣришь ли, что я почти ничего не понимаю. Вчера ввечеру сидѣла я въ комнатѣ и читала книжку; тетенька на крыльцѣ разговаривала съ винокурромъ. Ты не знаешь, что такое винокуръ, Маша? Это Жидъ, который дѣлаетъ вино. Они много говорили о бардѣ... я ничего не понимала, только слышала, что тетенька говорила, «береги барду, береги барду!» а Жидъ отвѣчалъ: «какъ же, все благородіе, не берець; барда прикрасная, барда отлицная!» — Я въ Петербургѣ читала Жуковского сочиненія и по-

мнила, что онъ говоритъ о бардахъ... барда въ дистракціи мнѣ какъ то, представилось что которую такъ хвалятъ, должна быть жена какого нибудь барда, или поэта... и только-что ушелъ винокуръ, я подбѣжала къ тетенькѣ и просила познакомить меня съ бардою. «А що тобі съ нею робыть!» отвѣчала тетенька: «Я чѣла, що миються бардой, щобъ шкура була билие...» Ахъ, Маша, какъ же мнѣ стыдно было, когда я узнала, что такое барда! Здѣсь барда не то, что у васъ въ Петербургѣ: здѣсь такъ называютъ гущу, которая остается на днѣ, когда дѣлаютъ вино!

Но ты, можетъ быть, не поняла тетенькиныхъ словъ. Она сказала мнѣ, если перевести ихъ на Русское: А что тебѣ съ нею дѣлать? Я слышала, что моются бардою для того, чтобъ кожа сдѣлалась бѣлѣе... Миются, по-Малороссійски значить моются, а шкурой называютъ мою кожу, Маша!

Но тебѣ, я думаю, надоѣло и письмо мое, и Малороссійское нарѣчіе. Въ другой разъ я буду писать къ тебѣ про тетеньку, какъ-будто

она говорить по-Русски. Прощай, милая Машенька! кланяйся Р** и С** и поцѣлуй за меня Ф**. Съ будущею почтой опять къ тебѣ писать буду.

Р. С. Я забыла тебѣ сказать, что тетенька не цѣлый день ходитъ босая, а кузины надѣваютъ сапоги только по утрамъ, особливо, когда на дворѣ грязно. Къ обѣду онѣ обыкновенно одѣваются довольно порядочно: тетенька на головѣ носить шелковый темный платокъ, почти какъ у насъ купчихи, только другимъ манеромъ; а у кузинъ платьевъ довольно и все почти новыя, только таліи слишкомъ коротки, и всегда онѣ ходятъ безъ корсета. Я предлагала имъ свои, да имъ они не впору, — слишкомъ узки. Прощай, любезная Машенька!

=

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Вотъ еще прошла недѣля, любезная Маша, съ-тѣхъ-поръ, какъ я сюда пріѣхала. О Петербургъ! я никогда тебя не забуду. Какая разница между Петербургомъ и Барвеновымъ! Я успѣла познакомиться съ нашими сосѣдями, и познакомилась довольно коротко. Здѣсь, Машенька, не такъ, какъ въ столицѣ: когда здѣсь съ кѣмъ-нибудь познакомишься, такъ это не на шутку! Гости пріѣзжаютъ обыкновенно часу въ девятомъ утра, и остаются до поздней ночи, а иногда до другаго дня. Тутъ нельзя не познакомиться коротко! Съ утра до ночи сидишь вмѣстѣ, обо всемъ переговоришь, что есть на душѣ. А-проpos, та chère! сколько у тебя душъ? Я до-сихъ-поръ не знаю; можетъ быть, и ты сама еще о томъ не думала. Здѣсь это первый или второй вопросъ, когда съ кѣмъ познакомишься; я могла бы тебѣ рассказать, сколько душъ у каждой изъ нашихъ сосѣдокъ. При этомъ случаѣ я узнала, что и у меня ихъ триста, въ томъ числѣ около пятидесяти въ

бѣгахъ; только я еще не могла добиться, та chère, куда онѣ бѣжали и зачѣмъ.

Сначала разговоры эти казались мнѣ очень странными, но теперь начинаю къ нимъ привыкать. Вообще люди здѣсь всѣ *такіе добрые*, и мнѣ очень жаль, если ты, судя по первому моему письму, ихъ не полюбишь. Меня здѣсь всѣ любятъ и ласкаютъ, и только-что узнали, что я пріѣхала изъ Петербурга, какъ начали къ намъ съѣзжаться сосѣди, одни за другими. Всякій день гости, такъ-что у меня голова идетъ кругомъ. А какъ здѣсь много кушаютъ, Маша! ты представить себѣ этого не можешь. Поутру пьютъ чай съ сухарями и кренделями; потомъ, часа черезъ два, снѣдаютъ, то есть, завтракаютъ, потомъ обѣдаютъ, послѣ того полдничаютъ, потомъ пьютъ чай и наконецъ вечераютъ, т. е. ужинаютъ. Не думай, что я шучу, Маша. Послѣ ужина еще подаютъ изюмъ, миндаль и разныя варенья. Кромѣ того, кузины мои цѣлый день грызутъ каленые орѣхи; я не понимаю, какъ у нихъ зубы не ломаются!

Profim

Тетенька меня очень любитъ, и я тоже ее люблю; я просила ее, чтобъ она не носила по утрамъ мужскаго колпака, и не ходила босикомъ. Она за то не разсердилась, однако и не послушалась меня. «И матушка и бабушка и прабабушка ходили въ колпакахъ», отвѣчала она: «и я сама къ тому съ малолѣтства привыкла; а теперь, на старости, не кстати мнѣ перенимать ваши моды. А что касается до того, что ты меня видѣла босикомъ, такъ сама ты въ томъ виновата: я такъ обрадовалась, когда ты пріѣхала, что забыла и чулки надѣть!»

Тетенька мнѣ все это сказала не такъ, какъ я къ тебѣ пишу; но я обѣщалась въ письмахъ своихъ не употреблять малороссійскаго нарѣчія: ты бы вѣдь ни слова не поняла, и я на силу понимаю! И это правда, та снѣге, что тетеньку я съ тѣхъ поръ не видала босикомъ: она по утрамъ ходитъ въ шерстяныхъ чулкахъ, но, правду сказать, безъ башмаковъ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ тебя писемъ! Всякій разъ, когда нашъ Жидъ

пріѣзжаетъ изъ города (здѣсь у всякаго помѣщика есть свой Жидъ), бѣгу къ нему на встрѣчу... Мнѣ кажется, что я въ состояніи буду его поцѣловать, когда онъ привезетъ мнѣ отъ тебя письмо! Ахъ, Маша! неужели ты меня забыла? Нѣтъ, этого быть не можетъ! мы такъ давно другъ друга любимъ!

Прощай, милая Машенька! Богъ съ тобою! Сегодня я не могу писать къ тебѣ много, потому, что мы ѣдемъ на балъ къ здѣшнему Хорунжему (это такой чинъ): я обѣщалась причесать моихъ кузинъ по-Петербуржски, и онѣ въ первый разъ сегодня надѣваютъ корсеты, которые мы кое-какъ здѣсь сшили. Прощай, Маша!

=

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Благодарю тебя за письмо твое отъ 5-го іюня, милая, любезная Маша! Какъ мнѣ было весело его получить! Какъ я рада, что ты меня не забыла! Какая ты добрая! Ты еще не получила моихъ писемъ? Какъ долго ходить почта! Если бы я была государь, у меня всякій день ѣздили бы фельдъегеря изъ Петербурга въ Барвеново, и изъ Барвенова въ Петербургъ.

Ахъ, Маша! на прошедшей недѣлѣ я писала къ тебѣ, что ѣду на балъ... Какъ много новаго со мною съ-тѣхъ-поръ случилось! Если бы ты знала... но я тебѣ все расскажу попорядку.

На балѣ очень было весело. Онъ начался въ шесть часовъ, и мы танцовали почти до разсвѣта... Французскихъ кадрили здѣсь все не знаютъ. Польскіе, экоссезы, простыя кадрили — вотъ, кажется, все, да и то совсѣмъ не такъ, какъ учила насъ мадамъ Дидело. Мазурку мы протанцовали одну, толь-

ко очень нехорошо! Мой кавалеръ былъ учитель ариѳметики изъ здѣшняго Повѣтоваго Училища. Онъ много стучитъ ногами, и сапоги у него очень пахнутъ дегтемъ. Мнѣ духъ этотъ не нравится; а тетенька и кузины говорятъ, что онъ очень полезенъ для здоровья. Учитель этотъ изъ здѣшнихъ танцоровъ считается лучшимъ, и онъ самъ, кажется, въ томъ увѣренъ. Въ мазуркѣ, ты знаешь, когда кавалеръ обнимаетъ даму одною рукой и вертитъ ее кругомъ себя.... онъ такъ швырнулъ меня, что я отлетѣла далеко отъ него, и чуть-чуть не упала. Тетенька говоритъ, что я сама виновата, потому-что у меня талія слишкомъ тонка, такъ что здѣсь и обхватить ее не умѣютъ.

Машенька! знаешь ли ты Блистовскаго, который въ Петербургѣ служить въ гвардіи? Чинъ его штабсъ-ротмистръ; у него два креста: одинъ въ петлицѣ, а другой на шеѣ, и еще бѣлая медаль на голубой лентѣ. Его зовутъ Владиміромъ Александровичемъ. Онъ воспитывался въ Петербургѣ у какого-то Аббе Николая. Роста онъ высокаго, волосы кашта-

новые кудрявые, глаза голубые, похожіе на твои, и усы у него, та сhère, не большіе, но прекрасные, какихъ еще ни у кого я не видала! Нравъ у него тихій и скромный, и очень доброе сердце. Онъ говоритъ, что видалъ тебя часто на Невскомъ проспектѣ, и одинъ разъ на балѣ, не помню, у кого-то. Онъ очень знакомъ и друженъ съ твоимъ братомъ. Если ты его не знаешь, такъ пожалуйста, та сhère, справься о немъ. Мнѣ очень, очень нужно узнать объ его нравѣ; и напиши ко мнѣ съ первою почтою. Слышишь ли, та сhère, пожалуйста не забудь: съ первою почтою.

У него здѣсь, въ сосѣдствѣ тысяча душъ, и онъ пріѣхалъ сюда покупать лошадей для полка; кажется, это называютъ: за ремонтомъ? Тебѣ очень легко о немъ узнать можно: спроси только объ офицерѣ, который поѣхалъ за ремонтомъ въ Малороссію....

Я познакомилась съ нимъ на балѣ. Когда учитель меня швырнулъ въ сторону, я бы упала, еслибъ меня не поддержалъ Блистовской. Учителю очень было стыдно; — онъ

извинялся тѣмъ, что на немъ новые сапоги, которые забылъ онъ подмазать мѣломъ, и болѣе танцовать не хотѣлъ. Чтобъ не разстроить мазурки, Блистовскій заступилъ его мѣсто. Ахъ! Маша! какъ онъ мило танцуетъ, и какъ легко съ нимъ вальсировать! Ты представить себѣ не можешь!—

Кажется, Маша, я ему очень понравилась. По крайней мѣрѣ онъ сказалъ мнѣ это въ тотъ же вечеръ на балѣ. Но можетъ быть, онъ только пошутилъ? Вѣдь за молодыми людьми, говорятъ, это бываетъ! Однако онъ, кажется, такой скромный, и вѣрно въ этомъ на другихъ не похожъ.

На другой день, послѣ бала, онъ пріѣзжалъ къ намъ. Праскута думаетъ, что это для нея, потому, что на балѣ онъ танцевалъ съ нею круглое польское; а потомъ, когда мы уѣзжали, подалъ ей шаль. Но это быть не можетъ! Не правда ли, Маша? Скажу тебѣ откровенно, по секрету: я знаю, что онъ не для нея пріѣзжаетъ. Вчерась, когда мы ходили гулять — за грибами,—онъ сказалъ мнѣ тихонько, что

ѣздить для меня, и даже — Маша! пожалуйста, не говори о томъ никому — онъ спросилъ у меня позволенія говорить съ тетушкой.... я ничего ему не отвѣчала.... Напиши мнѣ, та сѣге, хорошо ли я сдѣлала, что ему не отвѣчала? Чтобъ онъ не подумалъ, что я на него разсердилась!

Блистовской очень хорошо играетъ на флейтѣ и поетъ. Голосъ у него очень, очень пріятный! Вчера ввечеру онъ акомпанировалъ мнѣ, когда играла я на клавикордахъ, а потомъ мы пѣли дуэтъ... Итальянская музыка тетенькѣ не очень нравится. Праскута и Гапочка тоже поютъ, и поютъ охотно; но онѣ никогда не учились. При гостяхъ онѣ не любятъ пѣть малороссійскія пѣсни, которыя всѣ прекрасны.... Вмѣсто ихъ, здѣсь въ большой модѣ: *Кто могъ любить такъ страстно, какъ я любилъ тебя, и еще: Всѣхъ цвѣточковъ боль, розу я любилъ.* — Тетушка тоже иногда поетъ: *Я въ пустыню удаляюсь, и Заря утрення взошла, ко мнѣ Машенька пришла.*

Тетенька только третьяг-одня узнала, что я

пою. У насъ былъ Блистовской; я, по просьбѣ его, сѣла за клавикорды и спѣла: *Di tanti palpiti*. Тетенька съ нетерпѣніемъ меня слушала. «Покаковски это?» сказала она, когда я перестала. «Голосъ хорошъ; но что за пѣсня, въ которой ни слова понять нельзя. Неужъ-то васъ въ Монастырѣ учили пѣть только по-Французски, да по-Нѣмецки? Лизавета Филипповна! спойте-ка, пожалуйста, пѣсеньку, которую прислали вамъ изъ Кіева. Вотъ эта мнѣ нравится: она и нѣжна и чувствительна!»

Лизавета Филипповна сидѣла за пальцами. (Это одна барышня, которая иногда гоститъ у насъ по нѣскольку дней). Она посмотрѣла съ боку на Блистовскаго, покраснѣла и опять, потупивъ глаза въ пальцы, начала пѣть пѣсеньку, присланную изъ Кіева. У нея голосъ прекрасный, Маша; только Блистовской говорить, что мой ему лучше нравится. Постараюсь достать отъ Лизаветы Филипповны эту пѣсню и спишу ее для тебя, буква въ букву, съ сохраненіемъ Малороссійскаго выговора. Она начинается такъ:

Долгъ велить зъ тобой растатця,
Честъ велить тебѣя забить.

Пѣсня эта должна быть Русская; но здѣсь такъ странно выговариваютъ Русскія слова, что часто ихъ понять нельзя. Ты, можетъ быть, не догадаешься, на примѣръ: что *велыть тебья забить*, должно значить тоже, что: *велитъ тебя забыть*; но здѣсь всѣ увѣрены, что это чистое Русское нарѣчіе.

Я пришлю тебѣ и ноты къ этой пѣснѣ, любезная Маша!

Голосъ довольно хорошъ; не знаю, какъ понравятся тебѣ слова. Здѣсь отъ нихъ съ ума сходятъ. Это любимая пѣсня въ здѣшнихъ обществахъ.

Прощай, милая Машенька; не забудь справиться о Блистовскомъ, и отвѣчай мнѣ съ первою почтою. Мысленно тебя обнимаю тысячу разъ! —

=

Пріѣхавъ въ село Н**, я тотчасъ, по окончанія священнаго обряда и взаимныхъ поздравленій, началъ освѣдомляться о сочинительницѣ писемъ. Лишь только пріятель мой прочиталъ первое письмо, какъ догадался, къ кому оно писано. «Это моя родственница», сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ: «прекрасная и прелюбезная женщина, которая, къ сожалѣнію, теперь немного нездорова, и потому не могла пріѣхать на крестины. Вамъ надобно съ нею познакомиться; она воспитана въ Смольномъ Монастырѣ, очень умна, добра, и въ цѣлой губерніи пользуется общимъ уваженіемъ. Когда нибудь расскажу вамъ ея приключенія, не совсѣмъ обыкновенныя. Позвольте мнѣ прочитатъ эти письма и показатъ ихъ женѣ моей. Она знакома съ нею съ самаго пріѣзда ея изъ Петербурга». — Я подалъ ему письма, и онъ началъ читатъ ихъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ; но дочитавъ до конца, призадумался, и отдалъ мнѣ ихъ назадъ. — «Вы хотѣли показатъ ихъ супругѣ вашей?» спросилъ я. — «Да» — отвѣчалъ онъ, смѣшавшись нѣсколько: — «но лучше оставить это до другаго раза.» — Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

«Послушайте,» продолжалъ онъ, замѣтивъ это: «скажу вамъ откровенно причину, почему не хочу показывать женѣ писемъ этихъ. Лизавета Филипповна, о которой упоминается въ третьемъ письмѣ, именно моя жена. Вы знаете, каковы женщины, даже самыя добрыя! Она, конечно, ее очень любитъ; но при всемъ томъ я не хотѣлъ бы...» — «Понимаю!»... — отвѣчалъ я, и спряталъ письма въ карманъ.

Вскорѣ потомъ я лично познакомился съ сочинительницею писемъ. Она рассказала мнѣ всѣ приключенія жизни своей, и позволила ихъ издать въ свѣтъ. Нѣкоторыя другія особы, также игравшія роли въ сихъ приключеніяхъ, дополнили то, чего недоставало въ ея разсказахъ, и такимъ образомъ составила книга, которая нынѣ представляется публикѣ.

Бунчукъ = Bunschuk
Булава = Kniebis - Brustschutze des
(bei den Apatzern Wächter)

ГЛАВА III.

ОТЕЦЪ АНЮТЫ.

Трофимъ Алексѣевичъ Орленко происходилъ отъ древней Малороссійской фамиліи, и считалъ между предками своими двухъ или трехъ Полковниковъ и даже одного Генеральнаго Писаря. Когда, по волѣ незабвенной Екатерины, Малороссія приняла новое образованіе, и послѣдній Гетманъ клейноды званія своего, бунчукъ и булаву, положилъ въ фамильный архивъ для вѣчной памяти потомства; тогда многіе чиновники прежняго правленія начали искать мѣстъ при новыхъ властяхъ. Но отецъ Трофима Алексѣевича не захотѣлъ

приобрѣтенный на службѣ старинный казачій чинъ Бунчуковаго Товарища перемѣнить на предлагаемый ему новый Маіорскій, и потому рѣшился провести остатокъ дней на покой, въ небольшомъ предковскомъ имѣніи, находившемся въ Сосницкомъ повѣтѣ. «Я человекъ прежняго вѣка,» говаривалъ онъ своему сыну: «и поздно мнѣ перестраиваться на новый ладъ; но ты, Трофимъ, молодъ и здоровъ; тебѣ открывается новое поле: служи Царицѣ-Матушкѣ нашей вѣрою и правдою, какъ слѣдуетъ казаку. Объ одномъ только прошу тебя: служи въ конницѣ. Не могу вообразить сына своего въ Царской службѣ иначе, какъ на конѣ и съ доброю саблею въ рукахъ!»

И молодой Орленко охотно обѣщался исполнить желаніе почтеннаго отца. Когда минуло ему восемнадцать лѣтъ, старикъ повезъ его въ Батуринъ, явился къ Фельдмаршалу, котораго, по старой привычкѣ, все еще называлъ Гетманомъ, представилъ ему сына, и принять былъ ласково. Фельдмаршалъ благословилъ молодаго Трофима, подарилъ ему прекрасную верховую лошадь съ Кошарскаго за-

вода и пять сотъ рублей. Сверхъ того вручилъ онъ ему письмо къ Шефу гусарскаго полка, стоявшаго неподалеку отъ Батурина, и чрезъ нѣсколько дней старикъ Орленко имѣлъ удовольствіе видѣть сына своего въ гусарскомъ мундирѣ, на борзомъ конѣ и съ саблею въ рукахъ. Но не долго довелось ему любоваться Трофимомъ: вскорѣ потомъ полку назначенъ былъ походъ. Молодой Орленко былъ исправенъ на службѣ и храбръ противъ непріятеля; начальники и товарищи любили его за правоту и добродушіе. Въ Турецкую войну получилъ онъ Георгіевскій крестъ за отбитіе пушки, а во Французскую кампанію съ Суворовымъ заслужилъ ордена Св. Анны и Іоанна Іерусалимскаго. Какъ часто, въ роскошныхъ долинахъ благословенной Италіи и на снѣжныхъ высотахъ суроваго Сень-Готгарда, въ пылу сраженія и среди увеселеній на зимнихъ квартирахъ, воспоминалъ онъ о старомъ отцѣ и о радости, съ какою встрѣтитъ онъ его по возвращеніи въ отечество! — Но когда, украшенный ранами и лаврами, онъ получилъ чистую отставку съ чиномъ Маіора и пріѣхалъ въ свою

деревню, то не засталъ уже въ живыхъ почтеннаго старика.

Трофимъ Алексѣевичъ, отдавъ должную дань благодарности памяти покойнаго, принялъ въ собственное распоряженіе доставшееся ему имѣніе, и тотчасъ занялся устройствомъ хозяйственной части. Онъ выстроилъ новую винокурню и скотный дворъ, вычинилъ кубы и котлы, и удовлетворивъ такимъ образомъ необходимѣйшимъ потребностямъ Малороссійскаго хозяйства, приступилъ къ починкѣ собственнаго дома, который находился въ самомъ жалкомъ положеніи. Исправивъ кровлю и выкрасивъ ее яркимъ краснымъ цвѣтомъ съ бѣлыми отводами, перестлавъ вновь всѣ полы, и огородивъ дворъ и садъ палисадникомъ, онъ вздумалъ, что домъ этотъ для него одного слишкомъ просторенъ и слишкомъ красивъ, а отъ того родилась въ немъ мысль, что молодая хозяйка была бы въ этомъ домѣ не лишняя. Мысль эта очень ему понравилась, и такъ какъ въ военной службѣ онъ сдѣлалъ привычку дѣйствовать рѣшительно, то на другой же день отправился съ визитами къ сосѣдямъ, чтобъ высмо-

трѣть, не встрѣтитъ ли дѣвушки съ тѣми качествами, какихъ желалъ онъ будущей своей женѣ. Казалось, что судьба благопріятствовала его намѣренію: дочь перваго сосѣда, къ которому онъ заѣхалъ, такъ ему понравилась, что онъ не счелъ за нужное продолжать свои поиски. Недѣли чрезъ двѣ послѣ перваго посѣщенія, онъ сдѣлалъ предложеніе, которое принято было съ явною радостію отцемъ, и съ тайнымъ удовольствіемъ дочерью; а такъ какъ немного оставалось до Великаго поста, то и поспѣшили сыграть свадьбу, — и Трофимъ Алексѣевичъ на масляницѣ имѣлъ уже удовольствіе подчивать гостей блинами, испеченными подъ хозяйственнымъ надзоромъ молодой его супруги.

Кому не извѣстно, что вступающіе въ супружество по любви, а не по принужденію, живутъ обыкновенно въ теченіе первыхъ недѣль послѣ свадьбы въ совершенномъ блаженствѣ, и что всѣ предметы, настоящіе и будущіе, представляются имъ въ радужныхъ цвѣтахъ? — Но увы! цвѣта сіи отъ времени блѣднѣютъ; а по мѣрѣ того, какъ яркость ихъ те-

ряется, и супружеское блаженство становится умѣреннѣе—умѣреннѣе и наконецъ отъ онаго остается либо очень мало, либо ничего, либо хуже, чѣмъ ничего. Участь эта, какъ извѣстно всякому, за не многими исключеніями, постигаетъ почти всѣхъ женатыхъ и замужнихъ смертныхъ. Но Трофиму Алексѣевичу посчастливилось попасть именно въ число тѣхъ немногихъ, коихъ супружеское блаженство отъ времени не уменьшается, а возрастаетъ. Жена его (о рѣдкость, достойная удивленія!) ни въ нравѣ своемъ, ни въ обхожденіи съ мужемъ, ни мало не перемѣнилась послѣ свадьбы. Она сохранила ту же скромность, ту же уступчивость, ту же предупредительную привѣтливость, которыя плѣнили нашего Маіора, когда была она дѣвицею. Прошелъ уже цѣлый годъ послѣ женитьбы, и ему все еще казалось, что невозможно быть счастливѣе его; но когда въ концѣ года родилась у него дочь, живое подобіе обожаемой жены, тогда онъ почувствовалъ, чего недоставало ему прежде для совершеннаго счастья.

Такое положеніе Трофима Алексѣевича про-

должалось непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Короткихъ знакомыхъ у нихъ было весьма немного; сосѣди, видя его уединенный образъ жизни, мало по малу отъ него отстали, и онъ о томъ не горевалъ; ибо въ кругу маленькаго семейства его, скука извѣстна была по одному только названію. Между хозяйственными занятіями, взлелѣваніемъ маленькой Анюты и взаимными ласками, время протекало пріятно и непримѣтно. Иногда пріѣзжала къ нимъ гостить двоюродная его сестра, бывшая за мужемъ за Подкоморимъ ближняго повѣта. Анна Андреевна Лосенкова была женщина простая, добродушная, и Трофимъ Алексѣевичъ любилъ и уважалъ ее за отличныя качества ея души, которыя заставляли забывать совершенную ея необразованность и незнаніе правилъ свѣтскаго общежитія. Уединенная ихъ жизнь немного измѣнялась только во время Сосницкой ярмонки. Тогда пріѣзжалъ въ тамошнія свои помѣстья одинъ дальній родственникъ Трофима Алексѣевича, познакомившійся съ нимъ уже послѣ его женитьбы, котораго бóльшая часть имѣнія находилась въ Полтавской губерніи. Съ этимъ род-

Соч. Погор. Т. I. 5

ственникомъ необходимо нужно познакомить читателей моихъ покороче.

Климъ Сидоровичъ Дюндикъ считалъ себя старшимъ въ родѣ, и отъ всей родни своей, которая была не богата, требовалъ особеннаго почтенія, хотя по душевнымъ качествамъ никто менѣе его не имѣлъ на то права. Онъ былъ подлъ и низокъ въ отношеніи къ высшимъ, надмененъ и гордъ съ равными и низшими, притомъ золь, мстителенъ, глупъ и хвастливъ; но, владѣя тремя тысячами душъ, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ и даже однажды выбранъ былъ Дворянствомъ въ Повѣтовые Маршалы! Онъ не мало гордился этимъ, хотя на слѣдующее трехлѣтіе его вновь и не выбрали — по его словамъ, за твердость характера и неуступчивость противъ Губернатора, а по увѣренію другихъ, за совершенную неспособность къ дѣламъ, глупость и надменность. Впрочемъ, при всемъ слабоуміи его, не доставало въ немъ ни хитрости, ни нѣкоторой ловкости къ достиженію своихъ намѣреній. Онъ, на примѣръ, успѣлъ, угощая губернскихъ чиновниковъ и всячески угождая знат-

нымъ людямъ, выхлопотать представленіе, по коему получилъ Владимірскій крестъ за устроенный будто бы въ имѣніи его лазаретъ, въ которомъ, какъ онъ божился, лечили больныхъ безденежно. Когда какой-нибудь случайный человѣкъ проѣзжалъ чрезъ его деревню, онъ всегда къ нему являлся съ приглашеніемъ отобѣдать или, по-крайней-мѣрѣ, выкушать чаю. Часто проѣзжіи соглашались, и тогда Климъ Сидоровичъ обыкновенно умѣлъ наводить разговоръ на благотворительность и другія Христіанскія добродѣтели, рассказывалъ о лазаретѣ своемъ, и показывалъ планъ, чисто и красиво начертанный Губернскимъ Архитекторомъ, которому онъ заплатилъ за это довольно дорого. «Какъ жаль,» говорилъ онъ: «что Ваше Превосходительство не изволите проѣзжать чрезъ имѣніе мое въ Черниговской губерніи! Я бы нижайше просилъ остановиться въ моемъ домѣ: вы, можетъ быть, удостоили бы посѣщеніемъ и больницу мою.»—Такъ говорилъ онъ, когда былъ въ Полтавской губерніи. Въ Черниговской же, напротивъ того, онъ приглашалъ посѣтить больницу, находящуюся, по словамъ его, въ Полтавской губерніи, показы-

вая впрочемъ тотъ же планъ, который онъ всегда возилъ съ собою. Проѣзжающій, не имѣя времени повѣрять его рассказы, благодарилъ за хлѣбъ-соль, и возвращаясь въ Петербургъ, ни мало не сомнѣвался, что у Дюндика въ имѣніи есть превосходный лазаретъ. Случилось даже, что въ то самое время, когда представленіе о немъ поступило въ Петербургъ, два чиновника, угощенные Климомъ Сидоровичемъ, одинъ въ Черниговской, а другой въ Полтавской губерніяхъ, встрѣтились у того самаго вельможи, отъ котораго зависѣло дать ходъ представленію. Вельможа, зная, что они оба не давно были въ Малороссіи, вздумалъ спросить ихъ мнѣнія. «Я его очень хорошо знаю,» сказалъ одинъ изъ нихъ: «предобрѣйшій человѣкъ, истинный другъ человѣчества! Въ Полтавской губерніи у него превосходный лазаретъ на пятьдесятъ кроватей.... я знаю этотъ лазаретъ...» — «Вы ошибаетесь,» прервалъ его другой чиновникъ, жившій съ нимъ не въ ладахъ: «правда, что Климъ Сидоровичъ истинный Христіанинъ, и что у него въ имѣніи есть устроенная примѣрно больница, но не въ Полтавской губерніи, а въ Чер-

ниговской.» — «Помилуйте,» возразилъ первый: «я будто не знаю, что говорю! Лазаретъ именно въ Полтавской губерніи, я это точно знаю... я его видѣлъ.» — «Вѣдь и я не слѣпъ,» вскричалъ второй: — «и я его видѣлъ въ Черниговской губерніи!» — Вельможа, чтобъ рѣшить споръ, посмотрѣлъ въ представленіе; но тамъ о лазаретѣ сказано было глухо, не упоминая, гдѣ именно онъ устроенъ. И такъ, не имѣя причины сомнѣваться въ справедливости обоихъ чиновниковъ, онъ вообразилъ, что у Дюндика устроены больницы въ двухъ губерніяхъ; а какъ впрочемъ два, никогда ни въ чемъ несогласные чиновника, на этотъ разъ единодушно утверждали, что Климъ Сидоровичъ истинный Христіанинъ и другъ человѣчества, то вельможа счелъ за священную обязанность о немъ ходатайствовать, въ чемъ и успѣлъ совершенно.

Климъ Сидоровичъ, какъ сказалъ я выше, пріѣзжалъ обыкновенно въ сосѣдство Трофима Алексѣевича на время Сосницкой ярмонки. Помѣстье его было въ близкомъ отъ города

разстояніи, и во все продолженіе ярмонки къ нему съѣзжались знакомые, которыхъ угощаль онъ завтраками, обѣдами и ужинами, пуншемъ и чаемъ. У таковыхъ хлѣбосоловъ въ Малороссіи скатерть никогда со стола не снимается; ибо, кромѣ регулярныхъ покормокъ, повара должны цѣлый день имѣть въ готовности кушанье для пріѣзжающихъ въ необыкновенное время гостей, которыхъ, по правиламъ общежитія, хозяинъ обязанъ всегда подчивать кушаньемъ, и которые очень рѣдко отказываются, въ какой бы часъ они ни пріѣхали. Впрочемъ не должно думать, что такое хлѣбосольство разорительно. Съѣстные припасы въ Малороссіи дешевы, и къ тому же употребляются домашніе. Винокуренный заводъ снабжаетъ мясомъ и лакомымъ для Украинцевъ саломъ, крестьяне яйцами и птицею; водка и наливки также не покупаются; пуншъ для обыкновенныхъ гостей составляется съ спиртомъ, настоеннымъ на муравьяхъ, и называемымъ мурашковымъ, а для рѣдкихъ гостей подаютъ ромъ, который въ новѣйшія времена умудрились также дѣлать дома изъ хлѣбнаго вина. Гости не прихотливы, ѣдятъ съ

благодарностію предлагаемое, и въ угожденіе хозяину, стараются наперерывъ рассказывать новости о томъ, что слышали на ярмонкѣ, что прочитали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и что происходитъ у каждаго въ сосѣдствѣ. Такимъ-то образомъ и Климъ Сидоровичъ, совсѣмъ потерявшій изъ виду родственника своего, узналъ, что онъ вышелъ въ отставку, успѣлъ жениться и живетъ въ своей деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ. Сначала новость эта не возбудила въ немъ никакого любопытства, ибо онъ не обращалъ большаго вниманія на небогатую свою родню; но когда онъ услышалъ, что родственникъ его Маіоръ и Кавалеръ трехъ орденовъ, то и запылала въ немъ родственная любовь. «А!» сказалъ онъ: «да я его очень хорошо знаю; онъ мнѣ близкій родственникъ, внучатный братъ. Удивляюсь, что онъ еще у меня не былъ! Вѣрно не знаетъ, что я здѣсь. Покойный отецъ мой записалъ его въ службу, и я даже неоднократно ему помогалъ, посылая къ нему въ полкъ деньги!»

Разумѣется, что все это была ложь, но Климъ Сидоровичъ рѣдко упускалъ случай солгать

что нибудь въ свою похвалу. Между тѣмъ, будучи внутренно не совсѣмъ увѣренъ, что Маіоръ Орленко къ нему явится, онъ въ тотъ же день отправилъ къ нему человека съ приглашеніемъ къ обѣду. Онъ не сомнѣвался, что такое приглашеніе будетъ принято съ благодарностію; но въ какую пришелъ онъ досаду, когда посланный возвратился съ поклономъ отъ Трофима Алексѣевича, и съ извиненіемъ, что ему никакъ нельзя быть! Что начать въ такомъ случаѣ? Съ одной стороны не позволяла ему гордость сдѣлать первое посѣщеніе, съ другой больно было показать предъ прочими гостями, что Маіоръ Орленко не очень дорожитъ его родствомъ. Конечно, онъ бы могъ выдавать его за неблагодарнаго, нечувствующаго оказанныхъ ему благодарностей, и онъ было уже на то рѣшился; но увидѣвъ, что всѣ отзываются о Маіорѣ съ уваженіемъ, онъ догадался, что, можетъ быть, ему не повѣрятъ, и потому рѣшился съѣздить къ нему, сколь ни казалось ему это горькимъ. Но и тутъ Климъ Сидоровичъ умѣлъ охранить свое самолюбіе: онъ объявилъ, что ему нужно осмотрѣть одинъ отдаленный хуторъ, и

возвращаясь оттуда, заѣхалъ къ Маіору, какъ будто нечаянно.

Трофимъ Алексѣевичъ принялъ его учтиво, но довольно холодно, ибо физіономія его и пріемы сначала не пришлись ему по-сердцу. Но когда Дюндикъ съ увѣрительностію сталъ говорить о тѣсной дружбѣ, соединявшей ихъ родителей, о важныхъ услугахъ, оказанныхъ его отцемъ покойному Бунчуковому Товарищу, и когда мимоходомъ коснулся обязанностей истиннаго Христіанина и лазарета на пятьдесятъ кроватей; тогда Орленко усомнился въ своемъ искусствѣ отгадывать качества людей по физіономіи, крѣпко пожалъ ему руку и обѣщался непременно пріѣхать на другой день. Такимъ образомъ началось знакомство между двумя родственниками.

Съ того времени Маіоръ Орленко всякій разъ посѣщалъ Клима Сидоровича, когда онъ пріѣзжалъ въ Черниговскую губернію. Будучи самъ правдивъ и добродушенъ, онъ легко повѣрилъ, что внучатный братъ его, котораго впрочемъ видалъ рѣдко, дѣйствительно такъ добръ, каковымъ хотѣлъ казаться, и полагая сверхъ того,

что отецъ его былъ облагодѣтельствованъ отцемъ Дюндика, онъ во всякомъ случаѣ оказывалъ ему всевозможное уваженіе. Онъ даже, согласясь на неоступныя его просьбы, рѣшился съѣздить, хоть на короткое время, въ Полтавскую губернію, чтобъ познакомиться съ его женою. Уже назначенъ былъ день отъѣзда, какъ вдругъ судьба посѣтила его такимъ несчастіемъ, которое совершенно разрушило его спокойствіе. Хорошая жена, его единственный и вѣрный другъ, нечаянно простудившись, впала въ сильную горячку, на девятый день прекратившую ея жизнь, не смотря на помощь врача, призваннаго изъ ближайшаго города.

Легко представить себѣ можно отчаяніе бѣднаго Орленка! Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, онъ не могъ пролить ни одной слезы, не могъ выговорить ни одного слова, и Докторъ началъ опасаться, что онъ не въ силахъ будетъ перенести сей ударъ. Двоюродная сестра его, Лосенкова, услышавъ о семъ несчастіи, поспѣшила къ нему, и усильнѣйшими просьбами съ трудомъ могла уговорить его употреблять хотя немного пищи. Наконецъ ласки маленькой его

дочери, пятилѣтней Анюты, нашли доступъ къ стѣсненному его сердцу. Онъ крѣпко прижалъ ее къ груди, въ первый разъ послѣ смерти жены слезы полились изъ глазъ его, и Докторъ началъ надѣяться на сохраненіе его жизни. Но надежда эта скоро разрушилась! Орленко день ото дня становился слабѣе, прогрустилъ еще мѣсяца четыре, и наконецъ слуга его, пришедшій по обыкновенію утромъ въ его комнату, не нашелъ уже его въ живыхъ. Въ письменномъ столикѣ его найдено короткое завѣщаніе, сочиненное за нѣсколько дней до кончины. Въ немъ онъ назначилъ Клима Сидоровича опекуномъ дочери своей, и просилъ его быть ей покровителемъ и благодѣтелемъ. Анна Андреевна съ горькими слезами отдавъ послѣдній долгъ покойному, запечатала завѣщаніе въ пакетъ, и отправила его по почтѣ къ Климу Сидоровичу; а невинную малютку Анюту взяла съ собою, чтобъ воспитать ее вмѣстѣ съ двумя своими дочерьми.

ГЛАВА IV.

ТЕТУШКА И ОПЕКУНЪ.

Анна Андреевна Лосенкова жила въ принадлежащемъ ей селѣ Барвеновѣ, въ разстояніи около ста верстъ отъ деревни покойнаго Орленка. Мужъ ея, бывшій Подкоморіемъ, оставилъ послѣ смерти своей имѣніе довольно разстроенное и двухъ малолѣтнихъ дочерей, почти однихъ лѣтъ съ Анютою. Анна Андреевна не имѣла ни малѣйшаго понятія ни объ Англійскомъ сельскомъ домоводствѣ, ни о педагогикѣ, а потому ей и не приходило на мысль, въ затруднительномъ своемъ положеніи прибѣгнуть къ Московскимъ Вѣдомостямъ, для пріисканія искуснаго

управителя и ученой гувернантки. Вмѣсто сего легкаго и вѣрнаго средства, она, по простотѣ своей, отслуживъ усердно молебень и твердо полагаясь на помощь Всевышняго, рѣшилась принять въ собственное свое попеченіе и дѣтей и имѣніе. И въ самомъ дѣлѣ молитва ея за Богомъ не пропала! При наблюденіи простаго правила, чтобъ расходы всегда были менѣе прихода, успѣла она въ короткое время выплатить всѣ долги мужа. Притомъ дѣти ея, видя передъ глазами примѣръ доброй, скромной и некапризной матери, еще въ младенческихъ лѣтахъ показывали хорошій нравъ и добрыя качества. Бѣдная сирота Анюта тотчасъ съ ними подружилась, и не прошло еще двухъ мѣсяцевъ, какъ она совершенно привыкла къ семейству Лосенковыхъ. Добрая тетушка любила ее, какъ свою дочь, а дѣти считали Анюту родною сестрою. Въ этихъ лѣтахъ впечатлѣнія, произведенныя несчастіемъ, хотя бываютъ сильны, но не продолжительны, и въ сердцѣ невинной малютки скоро изгладились слѣды печальныхъ воспоминаній о смерти родителей.

О Климѣ Сидоровичѣ долго не было ни ма-
Соч. Погор. Т. I.

лѣйшаго слуху, и тетушка начала уже опасаться, не потерялось ли на почтѣ отправленное къ нему завѣщаніе. Къ нѣкоторому ея успокоенію она однако узнала, что управитель его получилъ уже приказаніе принять имѣніе покойнаго въ свое вѣдѣніе. Изъ этого она должна была заключить, что завѣщаніе до него дошло; но при всемъ томъ не понимала, отъ чего самъ опекунъ не пріѣхалъ навѣдаться о сиротѣ, или по крайней мѣрѣ, не написалъ хотя нѣсколько строчекъ. Доброй тетушкѣ и въ голову не приходило, чтобъ опекунъ такъ мало заботился о ввѣренномъ попеченію его залогѣ; она обманывалась въ немъ такъ же, какъ обманулся и покойный Орленко, и беспокоилась уже о томъ, не занемогъ ли онъ.

Читатель, для котораго открыто сердце Клима Сидоровича, весьма бы однако ошибся, если бъ подумалъ, что завѣщаніе покойнаго Маіора принято имъ было съ неудовольствіемъ. Напротивъ того, онъ весьма оному обрадовался, ибо тутъ представлялся ему новый случай хвалиться передъ всѣми своею добродѣтелью. Чего не рассказывалъ онъ о благодѣяніяхъ, какими и самъ

онъ и отецъ его осыпали все семейство Маіора! Многіе ему вѣрили, ибо въ разсказахъ своихъ онъ упоминалъ о такихъ подробностяхъ, которыя, казалось, не могли быть совершенною выдумкою. Нѣкому было доказывать его неправду, а къ тому же и самъ Маіоръ въ завѣщаніи своемъ припоминалъ о благодареніяхъ, семейству его оказанныхъ. За то завѣщаніе сіе хранилось у Клима Сидоровича, какъ драгоценность, вмѣстѣ съ планомъ славнаго лазарета, и онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ никогда не выѣзжалъ со двора, не взявъ его съ собою. Но въ продолженіе сихъ хвастливыхъ разсказовъ онъ совершенно забылъ о бѣдной Анютѣ. Наконецъ, когда одинъ изъ его знакомыхъ спросилъ однажды случайно, куда она теперь пристроена, Клима Сидоровичъ вспомнилъ, что ему необходимо нужно, для свѣта, принять какія нибудь мѣры въ отношеніи къ ней. Сначала ему вздумалось, что удобно было бы взять ее къ себѣ; ибо и у него были двѣ дочери, немногими годами постарѣе Анюты. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль о выгодахъ, могущихъ произойти отъ этого добраго дѣла, и ему уже чудились разныя трогательныя сцены, плѣнявшія его во-

ображеніе. Напримѣръ, ему представлялось, что заѣдетъ въ домъ его, по дорогѣ, какой нибудь знатный сановникъ — чего добраго! можетъ быть, и Министръ. Послѣ обѣда, или во время чая, (какъ случится), войдутъ въ комнату три дѣвочки, чисто умытыя, съ расчесанными косами, и, на этотъ разъ, всѣ три въ одинакихъ платьяхъ. «Это, конечно, ваши дочери?» спросить Министръ. — Только двѣ изъ нихъ, Ваше Высокопревосходительство! третья, бѣдная сиротка, которую я воспитываю совершенно наравнѣ съ родными моими дѣтьми. Безъ меня ей несчастной нѣкуда дѣваться; но я помню ученіе Святаго Евангелія, и думаю себѣ, что Богъ, Ваше Высокопревосходительство, за то не оставитъ моихъ дѣтей! Подойди ближе, Анюта! не бойся, миленькая! Не правда ли, что тебѣ у меня хорошо жить? — Анюта, помня прежде данное ей приказаніе, поцѣлуетъ у него съ нѣжностію руку, и Министръ подумаетъ: какой благодѣтельный человѣкъ! А это при случаѣ пригодится. Конечно, случиться можетъ и такъ, что Министръ заѣдетъ въ такой день, когда Марѳа Петровна (супруга Клима Сидоровича), можетъ быть, наканунѣ немного неосторожно потрепа-

ла сиротку по щекамъ, и слѣды еще на другой день отчасти будутъ видны; но вѣдь и это бѣда не большая! Министръ вѣрно не замѣтитъ, что у сиротки одна щека краснѣе и пухлѣе другой; а если, противъ чаянія спросить, отъ чего? такъ можно же сказать, что у нее болятъ зубы!»

Такимъ образомъ роскошное воображеніе Клима Сидоровича представляло ему въ разныхъ видахъ пользу, какую онъ можетъ извлечь для себя, принявъ Анюту въ свой домъ, и чѣмъ болѣе онъ о томъ помышлялъ, тѣмъ болѣе представлялось ему выгодъ. «Когда она вырастетъ,» думалъ онъ: «такъ мы выдадимъ ее за-мужъ! Дѣвочка, кажется, будетъ не дурна собою; къ тому же у нее безъ малаго триста душъ; а въ теперешнее тяжелое время и это не бездѣлица! Почему же не отдать ея, напримѣръ, за Секретаря Генеральнаго Суда? У меня будетъ свой ходатай по тяжбамъ, да еще какой! и тогда кто противъ Клима Сидоровича!»

Между тѣмъ бѣдная Анюта играла и рѣзвилась съ своими сестрами, не помышляя о томъ, что у нее есть опекунъ, отъ котораго она совер-

шенно зависеть; а доброй тетушкѣ и во снѣ не грѣзилось, что опекунъ этотъ мысленно отрекомендовалъ уже Анюту Министру, и потомъ выдалъ ее за-мужъ за Секретаря Генеральнаго Суда! Но милосердый Промыслъ, пекущійся о сирыхъ, избавилъ ее отъ корыстныхъ видовъ, угрожавшихъ ей со стороны опекуна.

Климъ Сидоровичъ, на этотъ разъ, ошибся въ расчетѣ. Вспоминая, въ планахъ своихъ, о Марѣ Петровнѣ, онъ хотя отдавалъ ей полную справедливость, придумывая заранѣе средства какъ скрыть отъ Министра распухлыя щеки бѣдной Анюты (ибо Марѣа Петровна была во всѣхъ отношеніяхъ достойная его супруга), но не предвидѣлъ, чтобы предложеніе взять Анюту въ домъ, могло быть ею отвергнуто. Къ счастью Анюты, Марѣа Петровна была очень не въ духѣ въ ту самую минуту, когда Климъ Сидоровичъ явился къ ней съ предложеніемъ. Она только что успѣла разбранить Еврея шинкаря, возвратившагося съ ярмонки и неумѣвшаго купить на салопъ именно такого атласу, какой она приказывала. Больше, какъ смоль, глаза ея сверкали еще отъ гнѣва, когда мужъ вошелъ въ комнату. Если бъ онъ

догадался выждать благопріятное время, то дѣло было бы въ шляпѣ; но «на каждаго мудреца довольно простоты» говоритъ пословица, кольми же паче на Клима Сидоровича! Будучи увѣренъ, что спекуляція его послужитъ еще къ утишенію ея гнѣва, онъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ началъ рассказывать, какія выгоды они могутъ получить отъ этого благодѣянія; но не успѣлъ онъ еще договорить, какъ Марѳа Петровна раскричалась: «Убирайся ты самъ и съ глупой своей дѣвчонкой! Чтобъ и духу ея не слышно было въ моемъ домѣ! Мой домъ не богадѣльня! Мой домъ не воспитательный! Вотъ тебѣ-на! Мнѣ и свои дуры надоѣли, а я еще стану возиться, чортъ знаетъ съ кѣмъ!» Смѣкнулъ муженекъ, что пришелъ не во-время, но ошибку поправить ужъ было поздно!

На другой день онъ однако опять отважился начать разговоръ о томъ же. Марѳа Петровна тогда была въ хорошемъ расположеніи, и потому выслушала мужа до конца. Внутренно, доводы его показались ей довольно убѣдительными, и она даже колебалась въ своемъ упрямствѣ; но вспомнивъ правило, котораго всегда держалась:

:Ф:

ОЮ

:Ф:

ОЮ

ни въ чемъ не уступать мужу и исполнять волю свою, не слушая ни просьбъ его, ни убѣжденій, — она сказала на отрѣзъ: «не хочу, не хочу! и никогда хотѣть не буду — хоть ты тресни!» Послѣ этого Климъ Сидоровичъ не смѣлъ уже ее болѣе беспокоить, изъ опыта зная, что старанія его ни къ чему бы не послужили.

Прошло около года послѣ смерти Маіора, и добрая тетушка успѣла уже такъ свыкнуться съ мыслію, что Аня дѣйствительно ея дочь, что навопросъ: сколько у нея дѣтей? она вѣрно отвѣчала бы: трое! Аня между тѣмъ любила ее, какъ родную мать, и вѣрно бы горько расплакалась, если бъ кто-нибудь вздумалъ ее разувѣрить въ томъ, что она не родная дочь Анны Андреевны. Отъ Клима Сидоровича не было никакихъ отзывовъ, и казалось, что ничто не могло потревожить семейнаго спокойствія тетушки, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, получила она письмо, погрузившее ее въ горестъ, близкую къ отчаянію. Но прежде, нежели расскажу читателю содержаніе сего письма, долженъ я, по неволѣ, обратиться опять къ опекуну нашей сироты.

Совершенно потерявъ надежду уговорить жену свою, послѣ двухъ неудачныхъ покушеній, о которыхъ рассказалъ я выше, Дюндикъ совсѣмъ пересталъ думать объ Анютѣ, вспоминая о ней только изрѣдка, когда, увлекаемый желаніемъ похвастаться передъ новымъ гостемъ, онъ вынималъ изъ ящика завѣщаніе покойнаго Маіора. Такимъ образомъ случилось однажды, что обѣдалъ у него сосѣдній помѣщикъ, отставной Полковникъ, находившійся передъ тѣмъ долгое время въ отсутствіи. Помѣщикъ былъ человекъ умный и просвѣщенный, и зналъ лично Маіора, когда былъ еще въ службѣ. Узнавъ изъ рассказовъ хозяина, что Маіоръ уже съ годъ, какъ умеръ и оставилъ малолѣтнюю дочь, онъ съ участіемъ сталъ спрашивать о теперешней ея судьбѣ. Климъ Сидоровичъ сначала немного смѣшался; но вскорѣ, опомнясь, отвѣчалъ, что отдалъ ее на воспитаніе родной теткѣ, которой за то платить, изъ собственнаго своего кармана, значительную сумму. «Однако» замѣтилъ Полковникъ: «Анна Андреевна, сколько мнѣ извѣстно, хотя добрая женщина, но не въ состояніи доставить дитяти приличное воспитаніе.» — «Конечно такъ,» отвѣчалъ опекунъ, запинаясь: «но

извольте видѣть... я, конечно, охотно взялъ бы ее къ себѣ; да у меня... видите ли... въ домѣ тѣсновато: дѣтская не очень большая... впрочемъ, можетъ быть, со временемъ... конечно, по долгу Христіанскому....»

Помѣщикъ, имѣя, какъ умный человѣкъ, довольно точное понятіе о Климѣ Сидоровичѣ, поспѣшилъ вывести его изъ замѣшательства. «Почему бы вамъ не отдать ея въ Смольный Монастырь?» сказалъ онъ: «тамъ она получила бы такое образованіе, какого и въ столицѣ дѣтямъ своимъ было бы трудно доставить частному человѣку; здѣсь же это вовсе невозможно.» — «Да я, право не знаю.... конечно ваша правда... только я думаю, что это очень затруднительно..» — «Ни сколько! стоитъ подать прошеніе.» — «Да я не знаю, кому и какъ!» — «Я охотно вамъ въ этомъ помогу» — «Ну! а если ее въ самомъ дѣлѣ примутъ? Вѣдь надобно будетъ отвезть ее въ Петербургъ. Сами посудите, какъ это затруднительно.» — «И на это есть средство,» сказалъ Полковникъ: «я не дѣли черезъ двѣ думаю самъ ѣхать въ столицу, куда везу также свою дочь, уже принятую въ

Смольный. Повѣрьте мнѣ Анюту на руки; я радъ буду оказать эту маловажную услугу дочери Маіора Орленка.»

Климу Сидоровичу отговариваться было нечѣмъ; къ тому же для него было все равно, въ Петербургѣ ли она будетъ воспитываться, или въ селѣ Барвеновѣ. Онъ согласился на предложеніе Полковника, вручилъ ему письмо къ Аннѣ Андреевнѣ, въ которомъ, по праву опекуна, требовалъ, чтобъ она отдала ему Анюту для доставленія въ Петербургъ, — и на другой день уже рассказывалъ всѣмъ, что, заботясь о воспитаніи этой бѣдной сиротки, онъ уговорилъ Полковника взять ее съ собою, и что Полковникъ, по дружбѣ къ нему, на то согласился.

Полковникъ, желая выполнить въ точности принятую на себя обязанность, самъ поѣхалъ въ Барвеново. По прочтеніи письма, бѣдная тетушка громко зарыдала и бросилась цѣловать Анюту. Требованіе сіе пришло такъ неожиданно, что она было занемогла не на шутку отъ горестной мысли съ нею разстаться. Разказы тронутаго Полковника о Смольномъ Монастырѣ, о

сиротамъ
образъ тамошняго воспитанія дѣтей, о материнскомъ попеченіи Августѣйшей ихъ Покровительницы ее немного успокоили; но она просила со слезами оставить Аnięту хотя еще на нѣсколь-ко дней. Полковникъ не могъ отказать неотступнымъ ея просьбамъ, и прожилъ цѣлую недѣлю въ Барвеновѣ. Онъ успѣлъ короче познакомиться съ тетужкой, и узнавъ ея кроткое сердце, ея скромную и незаносчивую добродѣтель, возымѣлъ къ ней искреннее уваженіе. «Если бъ невозможно было помѣстить Аnięту въ Монастырь,» подумалъ онъ: «то несравненно бы полезнѣе для нея было оставаться у доброй, хотя необразованной, тетужки, нежели у злой и полупросвѣщенной Марѣы Петровны.»

Не буду описывать горести тетужки, когда, въ послѣдній разъ при прощаніи, обняла она заплаканную Аnięту, и перекрестивъ ее, посадила къ Полковнику въ карету. «Ой! загубила я свою Галечку!» (*) говорила она, обливаясь слезами и долгое время ласки собственныхъ ея малютокъ не могли развлечь глубокой ея печали.

(*) Ой! потеряла я свою Аnięту!

ГЛАВА V.

СМОЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ И ВЫПУСКЪ ИЗЪ ОНАГО.

Кто имѣетъ понятіе о образѣ жизни и воспитаніи въ Смольномъ Монастырѣ, тотъ легко повѣритъ, что Анютѣ немного нужно было времени, чтобъ привыкнуть къ новому своему положенію. Вскорѣ она коротко познакомилась съ подружками своими, и среди невинныхъ забавъ и нетягостнаго ученія, время протекало непримѣтно. Анюту всѣ въ Монастырѣ любили: она была доброе и ласковое дитя, притомъ такъ послушна и прилежна, что никогда не подавала ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Такимъ образомъ быстро протекло нѣсколько лѣтъ, и ма-

ленькая деревенская дѣвочка Анята сдѣлалась прелестною молодою дѣвицею, въ которой не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ прежняго воспитанія. Время выпуска ея изъ Монастыря приближалось, между тѣмъ, скорыми шагами, и сердце въ ней сжималось отъ невольнаго трепета при мысли о роковой минутѣ, долженствовавшей разлучить ее навсегда съ милыми подружками, съ добрыми наставницами, съ тихою и однообразною монастырскою жизнію. Анята оставила Малороссію въ самыхъ нѣжныхъ младенческихъ лѣтахъ, и Смольный Монастырь съ-тѣхъ-поръ сдѣлался для нея какъ бы новою родиною, въ которой сосредоточивались всѣ ея мысли, желанія и заботы. Въ монастырскихъ стѣнахъ, одна только тетушка иногда занимала ея воображеніе, да и та представлялась ей совсемъ въ иномъ видѣ, нежели какова была въ самомъ дѣлѣ. Всѣ мѣстныя впечатлѣнія, вывезенныя ею изъ Барвенова, давно уже исчезли изъ ея памяти, и уступили мѣсто другимъ картинамъ, заимствовавшимъ краски свои отъ новыхъ понятій, развивавшихся въ ея умѣ. Тетушка, напримѣръ, представлялась ей въ образѣ одной Инспектрисы, болѣе другихъ ею любимой, а двоюродныхъ се-

стеръ она уподобляла тѣмъ изъ-своихъ подружекъ, которыя наиболѣе ей нравились. Даже тетускинъ домъ въ селѣ Барвеновѣ получилъ въ ея воображеніи другой фасадъ и совсѣмъ иное расположеніе комнатъ. Онъ казался ей: «конечно, меньше Монастыря, — однако не слишкомъ меньше! И комнаты въ немъ, какъ ей помнилось, были свѣтлыя, высокія и богато убранныя, хотя, впрочемъ, не такія огромныя, какъ, напримѣръ, большая монастырская зала! Что жъ касается до сада — о! такъ тетускинъ садъ былъ гораздо пространнѣе и милѣе монастырскаго, и сколько въ немъ было цвѣтовъ! Анюта очень твердо помнила, что тетуска позволяла ей рвать цвѣтовъ сколько угодно, и что, несмотря на то, количество ихъ никогда не убавлялось.»

Наконецъ настало время выпуска; частныя испытанія кончились, и наступили публичныя. Какъ сильно билось сердце Анюты, когда приблизился послѣдній день пребыванія ея въ Монастырѣ! Почти цѣлую ночь не смыкала она глазъ, а когда засыпала на короткое время, и воображеніе представляло ей веселыя и заманчивыя картины свѣтской жиз-

ни, тогда мысль о разлукѣ съ Монастыремъ и о неизвѣстности будущей судьбы, пробуждала ее внезапно.

Дочь Полковника Р**, поступившая въ Монастырь въ одно время съ нею, принадлежала къ тому же выпуску, и отецъ ея взялъ Анюту къ себѣ вмѣстѣ съ дочерью. Въ продолженіе пребыванія ихъ въ Смольномъ, онъ опять вступилъ въ службу и совсѣмъ поселился въ Петербургѣ; и такъ Анютѣ пришлось остаться у него въ домѣ до-тѣхъ-поръ, пока тетушка, съ которою онъ, между тѣмъ, сохранилъ дружескія сношенія, пришлетъ за нею изъ Малороссіи. Анюта связана была тѣсною дружбою съ дочерью Полковника, и добрая Маша во всѣхъ отношеніяхъ заслуживала привязанность своей подруги, и платила ей взаимною любовью. Онѣ повѣряли другъ другу все, что у нихъ было на сердцѣ, — а въ первое время вступленія ихъ въ свѣтъ было о чемъ поговорить между собою! Все казалось имъ такъ странно, такъ дико, — все имъ представлялось въ иномъ видѣ, нежели какъ онѣ воображали прежде! Въ первые разы, когда онѣ являлись въ обществѣ,

имъ казалось, что всѣ обращаютъ вниманіе на каждое ихъ слово, на каждое ихъ движеніе! По вечерамъ, онѣ сообщали другъ другу мысли свои и замѣчанія о видѣнномъ ими въ продолженіе дня; разговоры эти часто не прекращались и тогда, когда онѣ уже лежали въ постелѣ, а иногда лучи восходящаго солнца находили ихъ еще неспящими.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Полковникъ успѣлъ въ это время познакомиться ихъ съ достопамятностями пышнаго Петербурга, и посѣтилъ съ ними ближайшія окрестности столицы. Какъ полюбились Анютѣ веселые острова Невы! Какъ понравились ей роскошные сады Петергофа, Царскаго Села и Павловска! Будущая сельская жизнь въ Барвеновѣ, въ воображеніи ея, украшалась мыслию, что тетушкинъ садъ похожъ хотя на одинъ изъ тѣхъ, которыми любовалась она въ Петербургѣ.

Около конца Мая, пріѣхала женщина, присланная тетушкою за Анютою. Клара Кашпаровна была толстая и добрая Нѣмка лѣтъ за

пятьдесятъ, родомъ изъ Бѣлыхъ-Мѣжъ (*), которую тетушка считала женщиною опытною, ибо она говорила по-нѣмецки, и нѣсколь-ко разъ бывала въ Кіевѣ на контрактахъ. Во всей окружности Барвенова Клара Кашпаров-на была въ большой чести, потому, что превосходно варила варенья, приготавливала наливки и умѣла покупать дешево все, что ей поручали. Кромѣ того, никто не умѣлъ съ такою бережливостью скроить платье, и изъ обрѣзковъ матеріи, повидимому негодныхъ, составить наголку или другой нарядъ, или же выгадать жилетъ хотя дворецкому! Она охотно согласилась съѣздить въ Петербургъ на счетъ тетушкинъ и, сверхъ удовольствія, надѣялась извлечь нѣкоторую пользу изъ этого путешествія, запасясь въ столицѣ новыми выкройками для Малороссійскихъ модницъ.

Но Петербургъ не очень ей понравился. Она чувствовала себя какъ-будто связанною въ домѣ Полковника, и потому, исправивъ данныя ей въ Малороссіи порученія, безперестан-

(*) Нѣмецкая колонія въ Черниговской губерніи.

но поспѣшала отъѣздомъ. «Ну что здѣсь за жизнь!» твердила она Аня. «На улицахъ такъ тѣсно, что индо ходить нельзя: того и смотри, что собыютъ съ ногъ, особливо на Невскомъ прищептѣ! А дома-то ужъ черезчуръ высоки; лѣзешь, лѣзешь на лѣстницу, словно на колокольню, такъ, что ноги подкашиваются; а изъ окошка посмотришь — такъ голова закружится! То-ли-дѣло у насъ, въ Барвеновѣ!»

Аня очень не хотѣлось оставить Петербургъ; но дѣлать было нечего! Ударилъ наконецъ часъ разлуки, день-ото-дня отлагаемый; всѣ прощальные визиты были кончены, все было готово къ отъѣзду, всѣ предлоги къ дальнѣйшей отсрочкѣ были истощены! Въ послѣдній разъ еще поѣхала она въ Монастырь, распроститься со всѣми... въ послѣдній разъ посетила она классы, дортуары, садъ! Каждая комната, каждый уголокъ стоилъ ей новыхъ слезъ! Въ продолженіе долговременнаго тамъ пребыванія сердце ея успѣло породниться даже съ бездушными предметами, находившимися предъ глазами ея съ младенческихъ лѣтъ! Оставляя Монастырь и Петербургъ, ей каза-

лось, что везуть ее въ другое Государство, — въ другую часть свѣта!

Дома дорожная карета была уже заложена. Полковникъ съ Машею проводили Анюту до Трехъ-Рукъ. Тамъ онѣ еще разъ обнялись и возобновили обѣщаніе писать съ каждою почтою; еще разъ другъ друга перекрестили, и разстались — на долго! Анюта, сѣвъ въ карету, прижалась въ уголокъ, и слезы подъ зеленымъ вуалемъ лились ручьемъ изъ глазъ ея, пока, наконецъ, благодѣтельный сонъ представилъ воображенію ея любезный Монастырь, великолѣпный Петербургъ и милую, незабвенную Машу!

ГЛАВА VI.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЪ МАЛОРОССІЮ.

Изъ писемъ Анюты, помѣщенныхъ во второй главѣ сей книги, читателямъ уже извѣстно, въ какое она пришла удивленіе, когда, по пріѣздѣ въ Барвеново, все нашла въ иномъ видѣ, нежели какъ предполагала. Другая, на мѣстѣ ея, вѣроятно, потеряла бы всю бодрость духа, и день и ночь проводила бы въ слезахъ, или, можетъ быть, съ досадою и презрѣніемъ смотрѣла бы на тетушку и на сестеръ, и наконецъ сама сдѣлалась бы ненавистною для всѣхъ родныхъ своихъ и знакомыхъ. Но Анюта была не такова: напитанная доброю нрав-

ственности и приученная къ скромности, она и не помышляла насмѣхаться надъ другими, что они не такъ одѣты, какъ она, или пренебрегать тѣми, которыхъ случай лишилъ свѣтскаго воспитанія. За то всѣ ее любили и уважали; сестры безъ зависти взирали на ея преимущества, а тетушка не могла ею налюбоваться. Аня хотя всегда съ сожалѣніемъ вспоминала о Петербургѣ, но, повинувшись съ покорностію опредѣленіямъ судьбы, искренно вознамѣрилась приучить себя къ новому положенію, въ которомъ находилась. Когда же узнала она добрыя качества и горячую къ ней любовь тетушки; когда услышала отъ постороннихъ, что Анна Андревна ее, оставленную послѣ родителей сиротою, призрѣла съ материнскою нѣжностію: тогда изъ благодарнаго сердца ея изгладились всѣ сравненія между тетушкою и Инспектрисою, между кузинами и монастырскими подружками. Она научилась собственнымъ опытомъ, что не одѣянье и не наружный блескъ составляютъ достоинство человека; а полюбивъ искренно своихъ родныхъ, она даже стала находить удовольствіе въ

сельской жизни, которая въ первые дни казалась ей столь непріятною.

Какъ правдивый Историкъ, я впрочемъ нахожусь въ необходимости признаться читателю, что и другое обстоятельство, независимое отъ добрыхъ качествъ тетушки, не мало способствовало къ украшенію въ глазахъ Аниоты деревенской жизни въ Барвеновѣ. Штабсъ-Ротмистръ Блистовской, котораго видѣла она на балѣ у Хорунжаго, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на неопытное сердце, созданное для нѣжнѣйшихъ чувствованій. Сначала она сама того не знала; ей казалось, что онъ болѣе другихъ ей нравился потому только, что обращеніемъ своимъ напоминаетъ ей любезный Петербургъ. Въ невинной неопытности своей, она даже не примѣчала дѣйствія, произведеннаго ею на Блистовскаго, и его старанія по нравиться ей приписывала простой учтивости. Заблужденіе, въ которомъ находилась она относительно собственнаго своего сердца, еще усилилось, когда узнала она, что Блистовской недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ видѣлъ и Машу; тогда ей показалось такъ нату-

рально, что она съ нимъ болѣе любила говорить, нежели съ другими! По возвращеніи ея съ бала домой, Блистовской не выходилъ у ней изъ мыслей; но какъ эти мысли о немъ смѣшивались обыкновенно съ воспоминаніями о Петербургѣ и о Машѣ, то она долго еще оставалась въ заблужденіи на счетъ истинныхъ чувствованій своего сердца.

Между-тѣмъ Блистовской, болѣе ея опытный, увѣрился, при первомъ взглядѣ на Анюту, что отъ нея зависѣть будетъ счастіе или несчастіе всей его жизни. Онъ долго жилъ въ Петербургѣ, бывалъ въ чужихъ краяхъ и уже не разъ пріѣзжалъ въ Малороссію, гдѣ находилась значительная часть его имѣнія; однако ни въ Петербургѣ, ни въ Малороссіи, и нигдѣ, ни одна дѣвушка не производила на него такого впечатлѣнія, какъ Анюта. И это впечатлѣніе не казалось ему дѣйствіемъ одной красоты ея! Конечно, высокій стройный станъ ея, большіе голубые глаза, осѣненные длинными черными рѣсницами, и вся вообще прелестная наружность ея плѣняли его взоры; но и прежде того случалось иногда, что сердце его би-

лось сильнѣе при видѣ подобнаго стана, подобныхъ глазъ! Не одинъ разъ въ жизни встрѣчалъ онъ дѣвушекъ, которыя нравились ему своею красотою; но ни въ комъ еще не находилъ столько кротости и добродушія, такой милой и невинной улыбки, такого плѣнительнаго выраженія во всѣхъ чертахъ! Вступивъ съ нею въ разговоръ, онъ пораженъ былъ ея здравыми сужденіями, и даже самая ея неопытность и незнаніе свѣта придавали ей какую-то необыкновенную прелесть. Нѣтъ! подумалъ онъ: такая наружность не можетъ быть обманчивою! и самому себѣ далъ слово, употребить всѣ усилія, чтобъ снискать ея любовь.

Блистовской былъ нрава твердаго и рѣшительнаго, и будучи притомъ богатъ и не имѣя родителей, зависѣлъ совершенно отъ себя. Онъ принялъ намѣреніе не откладывать надолго рѣшенія судьбы своей, познакомиться съ Анютою покороче, и при первомъ случаѣ съ нею объясниться. На другой же день послѣ бала онъ отправился въ Барвеново.

Въ Малороссіи, въ тѣхъ домахъ, гдѣ не успѣли еще промѣнять стариннаго Русскаго гостепріимства на новыя свѣтскія приличія, не нужно много времени, чтобъ коротко познакомиться съ семействомъ и быть принятымъ, какъ родной. Правда, конечно, и то, что богатый и холостой гвардейскій офицеръ въ провинціяхъ бываетъ всегда принимаемъ отлично-хорошо; но если вникнуть внимательно въ причины такого пріема, то не трудно открыть, что часто въ этомъ руководствуются не однимъ гостепріимствомъ. Мнѣ самому случалось видѣть въ нѣкоторыхъ домахъ, какъ ласкали молодаго человѣка, еще холостаго, и какъ вскорѣ потомъ принимали его, когда онъ являлся въ тотъ же домъ уже женатый. Несходство между обоими пріемами было разительное, хотя молодой человѣкъ въ теченіе этого времени не перемѣнился ни лицомъ, ни душею. Но какъ бы то ни было, а тетушка—какъ намъ извѣстно—не принадлежала къ числу людей моднаго разбора, и потому приняла Блистовскаго съ обыкновеннымъ радушіемъ, ни мало не заботясь о причинахъ его посѣщенія. Анята обрадовалась, когда онъ не-

ожиданно вошелъ въ комнату, и, въ невинномъ заблужденіи, не думала скрывать своего удовольствія, полагая, что она радуется только случаю поговорить о милой Машенькѣ! У бѣдной Праскуты тоже забилося сердце: она считала, что Блистовской пріѣхалъ для нея, и покраснѣла по уши!

Мы не будемъ томить читателей нашихъ распространеніемъ разсказа о томъ, что имъ уже извѣстно изъ писемъ Аняты. Блистовской пріѣзжалъ почти ежедневно въ Барвеново, всякій день открывалъ новыя достоинства въ своей любезной и всякій день болѣе влюблялся. Нѣсколько разъ просилъ онъ позволенія у Аняты поговорить съ тетушкою, но не могъ добиться рѣшительнаго отвѣта. Наконецъ, получивъ ея согласіе, онъ не замедлилъ имъ воспользоваться.

Это было передъ вечеромъ. Тетушка сидѣла въ бесѣдкѣ, сколоченной изъ тонкихъ латвъ, около которыхъ обвивались хмѣль и красные бобы; она со вниманіемъ слушала прикащика, доносившаго объ успѣхахъ жатвы.

«Милости просимъ, Владиміръ Александровичъ!» — сказала она. — «Не хотите ли поучиться хозяйству? Вотъ у насъ жито, въ нынѣшнемъ году, благодареніе милосердному Богу, хорошо уродилось! Пятнадцать копъ на десятинѣ, а въ иномъ мѣстѣ, гдѣ поближе къ селенію, и еще болѣе! Каковъ-то будетъ вымолоть? — Боюсь только, чтобъ у насъ конопля не побило градомъ, какъ у сосѣдей. Вотъ у Ивана Ивановича вся, говорятъ, пропала, какъ будто подкошена! До-сихъ-поръ Господь насъ миловалъ; какъ-то будетъ впередъ!»

Владиміру было не до конопля и не до жита, но надлежало подождать, пока кончится тетушкинъ разговоръ съ прикащикомъ. Долго слушалъ онъ ея разсужденія о жатвѣ и о мольбѣ, о гречкѣ, овсѣ и конопляхъ, о починкахъ, необходимыхъ въ винокурнѣ, и проч. Отъ любовнаго нетерпѣнія разговоръ этотъ ему показался еще длиннѣе, нежели каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и онъ мысленно нѣсколько разъ перекрестился отъ радости, когда прикащикъ, принявъ послѣднее приказаніе

и наставленіе, поцѣловалъ у барыни ручку, и низко поклонясь, удалился изъ бесѣдки.

«Извините, Владиміръ Александровичъ!» сказала тетушка. «А я за хозяйскими хлопотами совсѣмъ забыла, что вамъ невесело меня слушать. Но не прогнѣвайтесь; вѣдь вы у насъ не чужіе! Зачѣмъ вы оставили барышень? ужь не поссорились ли вы съ ними?»

— Я пришелъ съ вами поговорить наединѣ, Анна Андреевна! Отъ васъ зависитъ участь моя, счастіе или несчастіе всей моей жизни.—

«Съ нами сила Господня! что съ вами сдѣлалось? Какое вліяніе, я маленькій человѣкъ, могу имѣть на судьбу вашу? Или вы шутите со мною, Владиміръ Александровичъ?»

— Я очень далекъ отъ шутокъ, тетушка! Позвольте ли вы мнѣ впередъ всегда такъ васъ называть?—

«А почему же нѣтъ, мой батюшка?—по-

жалуй, если вамъ это дѣлаетъ удовольствіе !
Да что вамъ въ этомъ?»

— Тетушка! я люблю Анюту! Сдѣлайте меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ: согласитесь отдать мнѣ ея руку!

«Такъ вотъ дѣло-то въ чемъ!» сказала тетушка протяжнымъ голосомъ, и призадумалась. Это предложеніе пришло совсѣмъ неожиданно, хотя съ нѣкоторыхъ поръ посѣщенія Блистовскаго сдѣлались для ней весьма замѣчательными. Мы уже объяснили читателямъ, что Анна Андреевна не принадлежала къ числу людей, оказывающихъ гостепріимство изъ какихъ-нибудь видовъ, и потому въ другое время Блистовской могъ бы ѣздить нѣсколько лѣтъ въ ея домъ, и ей бы на умъ не приходило присматривать за нимъ, и добиваться, не влюбленъ ли онъ въ которую-нибудь изъ барышень. Но на этотъ разъ особенный случай обратилъ ея вниманіе на частыя посѣщенія молодаго офицера.

Съ нѣкотораго времени тетушка замѣтила,

что Праскута ея совершенно переи́нилась. Она сдѣлалась печальна и задумчива; живой румянецъ на щекахъ ея началъ пропадать, и часто глаза ея казались заплаканными. Сначала тетушка вообразила, что Праскута нездорова, и не смотря на ея увѣренія въ противномъ, поила ее разными травами и другими лекарствами изъ домашней лабораторіи; но болѣзнь отъ того не прекращалась! Праскута все дѣлалась задумчивѣе и печальнѣе, а тетушка болѣе и болѣе о ней беспокоилась. Наконецъ, при всей простотѣ своей, тетушка начала смѣкать, что странная болѣзнь Праскуты имѣетъ какую-то связь съ Блистовскимъ. Въ самый тотъ день, когда Владиміръ посватался за Анюту, тетушка дѣлала новыя наблюденія надъ своею дочерью, и еще болѣе утвердилась въ своихъ догадкахъ. Отъ глазъ ея не скрылось, что Праскута попереи́нно блѣднѣла и краснѣла, когда еще издали слышался знакомый стукъ коляски Блистовскаго; а когда коляска начала приближаться къ крыльцу, Праскута встала изъ-за палецъ и поспѣшила выйти изъ комнаты. «Куда ты идешь, Праскута?» спросила Анна Андреевна. — У меня есть дѣло, ма-

тушка! — отвѣчала Праскута, — и тетушкѣ показалось, что въ глазахъ ея блистали слезы, когда, выходя изъ комнаты, она нечаянно оглянулась.

Бѣдная Праскута съ нѣкотораго времени замѣтила взаимную другъ къ другу любовь Владиміра и Анюты!

И такъ, вотъ о чемъ задумалась тетушка, услышавъ предложеніе Блистовскаго! Она любила Анюту столь же горячо, какъ родныхъ дочерей своихъ; но при всемъ томъ не могла быть равнодушною къ положенію Праскуты. Она вообразила себѣ, какой ударъ для нея будетъ извѣстіе о сватовствѣ Владиміра — и сердце ея разрывалось при мысли, что счастіе одной изъ дочерей ея сопряжено съ несчастіемъ другой. Наконецъ всегдашняя надежда Анны Андреевны на Промыслъ Божій ее ободрила. Богъ милостивъ! подумала она, и насъ не оставитъ. Праскута еще такъ молода, что успѣетъ полюбить другаго! Анюта же вѣрно будетъ счастлива за такимъ добрымъ человѣкомъ, каковъ Владиміръ Александровичъ.

Между-тѣмъ Блистовской сидѣлъ какъ на иголкахъ; онъ не могъ понять причины недоумѣнія тетушки, и вообразилъ себѣ, что она, можетъ быть, имѣетъ на счетъ его какія-нибудь сомнѣнія. Вскорѣ, однако, тетушка вывела его изъ безпокойства: «Владиміръ Александровичъ!» сказала она дрожащимъ отъ умиленія голосомъ: «я считаю васъ добрымъ и честнымъ человекомъ, и надѣюсь, что Галечка будетъ съ вами счастлива. Возьмите ее, благословляю васъ отъ всего сердца!»

Владиміръ, внѣ себя отъ радости, кинулся на шею къ Аннѣ Андреевнѣ. Онъ цѣловалъ ея руки, называлъ ее любезною, милою, доброю тетушкою, и хотѣлъ тотчасъ бѣжать къ Анютѣ. «Погодите немного!» сказала растроганная тетушка: «дайте мнѣ утереть слезы; пойдемъ вмѣстѣ!» Изъ бесѣдки до дому было очень недалеко; но Владиміру, принужденному итти медленно подлѣ тетушки, дорога показалась несносно продолжительною. «Вы, кажется, нарочно идете тише обыкновеннаго, тетушка?» сказалъ онъ. — А мнѣ такъ кажется, — отвѣчала она,

смѣясь, — что вы сегодня ходите скорѣе обыкновеннаго.» —

Дошедъ до крыльца, Владиміръ никакъ не утерпѣлъ, чтобъ не упредить тетушки. «Анюта, моя Анюта!» вскричалъ онъ, вошедъ въ комнату, гдѣ она съ Гѣпочкою сидѣла на софѣ. Онъ съ жаромъ схватилъ ея руку, и палъ къ ея ногамъ. Анюта сперва пришла въ замѣшательство, поблѣднѣла и не знала, что ей дѣлать. Но взглянувъ нечаянно и видя, что тетушка стоитъ передъ нею съ веселою улыбкою, она, по какому-то внутреннему чувствованію, догадалась, что, это значитъ. Голова ея невольно, и ей самой невѣдомо, опустилась на плечо Владиміра, и уста ихъ соединились въ нѣжный поцѣлуй.

Вскорѣ въ домѣ узнали, что Анюта невѣста, и всѣ пришли ее поздравить. И Праскута о томъ узнала; хотѣла... сойти въ низъ, но у нея не стало духа! Она сказалась больною, обвязала себѣ голову и легла въ постель. Анна Андреевна пошла къ ней: она не предлагала уже ей лекарства, а только нѣжно обняла ее, ти-

хонько поплакала надъ нею, и благословила ее, не говоря ни слова. Потомъ возвратилась она къ Анятѣ, и старалась казаться веселою.

Настало время пить чай. Анята сѣла къ столу, а Владиміръ помѣстился подлѣ нея, чтобъ ей помогать. На лицѣ обоихъ любовниковъ ясно изображались чувствованія, которыми преисполнены были сердца ихъ. Анята въ этотъ день разливала чай не съ такимъ искусствомъ, какъ обыкновенно, и добрая тетушка неоднократно журила ее за разсѣянность. Владиміръ, между-тѣмъ, не спускалъ ее съ глазъ, и въ восторгѣ своемъ не замѣчалъ, что она забыла положить сахару въ его чашку. Онъ предавался сладостнымъ мечтаніямъ о будущемъ: иногда ему представлялось, что онъ женатъ уже на Анятѣ, что молодая супруга разливаетъ чай у него дома, а тетушка пріѣхала къ нимъ погостить. Мысли его улетали еще далѣе.... Вдругъ Анна Андреевна поспѣшно вскочила со стула, поставила чашку на столъ и вскричала:

«Ахъ, я дура! прости меня, Господи! Ну что я надѣлала? Галечка, другъ мой! виновата предъ

тобою; виновата предъ вами обоими! Ну, какъ могла я согласиться на предложеніе Владиміра Александровича! Боже мой, Боже мой! что теперь дѣлать!»

Владиміръ испугался и тоже вскочилъ съ мѣста. Анята смотрѣла на Анну Андреевну съ удивленіемъ, не говоря ни слова. Никто не понималъ, что сдѣлалось съ тетушкой, которая между-тѣмъ продолжала свои восклицанія, будучи, по видимому, весьма встревожена. Наконецъ Владиміръ подошелъ къ ней, и взялъ ее за руку: «Помилуйте, тетушка! что съ вами сдѣлалось?» сказалъ онъ.

— «Совсѣмъ забыла о Климѣ Сидоровичѣ! Правда, о немъ уже давно нѣтъ ни духу, ни слуху! какъ въ воду канулъ. Между-тѣмъ вѣдь я знаю, мои батюшки, что онъ живъ и здоровъ, прости меня, Господи!» —

Владиміръ и Анята все еще не понимали тетушки. «Какой Климъ Сидоровичъ?» вскричали они оба почти въ одинъ голосъ.

— «Да твой опекунъ, Галя! которому покойный отецъ твой, царство ему небесное! тебя ввѣрилъ передъ смертью, и отъ котораго ты зависишь. Безъ него намъ ничего рѣшить не можно; а я, старая дура, вѣдь совсѣмъ о немъ забыла! Прійдется написать къ нему; а пока отъ него не получимъ отвѣта, не прогнѣвайтесь, дѣти! я беру слово свое назадъ!» —

Анюта рѣдко слыхала о Климѣ Сидоровичѣ, и не имѣвъ никакого съ нимъ сношенія, едва помнила его имя, а тѣмъ еще менѣе помышляла о томъ, что онъ можетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на ея участь. Въ первый разъ въ жизни она услышала теперь, что покойный отецъ ввѣрилъ ее попеченію Дюндика. Владиміръ также изумился: онъ никогда не слыхалъ, что у Анюты есть опекунъ, и хотя не могъ предполагать, чтобы опекунъ этотъ помѣшалъ его браку; но предвидя, что переписка съ нимъ можетъ отдалить его счастіе, онъ очень огорчился симъ новымъ открытіемъ. Въ этомъ расположеніи духа рѣшился онъ испытать, нельзя ли обойтись безъ помощи Клима Сидоровича. «Тетушка!» сказалъ онъ: «мнѣ кажется, вы напрасно такъ безпокои-

тесъ. Если Анютинъ опекунъ давно не давалъ о себѣ извѣстія, то это знакъ, что онъ о ней не заботится; а въ такомъ случаѣ не зачѣмъ у него и спрашиваться. Вы заступаете мѣсто ея родителей, и кромѣ васъ намъ не нужно ни у кого просить согласія.»

— »Тише, мой батюшка, тише. Правда, что я считаю Анюту своею родною дочерью; правда и то, что Климъ Сидоровичъ мало о ней думаетъ — не въ упрекъ ему сказать! Съ-тѣхъ-поръ, какъ братецъ Трофимъ Петровичъ закрылъ глаза, опекунъ-то, полно, справлялся ли объ ней хоть одинъ разъ? но при всемъ томъ воля отцовская — воля Божія. Скажи, мой другъ, Анюта: если бъ покойный отецъ твой былъ живъ, ты бы его послушалась?» —

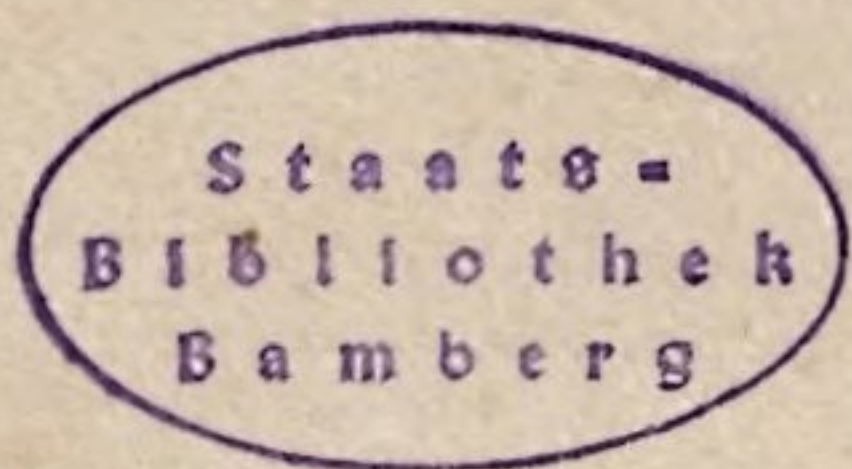
«Вы вѣрно, въ томъ не сомнѣваетесь, тетюшка!»

— «Нѣтъ, мой другъ, не сомнѣваюсь! И такъ, если ты слушалась бы его живаго, такъ еще болѣе должна почитать волю его, когда уже нѣтъ его на свѣтѣ. Вѣдь правду я говорю, Галечка?

Нѣтъ, Владиміръ Александровичъ! Воля ваша, а тутъ дѣлать нѣчего! спроситься Клима Сидоровича надобно!» —

Должно было покориться требованію тетушки! Самъ Владиміръ чувствовалъ, что она совершенно права, и что безъ согласія опекуна, назначеннаго отцемъ Анютинымъ, не прилично было бы располагать ея рукою. Итакъ положили написать съ первою почтою къ Климу Сидоровичу, а до полученія отъ него отвѣта, не рассказывать никому о томъ, что случилось въ этотъ вечеръ. Тетушка поуспокоилась, рассудивъ, что отвѣтъ она, безъ сомнѣнія, получитъ благопріятный, потому, что опекунъ не могъ имѣть никакихъ причинъ къ отказу. Однако, несмотря на то, что и прочіе раздѣляли надежду тетушки, веселіе этого вечера немного разстроилось симъ неожиданнымъ затрудненіемъ.

Въ первыя минуты Владиміръ такъ пораженъ былъ поступкомъ тетушки, что и не думалъ спрашивать подробнѣе о новооткрытомъ опекунѣ. Но когда дѣло дошло до расчетовъ, чрезъ сколько времени можно имѣть отвѣтъ, и Влади-

міръ при этомъ случаѣ узналъ, что опекунъ живеть въ Полтавской губерніи, то ему вдругъ пришла мысль, не тотъ ли самый это Клима Сидоровичъ, съ которымъ познакомился онъ въ прошломъ году? Когда же узналъ притомъ, что онъ прозывается Дюндикомъ, то всѣ сомнѣнія его исчезли, но открытіе это нимало его не радовало. Онъ довольно, хорошо зналъ Клима Сидоровича и Марѳу Петровну, и нѣкоторыя особенныя обстоятельства заставляли его думать, что они не поспѣшатъ отвѣтомъ на письмо. Мысль эта очень его тревожила. Пройдя нѣсколько разъ въ задумчивости по комнатѣ взадъ и впередъ, онъ рѣшился наконецъ самъ ѣхать въ Полтавскую губернію, несмотря на непріятность разстаться съ Анютою, по меньшей мѣрѣ на недѣлю. «Тетушка!» сказалъ онъ, когда намѣреніе это въ немъ утвердилось: «мнѣ кажется, всего лучше будетъ, если я самъ съѣзжу къ опекуну Анютину.» — И конечно такъ, Владиміръ Александровичъ! Поѣзжайте съ Богомъ! А мы, между-тѣмъ, Анюту вашу беречь будемъ пуще глаза. Поэтому и мнѣ не нужно писать длиннаго письма, что я, признаться, не очень и люблю. Да правду сказать, я не умѣла бы описать

васъ хорошенько; а теперь вы сами съ нимъ познакомитесь, и онъ увидитъ, какого жениха себѣ нажила моя Галечка!» —

«Да я съ нимъ уже знакомъ, тетушка! прошлаго года я довольно часто видалъ его въ Ромнахъ.»

— «Такъ это и того лучше! Стало-быть ему и раздумывать недолго будетъ, и вы скорѣе къ намъ возвратитесь. Ну, славу Богу, все къ лучшему! А я совсѣмъ не воображала, что вы его знаете. Смотри, пожалуй, какъ это кстати! Когда же вы располагаете ѣхать?» —

Владиміръ взянуль на Анюту, и вздрогнуль при мысли, что онъ долженъ ее оставить; наконецъ онъ сказалъ, собравшись съ духомъ: «Я думаю ѣхать завтра, тетушка! Чѣмъ скорѣе поѣду, тѣмъ скорѣе ворочусь!»

— «Ну, такъ я къ завтраму приготовлю свое письмецо!» —

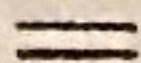
И въ-самомъ-дѣлѣ, на другой же день вве-

черу подѣхала къ низенькому крыльцу тетушкина дома телега съ лихою тройкою. Владиміръ распростился со всѣми, крѣпко прижалъ къ сердцу Анюту, не внимая увѣщаніямъ доброй Анны Андреевны; потомъ взгромоздился на повозку и поскакалъ во весь духъ. Тетушка, Аня и Гапочка остались на крыльцѣ, и смотрѣли ему въ слѣдъ, пока не улеглась послѣдняя пыль, поднятая на дорогѣ скачущею тройкой.

Домъ тетушкинъ какъ будто опустѣлъ послѣ отъѣзда Владиміра, и долго мирные жители Барвенова не могли привыкнуть къ его отсутствію. Вездѣ царствовало какое-то уныніе, умноженное еще безпокойствомъ о печальномъ положеніи Праскуты; но къ чести сей послѣдней я долженъ сказать, что извѣстіе о затрудненіи, встрѣтившемся относительно сговора Анюты, нисколько ее не обрадовало.

Между-тѣмъ, пока Владиміръ находится будетъ на большой Полтавской дорогѣ, мы расскажемъ читателямъ, отъ-чего воспоминаніе о

прежнемъ знакомствѣ съ Климомъ Сидоровичемъ такъ сильно и непріятно на него подѣйствовало. Но для сего нужно перенестись мысленно за годъ передъ описанною нами въ главахъ сей эпохою.

ГЛАВА VII.

ЦЫГАНСКІЙ АТАМАНЪ.

Конная ярмонка приходила къ концу, когда Владиміръ, въ прошломъ году, пріѣхалъ въ Ромны, и не давъ себѣ времени переодѣться, отправился въ дорожномъ мундирномъ сюртукѣ на площадь, уже начинавшую пустѣть. Продавцы, имѣвшіе удачу въ торговлѣ, сламывали коновязи, весело прикрикивая на табуны свои, съ которыми спѣшили на другія ярмонки. На площади оставались тѣ только, которымъ не удалось сдѣлать выгодной продажи; съ печальнымъ видомъ стояли они, какъ вкопанные, опустивъ голову, или же прохаживались между лошадей-

ми, съ неудовольствіемъ поглядывая на счастливыхъ соперниковъ.

По прибытіи Владиміра на площадь, окружили его Жиды и Цыганы, предлагая наперерывъ свои услуги. «Позалуйте сюда, Васе Благородіе!» говорилъ одинъ; — «я и въ просломъ году вамъ служилъ, Васе Высокородіе!» увѣрялъ другой;» «Ваше Превосходительство! мы старые знакомые,» кричалъ третій: — «ужъ мнѣ грѣшно васъ обманывать! Услужу вамъ, какъ отцу родному!» — Больше всѣхъ вертѣлся около него одинъ Цыганъ, котораго наружность особенно привлекла на себя вниманіе Блистовскаго. Онъ одѣтъ былъ лучше всѣхъ другихъ: синій на немъ кафтанъ, изъ нелинячаго сукна, не былъ оборванъ, какъ у собратій его. Онъ опоясанъ былъ широкимъ малиновымъ кушакомъ, окрашеннымъ Малороссійскимъ червецомъ. Круглая поярковая шляпа его, на манеръ кучерской, не смотря на необыкновенную величину, едва прикрывала тѣмя, и надѣта была съ небольшимъ наклономъ къ правому уху; изъ-подъ широкой палевой ленты, около шляпы этой обвязанной, торчалъ конецъ павлиняго пера; шея

hell roth

же повязана была алымъ платкомъ, коего кончики висѣли на груди. Желтый цвѣтъ лица, небольшой орлиный носъ и рѣзкія черты явно свидѣтельствовали объ Индійскомъ его происхожденіи, а черные бѣглые глаза, какъ раскаленные угли, сверкали изъ глазныхъ ямъ. Изъ-подъ шляпы его вились густыя черныя кудри, и такого же цвѣта борода и усы покрывали всю нижнюю половину его лица. Росту онъ былъ небольшого, но широкія плечи и длинныя жилистыя руки показывали необыкновенную его силу. — Хотя онъ больше другихъ надоедалъ своею навязчивостію, но при всемъ томъ, Блистовской не могъ не любоваться его ловкостію и проворствомъ. Прочіе Цыганы, повидимому, оказывали ему уваженіе, и называли его атаманомъ.

Съ самаго прибытія Блистовскаго на конную площадь, Атаманъ присталъ къ нему, уговаривая его купить пару гнѣдыхъ лошадей, которыхъ продавецъ, казалось, вовсе не заботился пріискивать покупателей на свой товаръ. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, у котораго черные усы начинали уже сѣдѣть. Несмотря

на несносный жаръ, тогда бывшій, подбрита голова его покрыта была круглою черною шапкою изъ бараньяго мѣху, и представляла странную несообразность съ остальнымъ одѣяніемъ его, состоявшимъ изъ широкихъ холстинныхъ шароваръ и такой же рубахи, носившей на себѣ явные слѣды долговременнаго употребленія. — Кожухъ его, или нагольный тулубъ, разостланъ былъ на землѣ, и онъ сидѣлъ на немъ съ поджатыми босыми ногами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проходящихъ. Подлѣ него, прямо противъ солнца, стояли сапоги, или чоботы, только что вымазанные дегтемъ; отъ времени до времени онъ бросалъ на нихъ умильные взгляды, какъ будто любуясь игрою солнечныхъ лучей, на нихъ отражавшихся. На лицѣ его изображалось какое-то страдательное довольствіе судьбою своею, на самый строгій наблюдатель едва ли могъ бы различить, происходитъ ли это довольствіе отъ увеселительнаго зрѣлища лоснящихся сапоговъ, или отъ пріятнаго вкуса огромной желтой дыни, которую онъ грызъ, не замѣчая, что сокъ изъ нея лился ручьями по бритой бородѣ его и упadalъ крупнымъ дождемъ на высокую мышковатую

грудь. Путешественникъ, находящійся въ первый разъ на Украинѣ, вѣроятно, удивился бы странному его равнодушію; но Блистовской, самъ Малороссіянинъ, легко отгадалъ, что этотъ хладнокровный барышникъ долженъ быть крестьянинъ какого-нибудь помѣщика, поручившаго ему продажу своихъ лошадей.

Въ справедливости догадки своей онъ еще болѣе утвердился, когда, слѣдуя приглашенію Цыганскаго Атамана, подошелъ поближе къ гнѣдымъ лошадямъ. Бывъ довольно искуснымъ знатокомъ, онъ тотчасъ замѣтилъ въ нихъ явные признаки, что они очень долго ходили въ дышлѣ, хотя Атаманъ клятвенно увѣрялъ, что это молодая верховья лошади, вызываясь притомъ самъ на нихъ проскакать, чтобъ доказать, какъ онѣ живы и исполнены огня.

Походивъ между коновязьми, Владиміръ, несмотря на увѣренія своихъ провожатыхъ, вскорѣ увидѣлъ, что на ярмонкѣ нѣтъ ничего достойнаго его вниманія. Онъ хотѣлъ уже оставить площадь, какъ замѣтилъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ косяковъ нѣсколько воронихъ

лошадей, показавшихся ему столь видными, что онъ рѣшился подойти поближе. — Лишь только провожатые его замѣтили сіе намѣреніе, какъ закричали всѣ въ одинъ голосъ: «Васе Благородіе! не ходите туда! Залѣть будете; ей-зе Богу залѣть будете; тамъ васъ обманутъ. Купите лутце здѣсь, мы люди цесные!» — Съ такими восклицаніями провожали они его до тѣхъ поръ, пока далѣе приняли его другіе, такіе же ревностные ходатаи. Изъ этого Владиміръ заключилъ, что площадь раздѣлена на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое имѣло своихъ особенныхъ Жидовъ и Цыганъ, коихъ попеченію ввѣрена была продажа лошадей. Изъ всѣхъ прежнихъ его провожатыхъ одинъ только Атаманъ отъ него не отсталъ. Казалось, что онъ имѣлъ особенную предъ всѣми другими привилегію, которую можетъ быть, доставили ему между его земляками званіе Атамана, а между Жидами, широкія его плеча и жилистыя руки. Присоединившись къ новой партіи, Атаманъ началъ играть и новую роль: онъ теперь уже хулилъ лошадей прежняго отдѣленія, и безъ мѣры расхваливалъ вороныхъ, которыя дѣйствительно оказались годными для покупки.

По требованію его, выводили одну за другою, и между тѣмъ, какъ хозяинъ, объявивъ цѣну, въ молчаніи ожидалъ рѣшенія Блистовскаго, Цыганы и Жиды, особливо Атаманъ, превозносили ихъ во всѣхъ статьяхъ. Атаманъ попеременно садился на каждую, показывалъ ихъ шагъ, рысь и скачъ, и не могъ ими нахвалиться. «Да это такіе кони,» говорилъ онъ съ собственнымъ націи его жаромъ:» что имъ и конца не будетъ! Если Ваше Превосходительство ихъ купите, они служить вамъ будутъ вѣчно; и дѣти ваши, дай Богъ имъ здоровья, меня за нихъ благодарить будутъ еще на томъ свѣтѣ!»

Въ продолженіе этихъ торговъ, новое лицо появилось между ими. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ рѣдкими и совсѣмъ сѣдыми на головѣ волосами. Росту онъ былъ довольно высокаго и собою дородный. На толстомъ и румяномъ лицѣ его не видно было ни одной черты, хотя сколько нибудь замѣчательной, или лучше сказать, всѣ черты лица его были равно незначительны. При первомъ взглядѣ, выраженіе его фizioноміи могло бы показаться добрымъ, ибо на устахъ его всегда была видна

улыбка; но при внимательномъ наблюденіи, всякій могъ замѣтить, что улыбка сія, никогда неизмѣняющаяся, и, такъ сказать, неподвижная, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ и большіе выпуклые глаза его, которые по неопредѣленному ихъ цвѣту и по невыразительности, можно было бы назвать оловянными. Одѣяніе его также не представляло ничего особеннаго. На немъ былъ зеленый, довольно поношенный, сафьянный картузь, свѣтлосѣрый нанковый сертукъ и такіе же панталоны. Бывъ нѣсколько времени безмолвнымъ свидѣтелемъ увертокъ и уловокъ Цыганскаго Атамана, онъ наконецъ подошелъ къ Владиміру, приподнялъ лѣвою рукою картузь, и откинувъ голову назадъ, вмѣсто того, чтобъ нагнуть ее напередъ, сказалъ ему: «Мое почтеніе! Позвольте спросить... чинъ вашъ и фамилія?»

— «Штабсъ-Ротмистръ Блистовской.» —

«Конечно изволите служить въ *** Драгунскомъ полку, что стоитъ здѣсь около Андреевки?»

— «Я служу въ *** Гвардейскомъ полку.» —

«А! честь имѣю рекомендоваться; я здѣшній помѣщикъ; вы, можетъ быть, обо мнѣ слышали въ Петербургѣ: Дюндикъ, бывшій Маршалъ Дворянства.»

При сихъ словахъ, Климъ Сидоровичъ изъ-явилъ почтеніе свое Владиміру уже наклоненіемъ головы напередъ, и снялъ картузъ правою рукою. Притомъ — какъ будто желая поправить косынку, толсто обвернутую около шеи его — онъ разстегнулъ верхнія пуговицы сертука, и выставилъ на показъ Владимірскій крестъ, 4-й степени бывшій дотолѣ какъ бы въ заключеніи, вѣроятно для того, чтобъ не слишкомъ ослѣпить зрителей. «Вы изволите покупать лошадей?» — продолжалъ онъ въ полголоса, обратясь къ Владиміру съ дружескимъ видомъ — «Что просятъ?»

— «Не слишкомъ дорого! Онѣ, кажется, не дурны!» —

«Ну — если это для полка, такъ не совѣтую! Дружески вамъ доложу, что лошади не крѣпкія... лошади слабыя!»

Продавецъ, стоявшій до того времени неподвижно и почти безмолвно, пришель въ нѣкоторое движеніе, услышавъ, что новопришедшій старается очернить достоинство его товара. Онъ нѣсколько разъ оглядывался, какъ бы желая призвать къ себѣ на помощь Атамана; но блудящіе его взоры не находили своего говорливаго наперсника: Атаманъ, при первомъ вступленіи въ разговоръ Клима Сидоровича, скрылся въ толпѣ. Увидѣвъ наконецъ, что ему прійдется отстаивать лошадей своихъ одному, онъ вышелъ изъ обычной флегмы и, окинувъ съ ногъ до головы Клима Сидоровича, сказалъ, бросая на него изъ подлѣбья сердитые взгляды:

«Вы, сударь, не въ свое дѣло мѣшаетесь! Кони мои совсѣмъ безъ пороковъ, и я въ другое время не отдалъ бы ихъ за такую цѣну. Я за нихъ отвѣчаю, кони добрые...»

— «Что ты врешь, мошенникъ!» — прервалъ его Климъ Сидоровичъ съ особеннымъ удареніемъ на послѣднее слово — Эдакой плуть! вздумалъ обманывать пріѣзжихъ! да еще господъ офицеровъ, покупающихъ по казенной надоб-

ности! Смотри, пожалуй, будто я не знаю твоихъ лошадей! Вѣдь онѣ съ Хлыновскаго завода?»

«Нѣтъ! съ Карлинскаго! Вотъ извольте посмотреть на тавро.»

— «Ну!.. еще-таки! Будто я не то же говорю? Хлыновской ... Карлинской, будто не все равно! Все одна порода... На обоихъ заводахъ лошади всѣ никуда не годятся!» —

Блистовской, хотя не согласенъ былъ съ мнѣніемъ новаго знаконца своего, но изъ уваженія къ его сѣдинамъ и изъ признательности за участие, не хотѣлъ явно показать недовѣрчивости своей къ познаніямъ Клима Сидоровича, и потому удалился отъ вороныхъ лошадей, принявъ впрочемъ намѣреніе возвратиться къ нимъ, когда оставитъ его Дюндикъ. Несчастный продавецъ, обманутый въ своей надеждѣ, провожалъ ихъ бранью — сперва тихонько, потомъ возвышая голосъ, по мѣрѣ ихъ удаленія, и наконецъ, когда почти совсѣмъ потерялъ ихъ изъ виду, громкими проклятіями.

Между тѣмъ Климъ Сидоровичъ разсказывалъ Блистовскому съ добродушною довѣрчивостію объ услугахъ, оказанныхъ имъ дворянству, объ интригахъ, воспрепятствовавшихъ вторичному его выбору, и о славномъ своемъ лазаретѣ. Въ замѣну сихъ новостей, онъ допросился, сколько у Владиміра душъ, и узнавъ, что онъ богатъ и холостъ, удвоилъ свою учтивость. Онъ проводилъ его до самой квартиры, и не прежде его оставилъ, какъ взявъ слово, что онъ непременно въ тотъ день у него отобѣдаетъ. «Вы познакомитесь съ моею Марѳою Петровою,» прибавилъ онъ между прочимъ: «она вамъ очень рада будетъ. Смѣю сказать, что вы у насъ не соскучитесь... Вѣдь я знаю, что вы, паничи, любите говорить по-Французски, а мои дочери, не хуже Петербургскаго, то и дѣло, что между собою: команъ ву порте? форъ біень, мусье! я тоже около нихъ понаучился... почти все понимаю! А что онѣ.. такъ, право, мнѣ иногда надоѣдаютъ! Все по-Французски, да по-Французски! За то у нихъ славный учитель: обучался въ Москвѣ, въ Ниверситетѣ и самъ книги пишетъ... Ей Богу, не лгу! Ну — вы увидите! Правда, я денегъ на нихъ не

жалѣю: Учитель получаетъ у меня четыреста рублей въ годъ и, разумѣется, харчи мои! Да кромѣ того, почти каждый годъ подарокъ: то сукна домашняго на пару, то изъ своего платья что нибудь, фракъ или жилетъ, или что случится! Съ тѣхъ поръ, какъ дочери мои подросли, я употребляю его по хозяйству: присматриваетъ за винокурней, да ведетъ счетъ съ шинкарями. Ученый ко всему пригодится! Ну! вы сами увидите! — Прощайте, почтеннѣйшій, до свиданья! Мы обѣдаемъ по-Петербургски, не ранѣе часа!»

Владиміръ поспѣшилъ переодѣться, чтобъ имѣть время, передъ обѣдомъ побывать на конной площади. По пріѣздѣ туда, онъ встрѣченъ былъ опять тѣми же Жидами и Цыганами, кромѣ Атамана; но не останавливаясь съ ними, пошелъ далѣе къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ вороныхъ лошадей. Къ удивленію его, ихъ уже тамъ не было, и продавецъ, стоя на колѣняхъ, съ печальнымъ видомъ, считалъ и пересчитывалъ серебряныя деньги, стоявшія столбиками передъ нимъ. На вопросъ, гдѣ вороныя? онъ

покачалъ головою, почесался за ухомъ и сказалъ съ досадою:

«Да онѣ уже проданы; теперь только ихъ увели.... вонъ, вонъ онѣ идутъ, сердечныя! А жаль, Ваше Благородіе, что не вамъ онѣ достались; лошади, ей Богу, добрыя, и я ихъ отдалъ за полцѣны. Пришла лихая година, хоть въ петлю полѣзай, а продать надобно было. Ну! въ другой разъ меня на эту проклятую ярмонку и калачемъ не заманишь!»

— «Да кому ты ихъ продалъ?» — спросилъ Блистовской съ торопливостію.

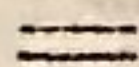
«Кому? а провалъ его знаетъ! Цыганъ купилъ ихъ для какого-то пана. Принужденъ былъ уступить проклятому за безцѣнокъ. Почему мнѣ знать, что вы воротитесь! А лошади, ей Богу, добрыя!»

— «Да я охотно бы ихъ у тебя купилъ!» —

«А я радъ бы вамъ ихъ продать. Зачѣмъ вамъ было уходить, Ваше Благородіе! Мнѣ дѣло-то

къ спѣху: ярмонка кончается, а я почитай совсѣмъ исхарчился; пришлось хоть утопиться! Да вотъ не досчитаюсь еще двухъ цѣлковыхъ; а какъ Цыганъ ихъ платилъ, такъ, кажется, всѣ были!»

Онъ опять принялся считать, а Блистовской отправился къ Климу Сидоровичу, сѣтуя на самого себя, что упустилъ хорошую покупку.

ГЛАВА VIII.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Къ назначенному часу Владиміръ пріѣхалъ въ домъ, нанимаемый Климомъ Сидоровичемъ. Домъ этотъ былъ деревянный, какъ всѣ почти дома въ Ромнахъ, и находился на обсаженной деревьями, Полтавской улицѣ. Дворъ тѣсно застроенъ былъ флигелями и небольшими домиками, которые всѣ занимались пріѣзжими, между тѣмъ, какъ хозяинъ, съ женою и старшею дочерью, помѣщался въ чуланѣ, получавшемъ свѣтъ со двора изъ открытыхъ дверей. Двое младшихъ дѣтей хозяина, вмѣстѣ съ челядью,

проводили цѣлый день на дворѣ или за воротами; ночью же или во время дождя, дѣтей брали въ сѣни, бывшія передъ чуланомъ, а челядь искала себѣ пріюта, гдѣ хотѣла. Во время ярмонки въ Ромнахъ бываетъ общее переселеніе всѣхъ жителей; большая часть хозяевъ отдаютъ въ наймы дома свои пріѣзжимъ, сами же переселяются въ какойнибудь уголокъ, гдѣ проживаютъ кое-какъ въ продолженіе цѣлой ярмонки. Даже тѣ изъ нихъ, которымъ состояніе позволяетъ не отдавать въ наймы домовъ своихъ, мало ими въ это время пользуются, ибо къ нимъ наѣзжаетъ столько родственниковъ, друзей и гостей, что самимъ бываетъ тѣсно въ собственныхъ домахъ.

Хозяева, у которыхъ жилъ Климъ Сидоровичъ, были ему съ родни, и не смотря на ихъ незнатность и недостаточное состояніе, онъ не отказывался отъ этого родства, потому, что пользуясь онымъ, останавливался въ ихъ домѣ. Климъ Сидоровичъ хотя былъ богатъ, однако любилъ сберечь копѣйку, особливо, когда можно было это сдѣлать, сохраняя приличія. Родственники его, кромѣ дома и нѣсколькихъ душъ

дворовыхъ людей, не имѣли никакого состоянія: бѣдные люди эти цѣлый годъ должны были жить тѣмъ, что пріобрѣтали отдачею въ наймы дома своего; но Климъ Сидоровичъ и Марѳа Петровна не обращали никакого на то вниманія. Они обыкновенно пріѣзжали въ Ромны въ самомъ началѣ ярмонки, спѣша занять ту часть дома, которая окнами была на улицу, и потому стояла дороже всѣхъ прочихъ; а добрые хозяева, по простодушію своему, не только не смѣли на то жаловаться, но должны были, напротивъ того, радоваться посѣщенію такихъ знатныхъ родственниковъ.

Столъ уже былъ накрытъ въ первой комнатѣ отъ сѣней, когда пріѣхалъ Блистовской. Климъ Сидоровичъ встрѣтилъ его тутъ, переодѣтый уже во фракъ, и повелъ тотчасъ во вторую комнату: тамъ ожидала ихъ разряженная Марѳа Петровна, сидя на софѣ за большимъ столомъ, на которомъ разставлены были разно-го рода закуски и нѣсколько стеклянныхъ графиновъ съ разноцвѣтными водками, или, лучше сказать, спиртами. Она привѣтствовала Владиміра, привставъ немного съ софы, и, посадивъ

его подлѣ себя, начала подчивать закускою и водкою.

Марѳа Петровна была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая и дородная, сохранившая нѣсколько остатковъ прежней красоты своей. Черные, быстрые глаза ея еще не совсѣмъ лишились прежняго своего блеска, и пунцовая тóка на темныхъ волосахъ очень была ей къ лицу, хотя бѣлыя на ней перья сдѣлались почти сѣрыми отъ Роменской пыли, и хотя вообще нарядъ ея не соотвѣтствовалъ ни времени года, ни обѣденной порѣ. Живой румянецъ, на щекахъ ея игравшій, очень ее молодилъ, особливо въ глазахъ Блистовскаго, который не тотчасъ замѣтилъ, что свѣжій цвѣтъ лица ея былъ дѣйствіемъ Китайскихъ румянъ. Правда, что недостатокъ переднихъ зубовъ немного могъ бы нарушить тайну ея лѣтъ, ибо за неимѣніемъ въ Малороссіи ни Сосротовъ, ни Деспиновъ, нѣкому было оныя вставить; но Марѳа Петровна умѣла какъ-то залѣпливать воскомъ сіи опустошенія неумолимаго времени, которыя по сему и ускользнули отъ вниманія Блистовскаго.

«А мои барышни еще не воротились изъ лавокъ» — сказала Марѳа Петровна нарѣчіемъ, которое считала она Русскимъ, хотя оно сильно отзывалось благословенною Украиною: — «какъ зайдуть къ Мадамъ Дюлу, такъ ради просидѣть тамъ цѣлый день! Климъ Сидоровичъ! пошлите-ка Хвыльку (*) сказать барышнямъ, что пора обѣдать!»

— «Ужъ побѣжалъ Петька!» —

«Говорю вамъ, чтобъ пошелъ Хвылька!» вскричала Марѳа Петровна, нахмутивъ брови и бросивъ строгій взглядъ на мужа. — «Покорно прошу выкушать водки» продолжала она, обратясь къ Блистовскому съ веселою улыбкою: — «не угодно ли настойки Трофимоскаго; она очень полезна для здоровья.»

Между тѣмъ, какъ Блистовской откланивался отъ настойки, раздался шумъ въ передней комнатѣ, и онъ услышалъ женскій голосъ, кричавшій громко: «Фуа, фуа! Кессе́-кессе́-кессе́-ля! Кессе́-кессе́-кессе́-ля!»

(*) Филиппъ.

Владиміръ не зналъ, что и думать; но Дюндикъ, потирая съ довольнымъ видомъ руки, и мигая однимъ глазомъ въ ту сторону, откуда слышанъ былъ голосъ, сказалъ ему: «Ну! не говорилъ ли я вамъ, что мои барышни ни на шагъ безъ Французскаго языка? Вотъ, только что вошли въ комнату, а ужъ и задремезжали! Вѣра Климовна! Софья Климовна! да войдите же къ намъ!»

Дверь растворилась, и влетѣли въ комнату двѣ дѣвушки въ соломенныхъ шляпкахъ, собою красивыя и одѣтыя совершенно по предпоследнему номеру Московскаго Дамскаго Журнала. Владиміру наканунѣ случайно попался на глаза этотъ номеръ, когда, проѣзжая чрезъ небольшой городокъ, онъ зашелъ къ Почтовому Экспедитору, который по обыкновенію многихъ изъ сихъ господъ, самъ прочитывалъ журналы и газеты прежде, нежели отсылалъ ихъ къ нетерпѣливо ожидающимъ подписчикамъ.

Владиміръ всталъ и поклонился барышнямъ,

а Климъ Сидоровичъ счелъ обязанностію рекомендовать ему своихъ дочерей:

«Вотъ это мои дочери» — сказалъ онъ: «Вѣра и Софья Климовны; прошу ихъ любить и жаловать! Ну, дѣти! рекомендую вамъ Владиміра Александровича, Господина Ротмистра Гвардіи, который пріѣхалъ изъ Петербурга, и очень радъ, что съ вами можетъ поговорить по-Французски»...

Владиміръ поклонился, и не успѣлъ еще выговорить ни слова, какъ обѣ барышни обратились къ нему, говоря наперерывъ что-то такое, чего онъ никакъ разобратъ не могъ, не смотря на всевозможное напряженіе вниманія. То казалось ему, что нѣкоторые звуки имѣли отдаленное сходство съ Французскимъ, то опять слышались ему такія слова, которыя, по его мнѣнію, не могли принадлежать ни одному изъ Европейскихъ языковъ. Не понимая ничего, онъ пришелъ въ замѣшательство, покраснѣлся, и наконецъ отвѣчалъ: «Извините, сударыня, я ничего не понимаю!»

— «Такъ вы не говорите по-Французски!» — сказали барышни съ видомъ сожалѣнія и удивленія; — а батюшка сказывалъ, что вы только-что пріѣхали изъ Петербурга, и любите Французскій языкъ!» —

Блистовской такъ пораженъ былъ симъ неожиданнымъ упрекомъ, что не отвѣчалъ ни слова: между тѣмъ слуга пришелъ повѣстить, что подано кушанье, и тѣмъ прекратилъ разговоръ барышень, который Владиміру ежеминутно становился тягостнѣе.

Прежде, нежели пошли обѣдать, Климъ Сидоровичъ и супруга его опять стали просить Владиміра выкупать водки, подавая сами тому примѣръ. Чтобъ избавиться отъ подчиванья, онъ рѣшился выпить полъ-рюмки изъ того графина, которымъ пользовалась Марѳа Петровна; но проглотивъ немного, онъ чуть было не задохнулся: такъ она была крѣпка! Владиміръ подалъ руку хозяйкѣ, и всѣ отправились къ обѣду. Выходя въ другую комнату, Владиміръ нечаянно оглянулся, и крайне удивился, увидѣвъ, что барышни подошли къ столи-

ку и, какъ ни въ чемъ не бывало, налили себѣ понемногу той же самой водки, и выпили ее, даже не поморщившись.

Обѣдъ былъ довольно продолжителенъ, и кушанья подавали много, довольно хорошо изготовленнаго; но Владиміръ почти ни чего не могъ ѣсть: густая черная пыль проникала сквозь закрытыя окна, и ее по неволѣ должно было глотать вмѣстѣ съ кушаньемъ. Въ продолженіе обѣда, барышни нѣсколько разъ начинали разговаривать между собою на томъ неизвѣстномъ языкѣ, которому и передъ тѣмъ уже удивлялся Блистовской.

Когда встали изъ-за стола, Владиміръ, успѣвшій познакомиться покороче съ семействомъ Дюндика, принялъ намѣреніе разспросить подробнѣе о неизвѣстномъ языкѣ, какъ скоро можно будетъ сдѣлать это, безъ нескромности. Случай тотчасъ къ тому представился: Софья Климовна, смотря въ окошко на проходящихъ, вдругъ закричала: «Фуа! Фуа! поди пожалуйста сюда.»

— «Позвольте узнать,» «подхватилъ Блистовской— «что такое значитъ Фуа?» —

«Фуа!» отвѣчала Софья Климовна, взглянувъ на него съ удивленіемъ: «Фуа, это имя сестрицы!»

— «Да сестрицу вашу вѣдь зовутъ Вѣрою?» —
«Конечно такъ,» сказала, улыбнувшись, Софья: «имя ея по-Русски: Вѣра; но по-Французски зовутъ ее Фуа!»

— «У насъ въ Петербургѣ: Вѣра, женское имя, и по-Французски называется Вѣра.» —

«Напрасно!» вскричала Софья съ торжествующимъ видомъ: «я могла бы вамъ показать въ Лексиконѣ Мусье Татищева, что Вѣра по-Французски Фуа!»

— «Позвольте же вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ: передъ обѣдомъ я слышалъ одно выраженіе, хотя для меня непонятное, но которое осталось у меня твердо въ памяти; что значитъ Кессе́-кессе́-кессе́-ля?» —

«Вы не знаете, что значитъ : кессе́-кессе́-кессе́-ля? Быть не можетъ! Вы шутите, Владимиръ Александровичъ?»

— «Клянусь честію, что не понимаю!» —

«Ну! кессе́-кессе́-кессе́-ля значитъ на Французскомъ языкѣ: *что такое?*»

— «А!... Qu'est-ce que c'est, que cela!... Теперь я понимаю!»

Владимиръ прекратилъ тутъ разспросы свои относительно неизвѣстнаго языка, и вслушиваясь внимательнѣе въ разговоры барышень, дѣйствительно замѣтилъ, что онѣ говорятъ по-Французски, но притомъ такъ странно выговариваютъ, и такія необыкновенныя употребляютъ слова и выраженія, что безъ большой привычки понять ихъ ни какъ не возможно. Это не подало ему выгоднаго мнѣнія объ учителѣ, получающемъ четыреста рублей ежегоднаго жалованья, кромѣ харчей и подарковъ, но онъ воздержался отъ всякихъ на этотъ счетъ замѣчаній, и потому семейство Клима Сидоро-

веча осталось въ твердой увѣренности, что Блистовской не знаетъ Французскаго языка. Незнаніе это было между ними предметомъ разговоровъ, когда онъ ихъ оставилъ, и Климъ Сидоровичъ долго разсуждалъ съ дочерьми о выгодахъ даннаго имъ воспитанія, и о предусмотрительности своей, заставившей его нанять такого хорошаго для нихъ учителя. «Вы видите, любезныя дѣти,» говорилъ онъ: «что и въ самомъ Петербургѣ не всѣмъ удастся получить такое воспитаніе, какимъ вы пользовались. Да и не у всѣхъ, правда, бываютъ такіе рачительные родители, какъ у васъ! Вотъ, на примѣръ, Блистовской! Ну, чѣмъ онъ не молодецъ? Богатъ, уменъ, собою виденъ и Гвардіи Капитанъ, а по-Французски-то ни слова! А это не бездѣлица! Вотъ, когда вы, дастъ Богъ, поѣдете въ Петербургъ, такъ съ вашимъ воспитаніемъ васъ, вѣрно, тотчасъ возьмутъ ко Двору.»

— «Дай Богъ, батюшка!» — отвѣчали барышни: — «Жаль однако, что Блистовской не знаетъ по-Французски! Онъ такъ милъ, такъ любезенъ!» —

«Однако вы при немъ-то не очень болтайте по-Французски,» сказалъ Дюндикъ: «вѣдь ему не весело васъ слушать, когда самъ онъ ничего не понимаетъ! А побережь-то его надобно: не даромъ онъ сегодня такъ посматривалъ на Вѣру! Ну! если онъ, дастъ Богъ, только заикнется про нее, такъ я обѣими руками ее отдамъ!»

— «Да и я ужъ ей говорила!» — вскричала Марѳа Петровна! — «что стыдно было бы упустить такого жениха! Чтó за бѣда, что онъ не говоритъ по-Французски? Вѣдь и мы съ тобою ничего не понимаемъ, а отъ того, слава Богу, не хуже другихъ! Смотри же, Вѣра! держи ухо востро! А ты, Софья, при случаѣ, выхваляй сестрицу. Вѣдь она старшая; ей прежде должно выйти за-мужъ! Не бойся, и до тебя очередь дойдетъ! Блистовской будетъ сегодня ввечеру въ собраніи: будь же съ нимъ поласковѣе, Вѣра!... да зашнуруйся покрѣпче! Слышишь ли!»

— «Слушаю, матушка!»

Вѣра Климовна посмотрѣла, съ довольнымъ видомъ, въ зеркало; а Софья потупила глаза и

вздохнула. На этотъ разъ она внутренно жалѣла, что была моложе сестры своей!

Собранія, о коихъ упоминала Марѳа Петровна, въ Ромнахъ во время ярмонки бывають каждый вечеръ, въ довольно просторномъ домѣ, выстроенномъ на ярмоночной или, по тамошнему, на ярмарковой площади. Тамъ собирается дворянство, платя за входъ умѣренную цѣну; одни играютъ въ коммерческія игры, другіе проводятъ время въ танцахъ, а охотники до ужиновъ тамъ ужинають болѣе или менѣе хорошо, смотря по искусству повара, который на то время откупаетъ право угощать посѣтителей. Собранія сіи бывають иногда весьма многочисленны, иногда же такъ пусты, что подрядчикъ разоряется отъ малаго числа гостей. Замѣчательно притомъ, что послѣднее случается не отъ того, чтобы пріѣзжіе въ иной годъ менѣе имѣли охоты ѣздить въ собраніе, нежели въ другой. Нѣтъ! добрыхъ жителей Малороссіи, равно какъ и вообще провинцій нашихъ, нельзя винить въ недостаткѣ собесѣдливости, и большая часть барынь и барышень, имѣющихъ привычку пріѣзжать на ярмонку, вздыхають по Ро-

менскимъ собраніямъ, какъ дѣти вздыхаютъ по игрушкамъ, ибо тутъ представляется имъ почти единственный случай потанцовать, повеселиться и показаться въ свѣтѣ. Тутъ же нерѣдко кладутся первыя основанія супружескихъ союзовъ, и это также для многихъ не послѣднимъ служитъ побужденіемъ къ посѣщенію собраній. Но при всемъ томъ, въ Ромнахъ существуетъ, или по крайней мѣрѣ въ то время существовалъ, странный предразсудокъ, что никто не хотѣлъ пріѣзжать первый на балъ, считая это какъ бы унижительнымъ: многіе, пріѣхавъ въ собраніе и видя, что никого еще нѣтъ, спѣшили домой, скрѣпясь сердцемъ. И такъ, въ Ромнахъ, не смотря на пламенное желаніе всѣхъ, могли быть собранія въ двухъ только случаяхъ: если судьба благопріятствовала публикѣ такимъ образомъ, что нѣсколько каретъ съѣзжалось случайно въ одно время, или же, если какое нибудь семейство, пріѣхавъ напередъ, такъ сказать, жертвовало собою, и оставалось ожидать другихъ.

Тотъ годъ, когда Владиміръ находился на ярмонкѣ, былъ годъ счастливый; ибо давно уже собранія не бывали такъ многолюдны, и потому,

прибывъ туда, онъ нашелъ всѣ комнаты полными гостей; — и семейство Дюндика уже было тамъ. Не нужно увѣрять читателей, что барышни съ живымъ усердіемъ выполняли приказанія, данныя имъ матушкою. Вѣра Климовна всячески старалась понравиться Владиміру, и даже довольно въ томъ успѣла. Какого молодого человѣка, еще незанятаго другимъ предметомъ, не тронетъ внимательность молодой красивой дѣвушки? Даже странное лепетанье барышень на языкѣ, который считали онѣ Французскимъ, возбуждало въ Блистовскомъ не смѣхъ, а сожалѣніе, и онъ долго размышлялъ о томъ, какимъ бы образомъ открыть имъ глаза, не огорчая ихъ самолюбія. Софья Климовна съ своей стороны, также исполняла добросовѣстно порученіе матери, и всякій наблюдаящій искусство, съ какимъ выхваляла она добрый нравъ и хорошія качества сестры, легко могъ заключить, что она не въ первый уже разъ исполняетъ подобныя порученія.

Въ продолженіе бала, подошелъ къ Блистовскому одинъ Полтавскій помѣщикъ, познакомившійся съ нимъ въ лавкахъ, и находившійся

съ женою своею въ собраніи. Случайно заговорили они между собою по-Французски, и Владиміръ, въ жару разговора, сначала и не замѣтилъ, что дочери Дюндика стояли за нимъ, и слушали его съ удивленіемъ. Оглянувшись и увидѣвъ сердитые взгляды, бросаемые на него Вѣрою и Софьею, Владиміръ подошелъ было къ нимъ, чтобъ объясниться; но онѣ обѣ отвернулись отъ него, и во весь вечеръ явно убѣгали всякаго съ нимъ разговора. Онъ замѣтилъ также, что онѣ очень жарко разговаривали съ отцемъ, который, немного погодя, приблизился къ нему и сказалъ съ обыкновенною своею улыбкою.

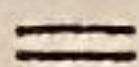
«Мои барышни на васъ сердятся, Владиміръ Александровичъ, за то, что вы такъ надъ ними подшутили! Экой проказникъ! Притворяется, будто ни слова не понимаетъ, а съ другими разговариваетъ не хуже моего Софроныча! Но не безпокойтесь, я опять васъ помирю!»

— «Клянусь честію, что я и не думалъ подшучивать надъ дочерьми вашими,» — отвѣчалъ Владиміръ, досадуя, что его въ томъ подозрѣ-

вають: — «я дѣйствительно ничего не понималъ» — продолжалъ онъ — «и если угодно, докажу вамъ, почему... —

«Хорошо! хорошо! Увидимъ, когда завтра къ намъ пожалуете!» прервалъ его Дюндикъ, все улыбаясь: «а Вѣра моя не на шутку на васъ разсердилась; да и съ Марѳой Петровной вы не скоро раздѣляетесь!»

Дюндикъ отошелъ отъ него, грозя ему умильно пальцемъ, и Владиміръ, раздосадованный такимъ на него подозрѣніемъ, вскорѣ потомъ оставилъ собраніе и возвратился домой.

ГЛАВА IX.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

На другой день Владиміръ едва успѣлъ встать и одѣться, какъ вошелъ къ нему въ комнату Климъ Сидоровичъ.

«Добраго утра,» сказалъ онъ. «Я нечаянно шелъ мимо квартиры вашей, и подумалъ себѣ: дай-ка посмотрю, рано ли онъ встаетъ? — Все ли вы въ добромъ здоровьѣ? А мои барышни все еще сѣрдятся! Ужъ я вчера стоялъ за васъ горою; но онѣ никакъ забыть не могутъ, что вы надъ ними такъ подшутили!»

— Я вчера еще увѣрялъ васъ, Климъ Сидоровичъ, что мнѣ и въ голову не приходило надъ ними подшучивать. —

«Полно-те, полно-те! Какъ же вы при мнѣ утверждали, что ихъ не понимаете, а при всемъ томъ въ собраніи разговаривали съ другими по-Французски?»

— Не прогнѣвайтесь, Климъ Сидоровичъ! Но дочери ваши говорятъ не по-Французски! —

«По-каковски-же?» спросилъ Дюндикъ съ досадою.

— Не знаю! только не по-Французски! —

«Вотъ это прекрасно! Я развѣ не держалъ у себя въ домѣ Софроныча, чтобъ онъ обучалъ ихъ Французскому языку? Развѣ я не платилъ ему за то жалованья? Четыреста рублей въ годъ, кромѣ харчей и подарковъ!»

— Всему этому я вѣрю! Но я долженъ сказать вамъ откровенно, что, по моему мнѣнію, вѣроятно Софронычъ самъ не знаетъ того, чему училъ. —

«Помилуйте, Владиміръ Александровичъ!

Вѣдь онъ написалъ печатную книгу! Я могу вамъ ее показать: на одной сторонѣ по-Русски, а на другой по-Французски. Вѣдь изъ нее-то дѣти мои и учились!»

— Весьма любопытенъ видѣть эту книгу; а между тѣмъ, повторяю что дѣти ваши такъ странно выговариваютъ, и употребляютъ такіа необыкновенныя слова и выраженія, что понять ихъ никакъ невозможно. —

«Ахъ ужъ вы, Петербургскіе Паничи!» сказалъ Дюндикъ, покачивая головою и съ трудомъ удерживаясь отъ гнѣва. «Ну что за бѣда, если онѣ и не такъ хорошо выговариваютъ, какъ природныя Французы? Все таки онѣ знаютъ языкъ, а выговору-то всегда научиться можно!»

— Сомнѣваюсь, очень сомнѣваюсь! Я не изъ тѣхъ, которые считаютъ необходимымъ, чтобъ Русской выговаривалъ Французскія слова, какъ природный Французъ; но дочери ваши ужъ черезъ-чуръ дурно выговариваютъ! Къ тому же употребляемая ими выраженія

ясно доказываютъ , что учитель ихъ едва-ли слыхалъ когда нибудь, какъ говорятъ по-Французски. —

Климъ Сидоровичъ, послѣ столь рѣшительнаго приговора о познаніяхъ барышень, призадумался, и твердая довѣренность его къ Софронычу немного поколебалась. Почесавшись за ухомъ, онъ сказалъ Владиміру :

«Такъ неужъ-то пропали всѣ мои деньги и всѣ труды Софроныча ! По этому , дочерямъ моимъ никогда нельзя и показаться въ Петербургъ?»

— А почему жъ такъ ? — спросилъ Владиміръ съ удивленіемъ.

«Да потому, что въ Петербургскихъ обществахъ и ступить нельзя безъ Французскаго языка. Я читалъ въ печатныхъ книгахъ , что тамъ всѣхъ , непонимающихъ Французскаго языка, презираютъ, и что они и показаться не могутъ въ большомъ свѣтѣ , не навлекая на себя, отъ всѣхъ, насмѣшекъ».

— Тѣ, которые говорятъ это, вѣрно не знаютъ большаго свѣта, и потому напрасно его обвиняютъ. Французскій языкъ, конечно, у насъ почти необходимъ; но это потому, что онъ таковъ и въ остальной просвѣщенной Европѣ. Языкъ этотъ теперь сдѣлался вездѣ придворнымъ и дипломатическимъ, и потому въ Петербургѣ, такъ какъ въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ, въ Мадритѣ и въ Стокгольмѣ, употребляется въ большомъ свѣтѣ. Было время, когда Латинскій языкъ былъ дипломатическимъ и придворнымъ; тогда даже и дамы объяснялись на немъ правильно и свободно, и за то никто ихъ не оуждалъ. Говорить, что Французскій языкъ употребляется въ Петербургѣ въ большомъ свѣтѣ, значитъ говорить правду, (впрочемъ ни для кого не предосудительную); но утверждать, что большой свѣтъ презираетъ неговорящихъ на этомъ языкѣ, значитъ клепать на него напрасно.... —

«Такъ вы будете увѣрять вопреки печатному, что въ столицѣ не насмѣхаются надъ незнающими Французскаго языка!»

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случилось этого видѣть. Напротивъ того, я встрѣчалъ въ большомъ свѣтѣ уваженіе къ заслугамъ и къ истинному таланту, безъ всякаго на то вниманія, говоритъ ли кто по-Французски. Нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ Авторъ нашихъ, живущіе въ большомъ свѣтѣ, и впрочемъ знающіе Французскій языкъ, никогда почти не имѣютъ случая изъясняться на ономъ, потому, что всѣ говорятъ съ ними по-Русски. Мнѣ легко было бы назвать вамъ многихъ, если бѣ могъ я предполагать, что имена ихъ вамъ извѣстны. —

«Ну! такъ по этому и надъ моими барышнями никто смѣяться не будетъ, когда онѣ пріѣдутъ въ Петербургъ?»

— Вы можете быть въ томъ увѣрены, если онѣ сами будутъ говорить по-Русски. Но рѣшительно имъ совѣтую избѣгать всѣхъ разговоровъ на Французскомъ языкѣ. Въ Петербургѣ, такъ какъ и въ чужихъ краяхъ, есть классъ щеголей — старыхъ и молодыхъ, которые не зная Французскаго языка, любятъ

объясняться на ономъ даже съ своими соотечественниками. Такіе люди, конечно, смѣшны; но они были бы смѣшными вездѣ, ибо охотою напрашиваются на насмѣшки, говоря безъ всякой надобности на такомъ языкѣ, котораго не понимаютъ. Въ этомъ винить должно не общество, но ихъ самихъ. Нѣтъ ничего въ томъ смѣшнаго, если Русской не говоритъ на иностранномъ языкѣ; но смѣшно, если кто нибудь, какой бы онъ націи не былъ, изъ одного хвастовства и безъ надобности, щеголяетъ такимъ языкомъ, котораго не понимаетъ. —

«Да какъ же я самъ читалъ въ печатной книгѣ, что въ большомъ свѣтѣ даже стыдятся того, кто не говоритъ по-Французски?»

— Мало ли что печатается! Россія весьма была бы достойна сожалѣнія, если бы все то было справедливо, что о ней печатаютъ! Вообще, господа писатели должны бы приступать осторожнѣе къ печатанію сужденій своихъ о нравахъ, обычаяхъ и недостаткахъ нашего отечества. Предоставимъ врагамъ нашимъ писать карикатуры на Русскій народъ;

но Русскому Автору никогда не должно терять изъ виду, что теперь и въ чужихъ краяхъ начинаютъ обращать вниманіе на нашу Литературу. Пріятно ли намъ будетъ, если иностранцы, основываясь на собственныхъ нашихъ сочиненіяхъ, возымѣютъ совершенно превратное о насъ понятіе? Безъ надлежащей осмотрительности, можно и съ самыми добрыми намѣреніями провиниться предъ отечествомъ, коего слава и доброе имя должны быть драгоцѣнны для cadaго. Полезно, конечно, выводить наружу пороки и недостатки, но зачѣмъ пороки нѣсколькихъ лицъ приписывать цѣлымъ сословіямъ? Зачѣмъ обвинять общество въ недостаткахъ, которые или вовсе не существуютъ, или принадлежатъ немногимъ членамъ онаго?... —

Владиміръ такъ разгорячился, говоря о семъ предметѣ, что не скоро бы еще окончилъ рѣчь свою, если бъ продолжительная и довольно громкая зѣвота Клима Сидоровича не вразумила его, что онъ напрасно теряетъ слова съ человѣкомъ, едва ихъ понимающимъ. И такъ онъ вдругъ замолчалъ, а Дюндикъ воспользо-

вался этимъ, чтобъ приступить къ нему съ просьбою отправиться къ Марѣ Петровнѣ для заключенія мира съ нею и съ барышнями.

Хотя Климъ Сидоровичъ и началъ уже колебаться въ мнѣніи своемъ относительно Софроныча, но все еще сохранялъ нѣкоторую надежду, что Владиміръ, можетъ быть, преувеличиваетъ незнаніе барышень. Онъ твердо полагался на сочиненную Софронычемъ книгу, по счастію, отыскавшуюся между бѣльемъ и уборами, привезенными изъ деревни. Владиміру очень не хотѣлось исполнить его просьбу, но онъ рѣшился на то, потому, что мысль о томъ, что его обвиняли въ насмѣшливости, была для него тягостна.

Когда пришли они къ Марѣ Петровнѣ, дамы, по видимому, ихъ уже ожидали, ибо были разряжены, не взирая на раннюю пору. Онѣ сидѣли около стола, передъ софою и, казалось, заняты были общимъ совѣщаніемъ о разложенныхъ Вѣрою Климовною картахъ и

Сам
о червонномъ королѣ, предметѣ ихъ гада-
нія.

Обѣ барышни раскраснѣлись при видѣ Бли-
стовскаго, и всѣ три дамы бросали на него взо-
ры не очень ласковые, хотя суровое выраже-
ніе ихъ глазъ имѣло различныя степени. Сер-
дитѣе всѣхъ казалась Марѳа Петровна; за нею
слѣдовала младшая дочь, Софья Климовна; а
менѣе всѣхъ обнаруживала гнѣва Вѣра, коей
суровость смягчена была выраженіемъ нѣжна-
го упрека. Увидѣвъ Блистовскаго, она смѣша-
ла карты, передъ нею лежавшія, какъ будто
опасаясь, чтобъ онъ не замѣтилъ, о чемъ она
загадываетъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣт-
ствій, Владиміръ, по приглашенію Марѳы Пе-
тровны, сѣлъ возлѣ нея. Въ продолженіе нѣ-
сколькихъ секундъ царствовало общее молча-
ніе, ибо всѣ, болѣе или менѣе, были въ сму-
щеніи, и не знали, съ чего начать. Климъ Си-
доровичъ всѣхъ больше недоумѣвалъ и какъ
будто чего-то боялся. Когда Марѳа Петровна
бывала не въ духѣ, супругъ ея всегда казался
самымъ скромнымъ и молчаливымъ человѣ-

комъ. Наконецъ Софья Климовна первая прервала молчаніе :

«Хорошо же вы съ нами вчерась поступили, Владиміръ Александровичъ!» сказала она.

— «Да!» — подхватила Марѳа Петровна — «правду сказать, мы никогда этого отъ васъ не ожидали! Мы конечно, въ Петербургѣ не бывали; однако дочери мои, позвольте сказать, не такого разбору, чтобъ можно было надъ ними смѣяться. Не прогнѣвайтесь, Владиміръ Александровичъ!»

Вѣра Климовна не сказала ни слова; но взоры ея пристально устремлены были на Блистовскаго, который, замѣтивъ это, еще болѣе смѣшался.

«Я не заслуживаю этихъ упрековъ, сударыня!» сказалъ онъ наконецъ, обратясь къ раздраженной Марѳѣ Петровнѣ: «я имѣлъ уже честь объясниться съ Климомъ Сидоровичемъ, и онъ, кажется, увѣренъ, что мнѣ и въ голову не приходило насмѣхаться!»

Дієндикъ , между тѣмъ , стоялъ неподвижно, и не зналъ , что отвѣчать на неожиданный вызовъ Владиміра. «Ну что жъ ты стоишь, какъ чурбанъ!» вскричала Марѳа Петровна: «Развѣ нѣтъ у тебя языка?»

— «Какъ не быть , матушка! Но вѣдь Владиміръ Александровичъ утверждаетъ , что барышни наши дѣйствительно не умѣютъ говорить — что ихъ понять никакъ нельзя....» —

«Вотъ прекрасно!» вскричала Марѳа Петровна , и глаза ея засверкали. «А Софронычъ-то развѣ даромъ у насъ хлѣбъ ѣлъ?»

— «И Софронычъ будто ничего не знаетъ....» —

«Вотъ это очень мило!» вскричали обѣ барышни съ горькимъ смѣхомъ. Софронычъ ничего не знаетъ! А развѣ онъ не сочинилъ книгу?»

— «Позвольте же вамъ показать его сочи-

неніе!» — прибавила Софья, обратясь къ Владиміру и вставъ со стула.

«Пожалуйте, сударыня!» отвѣчалъ онъ, и не радъ былъ жизни, что рѣшился къ нимъ прійти.

Софья вышла на минуту въ другую комнату, и возвратилась оттуда, имѣя въ рукахъ небольшую книгу въ шестнадцатую долю листа, которую и подала она Блистовскому съ торжественнымъ видомъ.

Владиміръ, раскрывъ ее, прочиталъ слѣдующее заглавіе: «Jardin de Paradis pour leçon des enfans etc. Райскій вертоградъ для дѣтскаго чтенія, и проч. (*)».

Онъ сталъ читать далѣе, и изумился, уви-

(*) Книга эта вышла въ печать въ Москвѣ, 1818 года, въ Университетской Типографіи. Хотя имя Автора не показано на заглавномъ листѣ; но мы имѣемъ причины думать, что Софронычъ не напрасно приписывалъ себѣ честь сего сочиненія. Всякій, кому угодно будетъ сравнить Французскій языкъ, употребленный въ этой книгѣ, съ языкомъ, которому научились дочери Дюндика, охотно съ нами согласится.

дѣвъ напечатанною совершенную безсмыслицу, такъ что онъ съ трудомъ могъ воздержаться отъ громкаго смѣха.

Между тѣмъ, какъ онъ перелистывалъ это сочиненіе, взоры всѣхъ съ нетерпѣніемъ устремлены были на него. Замѣтивъ, что онъ закусилъ губы отъ смѣха, Марѳа Петровна сказала внѣ себя отъ досады:

«Ну-съ! и это смѣшно, что ли?»

— Это вовсе не по-Французски, сударыня! Удивляюсь мѣдному лбу Автора, осмѣлившагося напечатать такой вздоръ! —

«Отъ часу не легче!» вскричала Марѳа Петровна, и взглянула на дочерей своихъ, какъ бы ожидая, чтобъ онѣ опровергли обвиненія Блистовскаго; но барышни не говорили ни слова. Онѣ начинали сомнѣваться въ познаніяхъ Софроныча, и огорченіе, ощущаемое ими при сей мысли, согнало румянецъ со щекъ ихъ. У Вѣры Климовны даже навернулись на глазахъ слезы.

Владиміру тягостно было смотрѣть на жалкое положеніе бѣдныхъ дѣвушекъ; но дѣлать было нѣчего! Надлежало кончить начатое, и потому онъ со всевозможною скромностію сталъ объяснять имъ почему книга, изданная Софронычемъ, явно доказываетъ совершенное его незнаніе Французскаго языка. Доказательства эти и увѣрительный тонъ, наконецъ, убѣдили всѣхъ слушателей.

«Ахъ, онъ разбойникъ!» вскричалъ Климъ Сидоровичъ. «Вотъ дай-ка мнѣ воротиться домой; ужъ я его проучу!»

— «Ахъ, онъ мошенникъ!» — воскликнула Марѳа Петровна, задыхаясь отъ злости.

«Ахъ, онъ мошенникъ!» повторили за нею обѣ барышни.

— «Тотчасъ долой его со двора!» — сказалъ Климъ Сидоровичъ.

«Этого не довольно, батюшка!» замѣтили разгнѣванные барышни.

Семейство Дюндика долго еще продолжало такого рода восклицанія, и всѣ другъ предъ другомъ на перерывъ возвышали наказаніе, которое, по мнѣнію ихъ, заслуживалъ жалкой Софронычъ. Владиміръ замѣтилъ, что барыш-ни при этомъ случаѣ оказывались не милости-вѣе прочихъ. Онъ воспользовался первою благопріятною минутою, чтобъ откланяться, и возвратился домой, крайне сожалѣя, что неумышленно огорчилъ ихъ открытіемъ невѣжества бѣднаго Софроныча.

==

ГЛАВА X.

СМЕРТОУБИЙСТВО.

По совершенномъ окончаніи конной ярмонки, Блистовскому нѣчего было дѣлать въ Ромнахъ, и потому онъ вознамѣрился выѣхать отсюда на другой день. Вечеромъ ему еще разъ хотѣлось посѣтить собраніе. Онъ нашелъ его столь же многолюднымъ, какъ на-канунѣ; но Дюндиковыхъ тамъ не было: они остались дома горевать о потерянномъ Французскомъ языкѣ.

Повертѣвшись немного въ толпѣ веселящихся, Владиміръ уже намѣренъ былъ идти до-

мой, какъ вдругъ услышалъ въ ближней комнатѣ необычайный шумъ и крикъ. Онъ бросился туда, и увидѣлъ, что все общество находилось въ смятеніи. Дамы, съ видомъ сожалѣнія и участія, окружали молодую дѣвушку, сидѣвшую въ креслахъ, и блѣдную какъ полотно, между тѣмъ, какъ мужчины суетились по комнатѣ и весьма горячо разговаривали съ Полицейскими чиновниками. Владиміръ съ трудомъ могъ добиться толку; онъ узналъ наконецъ причину сего смятенія, поразившую его удивленіемъ.

«Вамъ, конечно, небезъизвѣстно,» — сказалъ ему одинъ изъ гостей — «что въ прошломъ году всѣ иностранныя газеты наполнены были рассказами о появившихся въ Парижѣ шалунахъ, которые находили въ томъ удовольствіе, чтобы пугать женщинъ, укалывая ихъ острыми иглами, и прожигая ихъ наряды и платья какою-то ѣдкою кислотою. На такіе подвиги сыскались охотники и у насъ! Еще въ прошломъ году, одинъ подражатель Французскихъ проказниковъ перепортилъ здѣсь множество дамскихъ уборовъ, и перепугалъ до полусмер-

ти многихъ дамъ. Не смотря на всѣ старанія, не могли его открыть, и прошлогодняя ярмонка кончилась тѣмъ, что не удалось найти ни малѣйшихъ къ тому слѣдовъ. Мы надѣялись, что на этотъ разъ ярмонка пройдетъ спокойно, ибо въ первые дни не слышно было ничего; но вотъ сегодня опять начались эти проказы, и притомъ такъ неосторожно, что у бѣдной дѣвушки не только испорчено платье, но и сожжено тѣло сквозь рукавъ!»

— «Странно,» — замѣтилъ Блистовской — «что еще не открыли этого шалуна, заслуживающаго примѣрное наказаніе!» —

«Это отъ того, что даже не знаютъ, кого подозревать, а осматривать у всѣхъ карманы нельзя же! Къ тому же для совершеннаго изобличенія, надлежало бы поймать его въ минуту самаго преступленія, что не такъ легко!»

Въ продолженіе сихъ разговоровъ собраніе опять успокоилось, испуганная дѣвица уѣхала домой, а гости вновь занялись танцами, какъ будто ничего не случилось. Владиміръ проха-

живался по комнатамъ, и для провозженія времени умственно разбиралъ физіономіи, стараясь разгадать, которая изъ нихъ внушаетъ болѣе подозрѣнія. Трудъ его былъ напрасенъ; но при разборѣ этомъ попался ему на глаза одинъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, одѣтый по послѣдней модѣ. Покрой платья его, новѣйшаго Французскаго вкуса, свидѣтельствовалъ, что онъ только-что пріѣхалъ изъ столицы, а всѣ пріемы являли въ немъ франта втораго или третьяго разбора — одного изъ тѣхъ, кои въ Петербургѣ отличаются на всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ, толкая людей безгласныхъ, и нахально заглядывая подъ шляпку каждой женщины, неимѣющей мужчинъ-проводящихъ. Блистовской, конечно, не имѣлъ причинъ подозрѣвать его въ шалостяхъ, беспокоившихъ въ то время Роменскую публику; но взоры его невольно на немъ останавливались, потому, что онъ видѣлъ въ немъ настоящій образецъ упомянутыхъ франтовъ.

Распросивъ объ имени его, онъ узналъ, что этого молодаго человѣка зовутъ Прыжковымъ, что онъ родомъ изъ малороссіянъ; но будучи

воспитанъ въ Петербургѣ, передѣлалъ, по примѣру многихъ другихъ, Малороссійское прозваніе на Русскій манеръ, прибавя въ къ настоящей фамиліи своей, бывшей первоначально *Прыжко*.

Г. Прыжковъ, съ своей стороны, также обратилъ вниманіе на молодаго гвардейскаго офицера. Предполагая, что Петербургскіе жители, встрѣчаясь въ провинціяхъ, должны непремѣнно ощущать взаимное другъ къ другу влеченіе, онъ неоднократно покушался вступить съ нимъ въ разговоръ, сообщая ему, на дурномъ Французскомъ языкѣ, насмѣшливыя замѣчанія на счетъ всѣхъ гостей, бывшихъ въ собраніи. Не смотря на отвращеніе, которое съ самаго начала почувствовалъ къ нему Владиміръ, онъ однако, изъ свѣтскаго приличія, отвѣчалъ ему учтиво, хотя довольно отрывисто и холодно; но Франтъ нашъ не замѣчалъ этой холодности: Господину Прыжкову и на умъ не приходило, чтобъ такой милый и благовоспитанный малый, какимъ онъ себя считалъ, могъ кому нибудь не нравиться! Увидѣвъ, что Блистовской пошелъ въ ту комнату,

гдѣ играли въ карты, и онъ за нимъ туда послѣдовалъ. Сѣвъ подлѣ него и протянувъ ноги во всю длину ихъ, такъ, что проходящіе мимо должны были обходить кругомъ, чтобъ его не задѣть, онъ приставилъ къ глазу лорнетъ, и продолжалъ критическія свои замѣчанія. Блистовской долго его слушалъ, не говоря ни слова; наконецъ представилась ихъ взорамъ почтенная старушка, коей старомодный нарядъ особенно возбуждалъ грубую насмѣшливость Прыжкова. Онъ не оставилъ безъ замѣчанія ни одной складки на ея платьѣ, ни одной морщины на лицѣ: однимъ словомъ, все въ ней представляло новую пищу его язвительности.

«Да знаете ли вы эту даму?» спросилъ у него Владиміръ, выведенный изъ терпѣнія.

— «Какъ не знать!» — отвѣчалъ Франтъ, усмѣхаясь съ довольнымъ видомъ. — «Это моя родная бабушка! Я люблю ее страстно, и всякій день къ ней являюсь съ почтеніемъ, потому, что у этого антика пятьсотъ душъ, которыя, по смерти ея, должны достаться мнѣ! Надобно же имѣть мое терпѣніе!» —

Блистовской не въ силахъ былъ его слушать долѣе и, не сказавъ ни слова, отошелъ прочь. Прыжковъ однако, не смотря на то, чрезъ нѣсколько времени опять сталъ къ нему навязываться; но Владиміръ отвернулся отъ него съ явнымъ презрѣніемъ.

Между тѣмъ наступило время разѣзжаться по домамъ, и Владиміръ, вмѣстѣ съ прочими, вышелъ въ тѣсныя сѣни, гдѣ множество дамъ ожидали своихъ экипажей. Случайно пришлось ему стоять подлѣ Прыжкова. Владиміръ нечаянно взглянулъ на него, и къ крайнему удивленію замѣтилъ, что франтъ нашъ тихонько вынулъ изъ кармана небольшой ручной шприцъ, которымъ принялся обрызгивать платье находившейся передъ нимъ почтенной старушки, своей бабушки. Неожиданное это явленіе взорвало Блистовскаго такъ, что онъ самъ себя не помнилъ: съ быстротою ястреба, стремящагося на свою добычу, онъ бросился на Прыжкова, который, при видѣ угрожающей ему опасности, тщетно старался скрыться въ толпѣ. Блистовской такъ крѣпко схватилъ его за руку, что не допустилъ выронить изъ оной

шприцъ и, не смотря на всѣ сопротивленія, держалъ его до тѣхъ поръ, пока подоспѣлъ Полицмейстеръ. Прыжкова взяли подъ стражу, не слушая его пустыхъ извиненій и увѣреній. Все пришло въ смятеніе. Когда стали его выводить, отчаянный Франтъ, видя, что нѣтъ никакой возможности избѣжать заслуженнаго наказанія, съ яростію обратился къ Блистовскому.

«Я, сударь, найду васъ послѣ, и непременно съ вами рассчитаюсь!» сказалъ онъ, скрежеща зубами.

— «Хорошо!» — отвѣчалъ хладнокровно Блистовской: — «меня найти не трудно».

Прыжкова повели подъ карауломъ, и гости разѣхались, благодаря Блистовскаго за то, что онъ избавилъ ихъ отъ такого человѣка. Одна бѣдная старушка, бабушка, не раздѣляла общаго довольствія: она такъ поражена была неожиданнымъ поступкомъ своего внука и наследника, что долго не могла опомниться. Ее посадили въ карету и увезли домой, гдѣ она

тотчасъ слегла въ постель и сильно занемогла.

На другой день, Блистовской, помня вызовъ Прыжкова, счелъ обязанностію справиться о немъ, чтобъ узнать, что съ нимъ сдѣлалось. Его увѣдомили, что Прыжковъ содержится подѣ строгимъ арестомъ, отъ котораго, вѣроятно, не скоро освободится. И такъ Блистовской, видя, что дѣлать тутъ нѣчего, рѣшился уѣхать; но предъ отъѣздомъ хотѣлъ еще распрощаться съ семействомъ Дюндика. Отправившись къ нему, онъ дорогою встрѣтился съ однимъ знакомымъ, отъ котораго узналъ случайно, что Прыжковъ родной племянникъ и любимецъ Марѣы Петровны! Извѣстіе это привело его въ крайнее недоумѣніе. Услышавъ притомъ, что почтенная Марѣа Петровна такъ на него разгнѣвана за поимку своего племянника, что и говорить о немъ не можетъ, не выходя изъ себя. Блистовской, при такихъ обстоятельствахъ, почелъ правиломъ благоразумія уѣхать не простившись.

Оставляя Ромны, онъ долго размышлялъ о

странномъ сцѣпленіи обстоятельствъ, которыя противъ воли привели его въ столь непріятныя сношенія съ семействомъ Дюндика. Одна мысль его утѣшала: «по крайней мѣрѣ», думалъ онъ: «мнѣ упрекать себя не въ чемъ. Дюндиковыхъ же я, вѣроятно, никогда болѣе не увижу, а можетъ быть, не доведется мнѣ и слышать объ нихъ!» Но вскорѣ потомъ одинъ неожиданный случай опять напомнилъ ему о Климѣ Сидоровичѣ.

Въ Черниговской губерніи, за нѣсколько верстъ до станціи Ф^{**}, куда онъ ѣхалъ, сломалась его повозка. Блистовской, поручивъ человѣку своему, вмѣстѣ съ ямщикомъ, изыскивать средства, какимъ образомъ удобнѣе доставить ее на станцію для починки, самъ отправился туда пѣшкомъ. День былъ необыкновенно жаркій и, не смотря на наступающіе уже сумерки, воздухъ былъ тяжелъ и душенъ. Блистовской скоро усталъ отъ глубокаго песка, по которому шелъ, и увидѣвъ въ правой сторонѣ тропинку, ведущую въ сосновый лѣсъ, рѣшился итти по ней, надѣясь, что она выведетъ его опять на столбовую дорогу. Такимъ

образомъ прошелъ онъ нѣкоторое разстояніе лѣсомъ, какъ вдругъ показалось ему, что онъ сбился съ дороги. Онъ остановился, прислушиваясь къ звону колокольчика, привязаннаго къ его лошадамъ, но повсюду царствовало глубокое молчаніе. Воротиться считалъ онъ потерею времени; къ тому же тропинка, по которой онъ шелъ, неоднократно раздѣлялась на нѣсколько другихъ, ведущихъ въ разныя стороны, и онъ сомнѣвался, чтобъ могъ найти настоящую дорогу, при безпрестанно умножающейся темнотѣ. Въ такомъ недоумѣніи онъ рѣшился итти далѣе, полагая, что наконецъ выйдеть изъ лѣсу къ какому нибудь селенію, гдѣ можно будетъ взять провожатаго до станціи. Но вечерѣющій день минутой отъ минуты становился темнѣе, лѣсъ гуще, а по мѣрѣ того ослабѣвала и надежда Блистовскаго. Увидѣвъ наконецъ, что и тропинка дѣлалась тѣснѣе и непроходимѣе, такъ, что онъ безпрерывно ударялся лбомъ объ вѣтви, или спотыкался о корни деревъ, онъ началъ кричать изо всей силы, въ надеждѣ, что услышитъ его какой нибудь лѣсничій или запоздалый дровосѣкъ; но одно эхо ему отвѣчало.

Утомившись наконецъ отъ безполезнаго крика, онъ пошелъ далѣе, подвигаясь впередъ съ величайшею осторожностію, чтобъ не выколотъ глазъ острыми сучьями, на каждомъ шагу ему встрѣчавшимися. Такимъ образомъ прошло еще около полу-часа; между тѣмъ наступила совершенная ночь, и Владиміръ уже шелъ ощупью, зажмурясь притомъ для охраненія глазъ, которые въ темнотѣ для него были безполезны. Но лѣсъ все не рѣдѣлъ, и Владиміръ опять остановился, чтобъ посовѣтоваться съ самимъ собою. Можно легко представить себѣ, какъ онъ былъ доволенъ, когда, открывъ глаза, увидѣлъ мелькающій въ дали, сквозь чащу лѣса, огонекъ! Не медля ни мало, направилъ онъ туда стопы свои, но это было дѣло не легкое! Въ густотѣ и мракѣ лѣса, онъ терялъ даже ту тѣсную тропинку, по которой шелъ дотолѣ. Хворостъ хрустѣлъ подъ его ногами, удары отъ нависшихъ сучьевъ учащались; иногда онъ сталкивался съ огромными пнями большихъ деревъ, которыхъ ни коимъ образомъ не могъ различить въ темнотѣ. Наконецъ до слуха его достигъ звукъ голоса человѣческаго, и въ то же время запахъ горя-

щихъ дровъ возвѣстилъ ему ихъ близость, хотя самый огонь скрытъ былъ чащею. Блистовой сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и невольно остановился, когда началъ различать голоса нѣсколькихъ людей, разговаривавшихъ между собою. Хотя онъ никакъ не думалъ, чтобы въ этомъ лѣсу угрожала ему какая либо опасность, полагая на вѣрное, что замѣченный имъ огонь разложенъ лѣсничими или, можетъ быть, майданщиками; но, при всемъ томъ, онъ началъ прислушиваться къ ихъ разговору.

«Дшаррò, Дшаррò!» раздался суровый и охриплый голосъ, признанный Владиміромъ за голосъ старухи.

«Дшаррò! слышишь ли?»

— «Онъ спить, матушка!» — сказалъ другой женскій голосъ, пріятнѣе и моложе перваго. — «Дшаррò! тебя кличетъ мамо!» —

«Что это! и выспаться не дадутъ!» отвѣчалъ

наконецъ плаксивый голосъ молодаго мужчины: «ну, что опять случилось?»

Старуха. Встань-ка! да поди посмотри, что тутъ около насъ шевелится, словно вѣдмедь! Такъ и трещить лѣсъ!

Мужчина. Вотъ тебѣ на! Пойду я туда, если это вѣдмедь!

Старуха. Дуракъ! вѣдь знаешь, что вѣдмедей здѣсь нѣтъ! Посмотри, не подкрался ли кто?

Мужчина. Не вѣдмедь, такъ можетъ быть еще хуже вѣдмеда! Ну кто, кромѣ лѣшаго, объ эту пору будетъ подкрадываться!

Мол. женщина. Ты вѣрно боишься, чтобъ тебѣ не явился покойный Васька, о которомъ ты вчера такъ плакалъ!

Мужчина. Бояться не боюсь; а жаль мнѣ бѣдной бороды; онъ такой былъ добрый! Ну какъ у отца на него рука поднялась. Я его

прошу, да упрашиваю, а онъ ему пырь ножемъ въ грудь! Съ одного удара такъ и свалился съ ногъ!

Старуха. Ты знаешь, что нужны были деньги.

Мужчина. Ну, да много ли онъ взялъ? Три полтины-то всего! Стоило ли того, чтобъ зарѣзать Ваську?

Старуха. Вѣдь думали взять больше! Да полно тараторить. Встань да посмотри! А вотъ идетъ и Додъ!

Раздался лай собаки съ противной стороны лѣса, и Владиміръ сталъ сожалѣть, что не успѣлъ удалиться прежде. Разговоръ этотъ казался ему довольно яснымъ; онъ не имѣлъ при себѣ никакого оружія, и потому не оставалось для него инаго средства къ спасенію, какъ попытаться уйти, пока не подоспѣютъ другіе. Онъ тихонько нагнулся, и пошаривъ руками по землѣ, нашелъ толстый сукъ, который и поднялъ для защищенія себя въ случаѣ

нужды. Потомъ со всевозможною осторожно-
стію началъ удаляться; но лишь только опять
затрепалъ подъ его ногами хворостъ, какъ
толстый голосъ отозвался въ его ушахъ: «арап-
ка! орелка! лови, лови!» и въ одно мгновеніе
бросились на него двѣ собаки, которыя, судя
по ихъ лаю, были необыкновенной величины.

Блистовской былъ въ самомъ затруднитель-
номъ положеніи. Темнота, въ густомъ лѣсу
около него, столь была велика, что онъ рѣ-
шительно не могъ различить ни одного пред-
мета, хотя бы оный находился совершенно
подлѣ него. Онъ подвергался опасности быть
разорваннымъ собаками, между тѣмъ какъ не
имѣлъ никакой возможности защититься ни
отъ нихъ, ни отъ разбойниковъ, которыхъ на-
паденія ожидалъ ежеминутно. Къ счастью, со-
баки не такъ были злы, какъ казалось, судя
по грозному ихъ лаю, и Блистовской, разма-
хивая около себя сукомъ, вскорѣ одержалъ по-
бѣду; одна изъ нихъ, которую случайно онъ
задѣлъ, съ большимъ визгомъ бросилась на-
задъ. Блистовской опять покусился итти; но
лишь только сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ

вдругъ трескучій огонь зажженныхъ смоляныхъ лучинъ блеснулъ ему въ глаза. Внезапный переходъ отъ самой глубокой темноты къ яркому свѣту, такое имѣлъ дѣйствіе на его зрѣніе, что онъ не могъ ничего разглядѣть, и не успѣлъ онъ еще опомниться, какъ почувствовалъ себя схваченнымъ сзади сильными руками, которыя, держа его крѣпко, какъ будто въ клещахъ, потащили сквозь чащу и вывели на небольшую площадку.

Владиміру представилось тутъ явленіе, совсѣмъ для него необыкновенное. Подъ дубомъ огромной толщины, котораго кривыя и кудрявыя вѣтви при первомъ взглядѣ отличались отъ прямыхъ сосенъ, его окружавшихъ, раскинутъ былъ родъ шатра, составленнаго изъ небольшихъ шестовъ, верхними концами накрестъ соединенныхъ и покрытыхъ грубою парусиною. Подъ ненарядною этою палаткою, съ одной стороны открытою, сидѣли, или, лучше сказать, лежали на свѣжей скошенной травѣ двѣ женщины—одна старая, другая молодая, — съ длинными черными волосами, въ большомъ беспорядкѣ упдающими на плеча.

Одежда ихъ состояла изъ лоскутьевъ , и обѣ прикрыты были изношенными нагольными тулупами. Подлѣ нихъ разставлена была домашняя утварь : небольшой котелъ и нѣсколько глиняныхъ горшковъ. Раненая Блистовскимъ собака , не переставая визжать , прижималась къ ногамъ ихъ, между тѣмъ какъ другая сердито глядѣла на него, оскаля зубы. Прямо передъ ними стояла крытая телѣга, и тощій малорослый волъ спокойно отдыхалъ подлѣ нея отъ дневныхъ трудовъ. Вся эта дикая картина освѣщена была огнемъ , разложеннымъ между палаткою и телѣгою.

Прошло нѣсколько секундъ, и клещи схватившія Владиміра , все еще его не выпускали. Въ отчаяніи онъ оглянулся.... но лишь только оборотилъ голову , какъ , къ крайнему его изумленію, руки, державшія его сзади, внезапно опустились , и противникъ его , человѣкъ страшнаго вида, съ густою всклоченною бородою, палъ къ его ногамъ.

«Ваше Благородіе!» вскричалъ онъ : «Изви-

finish
ните, не взыщите! Ей Богу, я не зналъ, что это вы!»

Въ одно мгновеніе вскочили обѣ женщины и подошли къ нему; въ то же время приблизился и молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, который прежде стоялъ въ тѣни, и потому не былъ имъ замѣченъ. Бородачъ между тѣмъ все еще лежалъ у ногъ Блистовскаго, и не переставалъ просить помилованія. Вскорѣ присоединились къ нему всѣ прочіе, восклицая въ одинъ голосъ:

«Извините, Ваше Благородіе! Ради Бога, не взыщите!»

Блистовской остолбенѣлъ отъ удивленія. Неожиданная перемѣна его положенія такъ его поразила, что онъ въ первую минуту не нашелся, что сказать и что дѣлать. Видя, наконецъ, что всѣ ожидаютъ его рѣшенія, онъ спросилъ:

«Чего вы отъ меня хотите? Кто вы таковы? — Встань и отвѣчай!» прибавилъ онъ,

обратясь къ тому, который лежалъ у его ногъ.

Незнакомецъ всталъ, продолжая кланяться ему въ поясъ, и не говоря ни слова.

«Кто ты таковъ?» спросилъ опять Владиміръ.

— «А вы меня не узнаете, Ваше Благородіе?» — произнесъ незнакомецъ униженно.

Блистовской посмотрѣлъ на него внимательно. Оборванный нагольный тулупъ составлялъ весь его нарядъ; включенные волосы и густая борода почти совсѣмъ скрывали лице; но черты его, сколько можно было разглядѣть ихъ, показались ему не совсѣмъ незнакомыми, хотя не могъ онъ припомнить, гдѣ ихъ видѣлъ.

«Кто ты таковъ?» повторилъ онъ еще разъ: «я тебя не знаю!»

— «Цыганскій Атáманъ, котораго вы видѣли на ярмонкѣ, Ваше Благородіе!» —

Лишь только онъ выговорилъ сіи слова, какъ Блистовской тотчасъ узналъ въ немъ того Цыгана, который на ярмонкѣ такъ настоятельно уговаривалъ его купить вороныхъ лошадей; а потомъ, какъ сказывалъ продавецъ, самъ купилъ ихъ для какого-то Пана. Но не смотря на то, что узналъ онъ въ немъ знакомаго человѣка, встрѣча эта ни мало его не успокоила; ибо разговоръ, подслушанный имъ прежде, не выходилъ у него изъ ума. Тутъ, однако, не мѣсто было съ нимъ объясняться.

«Теперь помню!» сказалъ Блистовской. «Да что ты здѣсь дѣлаешь?»

— «А ѣду съ жінкою и дѣтками на другую ярмонку, Ваше Благородіе! Да дорогою заѣхать надобно къ управителю, чтобъ заплатить оброкъ. Извините, Ваше Благородіе! Ей Богу, не узналъ васъ! Я думалъ, что это какой нибудь бѣглый солдатъ, который хочетъ украсть нашего вѣлика!» —

Блистовской не очень довѣрялъ словамъ Атамана; но видя, что ему никакого нѣтъ сред-

ства, безъ помощи его, выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находится, онъ принялъ намѣреніе скрывать свою недо-вѣрчивость.

«Далеко ли до большой дороги?» спросилъ онъ такъ хладнокровно, какъ будто ничего не опасался.

— «Версты двѣ съ небольшимъ..» —

«А тамъ до станціи сколько?»

— «Да еще будетъ версты три.» —

«Можешь ли ты меня туда проводить?»

— «Съ большимъ удовольствіемъ, Ваше Благородіе! Да какъ вы сюда зашли?» —

«Я заблудился... Но пойдѣмъ, пожалуйста, скорѣе; мнѣ нельзя терять времени.»

— «Тотчасъ, Ваше Благородіе!» —

Атаманъ сказалъ нѣсколько словъ семейству своему на Цыганскомъ языкѣ, и отправился въ путь. Женщины и молодой Цыганъ, прощаясь съ Блистовскимъ, низко кланялись и просили опять, чтобъ онъ не взыскалъ за то, что его не узнали.

Блистовской нѣсколько времени шелъ рядомъ съ Атаманомъ, и хотя былъ не боязливъ, но не могъ воздержаться отъ мысли: не ведетъ ли его Цыганъ въ такое мѣсто, гдѣ можно удобнѣе его ограбить? Разсказъ о зарѣзанномъ Васькѣ все представлялся его воображенію, и онъ отъ времени до времени крѣпче сжималъ въ рукѣ толстый сукъ поднятый имъ въ лѣсу, какъ единственное орудіе, которымъ, въ случаѣ нужды, онъ могъ бы защитить жизнь свою. Но, углубившись далѣе въ лѣсъ, онъ по неволѣ началъ сомнѣваться въ злыхъ умыслахъ своего спутника; ибо, когда взошли они на тѣсную тропинку, гдѣ два человѣка съ трудомъ могли итти рядомъ, Цыганъ, обратясь къ Блистовскому, сказалъ:

«Позвольте мнѣ итти впередъ, Ваше Благо-

родіе? Да держитесь за кушакъ мой; вамъ будетъ ловче.»

Владиміръ охотно принялъ это предложеніе, обезпечивавшее его отъ всякаго внезапнаго нападенія, и такимъ образомъ продолжали они путь до самой столбовой дороги. Онъ почти увѣренъ былъ, что Цыганъ поспѣшитъ назадъ, какъ скоро они выберутся изъ лѣсу; но и тутъ онъ ошибся съ своихъ предположеніяхъ. Вышедъ изъ гущи, Атаманъ указалъ на мелькающій вдали огонь и сказалъ:

«Вотъ тамъ станція, Ваше Благородіе! Прикажете ли проводить васъ туда?»

— «Проводи!» — отвѣчалъ Блистовской, и Цыганъ опять пустился въ путь съ явною охотою.

Дорогой, Владимиръ размышлялъ о странной противоположности между поведеніемъ Атамана относительно его, и злодѣянніемъ, учиненнымъ на-канунъ. Ему даже приходило на мысль, что онъ, можетъ быть, не дослышалъ рѣчей цыганскаго семейства или ихъ не хоро-

шо понялъ; но сколько онъ о томъ ни раздумывалъ, всѣ размышленія его оканчивались тѣмъ, что подслушанный имъ разговоръ прямо относился къ зарѣзанному человѣку. И такъ онъ рѣшился задержать Атамана, по прибытіи въ деревню; а между тѣмъ вздумалъ допросить его самъ предварительно; ибо при всемъ томъ довѣренность и спокойствіе, съ которыми Атаманъ его провожалъ, невольно поколебали его подозрѣніе. Когда уже вошли они въ деревню, Блистовской, обратясь къ нему, вдругъ сказалъ ему суровымъ голосомъ:

«Цыганъ! я знаю, что ты вчера зарѣзалъ Ваську!»

Атаманъ остановился, взглянулъ на него съ удивленіемъ, и потомъ, продолжая итти далѣе, отвѣчалъ, потупивъ взоръ: — «Правда Ваше Благородіе! Да кто вамъ сказалъ это?»

«Какъ!» вскричалъ Блистовской: «ты въ томъ не запираешься!»

— «Да въ чемъ тутъ заператься? Мнѣ и са-

мому жаль было, да дѣлать нѣчего! Надобно было заплатить оброкъ: управитель нашъ такой строгой! Бѣдный Васька! Если бъ я зналъ напередъ, что мнѣ такъ мало дадутъ за его шкуру, такъ быть бы ему и теперь еще въ живыхъ! —»

Владиміръ тутъ только догадался, что зарѣзанный Васька долженъ быть не кто иной, какъ козелъ, и онъ внутренно устыдился своего подозрѣнія. Не желая однако выказать свою ошибку, онъ продолжалъ разговоръ:

«Да зачѣмъ же ты не продалъ его живаго?»

— «А вотъ, видите, Ваше Благородіе! Я водилъ Ваську на базаръ, да никто его не покупалъ, потому, что онъ былъ старъ. Онъ жилъ у насъ лѣтъ пятнадцать! Почти ровесникъ сыну моему, котораго вы видѣли въ лѣсу, Ваше Благородіе! Онъ же ему и тезка былъ: вѣдь и сына моего зовутъ Ваською! Да, правда, и меня зовутъ Васильемъ...» —

«Какъ же мнѣ слышалось, что сына твоего не такъ называли? Кажется, Шаро или Жаро»...

— Дшаррò, Ваше Благородіе! Это по нашему значить сынъ, или сынокъ. Такъ вотъ, видите ли: я привелъ Ваську назадъ, жаль мнѣ его было, да нѣчего дѣлать! Мы и разсудили, что лучше его зарѣзать: шкуру продать особо, а мясо-то намъ самимъ пригодилося бы! У меня такъ сердце и защемило, когда я взялъ въ руки ножъ, а Джаррò мой зарюмилъ хуже ребенка! Вѣдь, почитай, выросли вмѣстѣ, Ваше Благородіе! Ну дѣло сдѣлано, поправить его нельзя! Шкуру я продалъ, а до мяса никто изъ насъ и дотронуться не хотѣлъ! Мы зарыли его въ лѣсу, чтобъ не съѣли волки, а Васька мой и теперь о немъ еще плачетъ. Правду сказать, Ваше Благородіе, онъ и не похожъ на настоящаго Цыгана; какъ пожилъ нѣсколько годовъ на панскомъ дворѣ форейторомъ, такъ совсѣмъ изнѣжился, и ни на что не годится! Мнѣ, правда, больно не хотѣлось его туда отдавать, да вѣдь не наша воля, воля панская! —

«А чьи вы?» спросилъ Блистовской.

— «Дюндика, Ваше Благородіе, Клима Сидоровича, — вотъ того Пана, съ которымъ я видѣлъ васъ на ярмонкѣ...» —

«Скажи, пожалуй,» прервалъ его Владиміръ: «для кого ты купилъ вороныхъ лошадей, которыхъ я торговалъ?»

— «Да для него же, Ваше Благородіе, для Клима Сидоровича. Гнѣдыя-то лошади тоже вѣдь его были; кони старые, разбитые; мнѣ никакъ не удалось ихъ продать! А вороные-то ему тотчасъ понравились: только что ихъ увидѣлъ и мигнулъ мнѣ; — а я вѣдь его понимаю! Мнѣ, славу Богу, такія дѣла не въ первые! Ну, этотъ разъ грѣшно на него жаловаться! За то, что я купилъ ему лошадей дешево, онъ отпустилъ моего Ваську: ужъ я давно его о томъ просилъ... да куды! бывало и приступу нѣтъ! Баринъ строгій! азардный! Не дай Богъ, на примѣръ, не заплатитъ обрѣка въ положенный срокъ! бѣда, Ваше Благородіе! — »

Между разговорами этими, они дошли до станціи, и Блистовской, желая чѣмъ нибудь за-

гладить неосновательное подозрѣніе свое на Цыгана Василья, подарилъ ему, при прощаньѣ, двадцати-пяти-рублевую асигнацію.

Атаманъ долго не могъ опомниться отъ радости: «Дай Богъ вамъ счастья, Ваше Благородіе!» вскрикнулъ онъ. «Вѣчно радъ служить вамъ; что хотите прикажите, все исполню! Ахъ, зачѣмъ Богъ не привелъ васъ вчерась, Ваше Благородіе! Мой бѣдный Васька теперь былъ бы еще живъ!»

ГЛАВА XI.

ПРИМИРЕНИЕ.

Разсказавъ читателямъ о сношеніяхъ, существовавшихъ за годъ передъ тѣмъ, между Владиміромъ и опекуномъ Анюты, возвратимся къ жениху нашему, скачущему, въ перекладной телѣгѣ по большой Полтавской дорогѣ.

Въ продолженіе сего путешествія, Владиміръ неоднократно приводилъ себѣ на память всѣ обстоятельства знакомства своего съ Дюндикомъ, и воспоминанія эти не мало его безпокоили: могъ ли онъ ожидать себѣ ласковаго пріема отъ опекуна? Онъ разрушилъ пріятное

заблужденіе всего семейства относительно познаній барышень, и потомъ публично изобличилъ шалуна-племянника: это были такія преступленія въ глазахъ Марѣы Петровны, что Блистовской никакъ не могъ надѣяться на ея снисходительность, а тѣмъ менѣе ожидать совершеннаго прощенія и хорошаго пріема. И потому онъ готовился къ непріятностямъ всякаго рода; воображеніе его представляло ему живо сверкающіе отъ гнѣва глаза Марѣы Петровны, сердитые взгляды барышень и лживую улыбку Клима Сидоровича. При всемъ томъ, онъ не терялъ надежды преодолѣть всѣ затрудненія. Имѣя слово Аняты и согласіе тетушки, онъ не предполагалъ, чтобы власть Клима Сидоровича, какъ опекуна, могла воспрепятствовать его браку, — и однако жъ, не смотря на то, онъ съ нѣкоторымъ содроганіемъ помышлялъ о непріятностяхъ, его ожидавшихъ. Но что значили всѣ эти непріятности въ сравненіи съ тѣмъ блаженствомъ, котораго онъ достигнуть надѣялся! «Каковъ бы ни былъ пріемъ Дюндиковыхъ, сколь бы ни была велика ихъ ненависть» — думалъ онъ въ утѣшеніе себѣ — «но вѣдь все это должно же кончиться согласіемъ

опекуна. Какое право имѣеть онъ противиться браку нашему безъ важныхъ причинъ? А такихъ причинъ, славу Богу, нѣтъ вѣдь, да и быть не можетъ.» —

Таковы были размышленія Владиміра, когда вѣхалъ онъ въ селеніе, гдѣ имѣлъ жительство Климъ Сидоровичъ. Онъ остановился на станціи, и приказавъ не откладывать телѣги, спѣшилъ переодѣться, чтобъ явиться къ дамамъ въ приличномъ видѣ. Тогда былъ часъ седьмой вечера, и Марѳа Петровна, откушавъ чай, стояла съ дочерьми на крыльцѣ, и ожидала Клина Сидоровича, чтобы вмѣстѣ итти прогуляться по деревнѣ. Еще издали увидѣли онѣ телѣгу, и, по направленію ея, заключили, что она ѣдетъ къ нимъ на дворъ. Взоры ихъ устремились въ ту сторону съ любопытствомъ.

«Это долженъ быть Секретарь Повѣтоваго Суда или Коммиссаръ» — сказала Марѳа Петровна.

— «Нѣтъ, матушка,» — замѣтила Софья: — на немъ вѣдь военная шинель.» —

«А будто ты не знаешь, что они всѣ любятъ наряжаться по военному.»

— «Матушка!» — вскричала вдругъ Вѣра Климовна: — «это, кажется, Блистовской!» —

«Вотъ тебѣ на!» подхватила Марѳа Петровна съ язвительною усмѣшкою: «ужъ пора бы тебѣ забыть о немъ! Ну зачѣмъ его принесетъ сюда нелегкая?»

— «Матушка! это точно Блистовской! ей Богу, Блистовской! Я узнала его усы и бакенбарты! Матушка! можетъ быть онъ пріѣхалъ за мною...» —

«Молчи! что за дурь тебѣ въ голову лѣзетъ...»

Марѳа Петровна не могла продолжать рѣчь свою, ибо въ это время телѣга взѣхала на дворъ, и всѣ, къ крайнему удивленію, увидѣли, что Вѣра не ошиблась въ своей догадкѣ.

Когда Блистовской соскочилъ съ телѣги и

взошелъ на крыльцо, Марѳа Петровна еще не опомнилась отъ своего удивленія, и не придумала, какъ принять неожиданнаго гостя. Она стояла, какъ вкопанная, вытаращивъ глаза, съ полуоткрытымъ ртомъ. Ей хотѣлось что-то сказать, но языкъ не поворачивался. Сердце ея кипѣло злобою противъ Блистовскаго, и, въ другое время, она бы знала, какъ его встрѣтить; но немногія слова, сказанныя Вѣрою о причинѣ его пріѣзда, подѣйствовали на нее, какъ электрическій ударъ, и она онѣмѣла отъ недоумѣнія.

Владиміръ, между тѣмъ, снявъ фуражку, подошелъ къ ручкѣ, спросилъ о здоровьѣ и освѣдомился о Климѣ Сидоровичѣ. «Онъ тотчасъ будетъ» — сказала Марѳа Петровна, пришедъ наконецъ въ себя. «Софья! посмотри, что дѣлаетъ отецъ! Не угодно ли пожаловать въ комнату, Владиміръ Александровичъ?»

Софья Климовна хотѣла идти за отцемъ, но Вѣра ее предупредила. При видѣ Блистовскаго, она покраснѣлась, и сердце въ ней забилося такъ сильно, что смущеніе ея очевидно было для cadaго. Съ одной стороны, ей очень хо-

тѣлось остаться тутъ; съ другой, надобно же было приуготовить батюшку, чтобъ онъ прила-скалъ пріѣзжаго.

Въ продолженіе того времени, какъ Блистовской входилъ въ комнату, Марѳа Петровна успѣла совершенно опомниться и приняла веселый видъ. Сколь она ни была разгнѣвана на гостя своего, но мысль, внушенная ей восклицаніемъ Вѣры, казалась довольно основательною и заслуживала всякое вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было пріѣзжать къ нимъ Блистовскому, если бъ не имѣлъ онъ видовъ на Вѣру? —

Лишь только они усѣлись на софѣ, какъ вошелъ и Климъ Сидоровичъ. Вѣра не только успѣла увѣдомить его, что пріѣхалъ Блистовской, но и сообщила ему, на-скоро, свои догадки на счетъ этого пріѣзда; а Дюндикъ, какъ человѣкъ смѣтливый, самъ дополнилъ то, чего она не досказала. Бросивъ, при входѣ, бѣглый взоръ на жену свою, и увидѣвъ изъ ея лица, что гнѣвъ ея смягчился, онъ обыкновенную улыбку свою настроилъ, сколько можно,

еще ласковѣе, и подошелъ къ Блистовскому съ распростертыми объятіями! —

«Какая неожиданная радость!» вскричалъ онъ. «Не даромъ у меня сегодня цѣлое утро чесался носъ! Я тотчасъ сказалъ, что будетъ къ намъ дорогой гость! Ну, добро пожаловать, Владиміръ Александровичъ! А мы думали, что вы насъ совсѣмъ забыли. Легко ли! цѣлый годъ мы не видались.»

— У меня есть до васъ дѣло, Климъ Сидоровичъ! —

«Дѣло? Очень радъ! ха, ха, ха! Очень радъ имѣть съ вами дѣло. А чѣмъ могу служить вамъ, если смѣю спросить?»

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами на-единѣ. —

«Ба! да видно у васъ секреты!»...

— Нѣтъ, не секреты. Если вамъ угодно, я сей часъ же вамъ объясню все... —

Сколь ни было непріятно Блистовскому говорить при Марѣ Петровнѣ и барышняхъ, но онъ на то рѣшился, чтобъ скорѣе избавиться отъ мучительнаго положенія, въ которомъ онъ находился. Климъ Сидоровичъ однако не допустилъ его до того. Онъ не имѣлъ никакого сомнѣнія на счетъ дѣла, о которомъ хотѣлъ съ нимъ говорить Владиміръ: могъ ли разговоръ его касаться чего нибудь другаго, кромѣ Вѣры? Но что ему отвѣчать въ такомъ случаѣ? Не успѣвъ переговорить напередъ съ своею супругою, и не спросивъ ея приказаній, онъ не смѣлъ допустить Блистовскаго до объясненій, и потому, опять громко захохотавъ, сказалъ:

«Знаете ли что, Владиміръ Александровичъ? О дѣлахъ говорить надобно уже отдохнувши отъ дороги. Вѣдь вы у насъ переночуете?»

Блистовской поклонился.

«Ну, такъ о дѣлѣ-то мы можемъ поговорить и завтра. Я прикажу внести въ домъ всѣ вещи ваши изъ коляски.»

— «Владиміръ Александровичъ пріѣхалъ въ телѣгѣ, батюшка» — сказала Вѣра Климовна.

«Въ телѣгѣ? ха, ха, ха! Ну, такъ велю вынести все изъ телѣги.»

Климъ Сидоровичъ вышелъ въ переднюю, и въ скоромъ времени чемоданъ, оставленный Блистовскимъ на станціи, перенесенъ былъ въ домъ. «Ужъ видно, что влюбленъ по уши!» подумалъ Климъ Сидоровичъ. «Дожидался цѣлый годъ, да знать пришлось ему не въ терпѣжъ! А то кто бы ему велѣлъ скакать на перекладныхъ!»

Между тѣмъ Марѳа Петровна продолжала разговаривать съ Владиміромъ. Почтительный его видъ и учтивости, которыя считалъ онъ себя обязаннымъ говорить женѣ опекуна Анюты, болѣе и болѣе утверждали ее въ мнѣніи, что онъ пріѣхалъ свататься на Вѣрѣ, и она ежеминутно становилась ласковѣе. Гнѣвъ ея на Блистовскаго, за Французскій языкъ и за племянника, казался ослабѣвающимъ и, по крайней мѣрѣ на время, уступалъ мѣсто пред-

положеніямъ и расчетамъ, относившимся до предстоявшаго сватовства. Что касается до Вѣры, то всѣ непріятныя воспоминанія прошлаго года исчезли при первомъ взглядѣ на Блистовскаго; и Софья также умилоствовала, видя, что всѣ другіе забыли прошедшее.

Владиміру, не подозрѣвавшему и въ прошломъ году непремѣннаго намѣренія Дюндиковыхъ выдать за него дочь свою, теперь тѣмъ менѣе приходило въ голову, чтобы пріѣздъ его приписывали любви къ Вѣрѣ. Онъ еще не имѣлъ случая замѣтить, что въ иныхъ домахъ каждый взглядъ, брошенный на молодую дѣвушку, считаютъ признакомъ любви, — каждое учтивое слово, ей сказанное, принимаютъ за любовное объясненіе, за которымъ ожидаютъ немедленно сватовства. По этимъ правиламъ, которыхъ придерживались и Дюндиковы, не могло быть для нихъ никакого сомнѣнія въ намѣреніяхъ Блистовскаго. Что онъ въ прошломъ году былъ влюбленъ въ Вѣру, это уже они считали совершенно доказаннымъ. Что онъ уѣхалъ изъ Роменъ не простившись, это также было очень натурально: онъ стыдился по-

казаться имъ на глаза послѣ того, что здѣлалъ съ Прыжковымъ. Что потомъ цѣлый годъ о немъ не было никакого слуху, — ну... это, вѣроятно, происходило отъ того, что онъ старался превозмочь свою страсть. А что онъ не въ силахъ былъ ее превозмочь, тому служилъ явнымъ доказательствомъ теперешній его пріѣздъ, на перекладныхъ, и желаніе объясниться съ Климомъ Сидоровичемъ на-единѣ! И какъ онъ былъ учтивъ, какъ былъ ласковъ! На лицѣ его и во всѣхъ пріемахъ изображалась какая-то боязливость, какое-то уныніе... «Бѣдненькой!» думала Вѣра: «какъ бы онъ развеселился, когда бы зналъ, что я знаю!»

Владиміръ между тѣмъ, занятъ былъ одною мыслію объ Аниутѣ. Видя неожиданно ласковый пріемъ Дюндиковыхъ, онъ благодарилъ судьбу за то, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ на счетъ ихъ, и самого себя винилъ, что судилъ о нихъ такъ несправедливо. «Вотъ какъ легко ошибиться можно въ людяхъ!» думалъ онъ: «Марѳа Петровна совсѣмъ не такова, какою я считалъ ее. Она посердилась на меня за Французскій языкъ и за племянника: это

и не удивительно! Что касается до Клима Сидоровича, то двуличный поступокъ его, относительно покупки лошадей на ярмонкѣ, конечно не очень благороденъ; да впрочемъ, Богъ съ нимъ! я охотно простилъ бы ему и не то.»—

Такимъ образомъ въ этотъ вечеръ всѣ были довольны другъ другомъ, и когда послѣ ужина разстались, каждый оставался въ надеждѣ, что завтрашняя развязка удовлетворитъ ожиданію всѣхъ.

Климъ Сидоровичъ самъ проводилъ Владимира въ назначенный ему флигель, и удостоившись лично, что все въ надлежащемъ порядкѣ, возвратился къ Марѣ Петровнѣ, ожидавшей его съ нетерпѣніемъ вмѣстѣ съ барышнями.

«Ну,» сказалъ онъ, войдя къ нимъ въ комнату: «слава Богу! уложилъ его спать; все въ порядкѣ! Прекрасный молодой человекъ, этотъ Блистовской!»

— «Да приказали ль вы, чтобъ стукачъ не

Соч. Погор. Т. I.

ходилъ у него подъ окошками эту ночь?» — сказала Марѳа Петровна. — «Спросили ль вы, что онъ кушаетъ по утрамъ: чай, или кофе?» —

— «Да надобно-бы приказать, батюшка» — подхватила Вѣра, — «чтобъ султана привязали гдѣ нибудь подалѣе. Онъ такъ громко лаетъ, а Блистовской, я чай, усталъ отъ дороги. Шутка ли» — продолжала она съ довольнымъ видомъ: — «скакать на перекладныхъ! —

«Все здѣлано, все приказано!» отвѣчалъ Дюндикъ. «Ну,» прибавилъ онъ, обратясь къ женѣ своей: «не говорилъ ли я вамъ, что Вѣръ нашей быть за Блистовскимъ?»

— «Какъ же! Ужъ ты всегда все напередъ знаешь, мой батюшка! Только и свѣту, что въ твои окошки. Я и сама знала, что этимъ когда нибудь да кончится.» —

«А вы жъ говорили, что никогда этому не бывать!»

— «Хорошо, хорошо! Мало ли что говорятъ

на свѣтъ! Да теперь дѣло не въ томъ; а мнѣ вотъ что пришло въ голову: вѣдь они съ Прыжковымъ-то не очень ладятъ. Счастье, что поѣхалъ онъ въ хуторъ на охоту, а то, если бѣ они здѣсь вдругъ столкнулись, такъ бытъ бы бѣдѣ! Когда онъ хотѣлъ воротиться, Вѣра?» —

«Да завтра ввечеру, матушка.»

— «Ну вотъ, видишь-ли? А Блистовской теперь, вѣрно, долго у насъ проживетъ. Какъ бы это сдѣлать?» —

«Правда!» сказалъ Климъ Сидоровичъ: «объ этомъ надобно подумать.»

— «Вотъ то-то и есть! Кабы не я, такъ никому бы и въ голову это не пришло!» —

«Что жѣ намъ дѣлать?» замѣтила испуганная Вѣра.

— «А вотъ что, Климъ Сидоровичъ напишите-ка вы къ Прыжкову, что я его прошу,

чтобъ онъ сюда не пріѣзжалъ ни подъ какимъ видомъ до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ знать. Да напишите, что Блистовской пріѣхалъ свататься на Вѣрѣ, что дѣло почти уже слажено! Слышители? Вѣдь онъ не дуракъ: пойметъ, что это не шутка.» —

«Тотчасъ напишу, Марѳа Петровна!»

— «Позвольте лучше написать мнѣ!» — подхватила Вѣра.

— «Вотъ это и того лучше! Напиши же ты: ты умнѣе отца. — Да прикажи, чтобъ поѣхалъ ктонибудь верхомъ; да чтобъ отыскали его непременно. Если нѣтъ на хуторѣ, такъ, можетъ быть, у когонибудь въ сосѣдствѣ. Да чтобъ его разбудили непременно! Слышишь ли, Вѣра?» —

«Слушаю, матушка!»

Вѣра поспѣшила исполнить приказаніе матери, а Климъ Сидоровичъ съ супругою остались разговаривать о завтрашнемъ днѣ.

— Послушай! — сказала Марѳа Петровна: ты самъ не напоминай ему, что онъ съ тобою говорить хотѣлъ; пускай онъ начнетъ о томъ первый. —

«Статочное ли дѣло, матушка, чтобъ я ему напомнилъ! Не бойтесь, онъ вѣрно самъ начнетъ.»

— То-то; не надобно ему показывать, что мы этого желаемъ! Когда онъ тебя просить будетъ отдать за него Вѣру, скажи, что тебѣ надобно посовѣтоваться со мною; что самъ собою ты ничего рѣшить не можешь; что ты не знаешь еще, согласна ли Вѣра... Ужъ самъ придумывай, какъ лучше! Вѣдь меня съ тобою не будетъ, такъ смотри же, не проврись! —

«Не таковской, матушка!»

— То-то. Признаюсь, я все таки терпѣть его не могу! Никогда не прощу ему, что онъ, прошлаго года, такъ умничалъ. Ну!.. дай-ка ему только жениться на Вѣрѣ! Ужъ я научу

ее, какъ съ нимъ жить! Ужъ мы примемъ его въ руки! —

«Мнѣ кажется, Марѳа Петровна, лучше забыть про старое.»

— Забыть! вскричала Марѳа Петровна: да я еще съ роду ничего не забывала. Забыть! Вотъ прекрасно! Что жъ! У меня отъ старости память ослабѣла, что ли? Господи, помилуй меня грѣшную! Да кто мнѣ велитъ забывать? —

«Что за польза» — возразилъ смиренно Климъ Сидоровичъ — «если они не будутъ жить въ ладахъ? Богъ съ ними! Что намъ мѣшаться въ ихъ житье?»

— Ахъ ты..! — отвѣчала супруга его, взглянувъ на него съ презрѣніемъ — Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать!.. Ужъ вѣрно я лучше тебя знаю, какъ поступать съ мужьями! Что! мы развѣ не ладно живемъ другъ съ другомъ? а? —

«Ладно, матушка! очень ладно! Я только думалъ....»

— Подумай-ка лучше о томъ, чтобъ завтра все было въ порядкѣ! —

Нѣжные супруги легли спать, и вскорѣ въ цѣломъ домѣ водворилась глубокая тишина, хотя не всѣ наслаждались сномъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Блистовской. «Завтра» — думалъ онъ: — «рѣшится моя участь! Тотчасъ послѣ объясненія съ Климомъ Сидоровичемъ, поскачу назадъ въ Барвеново, и дня черезъ два опять буду съ Анютою! дай Богъ, чтобъ скорѣе настало утро!...»

Утро почти уже настало, когда онъ заснулъ.

=

ГЛАВА XII.

Н Е У Д А Ч А.

На другой день, лишь только Владиміръ раскрылъ глаза, явился къ нему посланный отъ Клина Сидоровича съ поклономъ и спросомъ: угодно ли ему кушать чай у себя, или у барыни, которая уже встала. Владиміръ отвѣчалъ, что тотчасъ будетъ.

Барышни были въ полномъ нарядѣ, а на лицѣ Марѣы Петровны опять игралъ живой румянецъ, подобно какъ прошлаго года въ Ромнахъ. Вчера, когда Владиміръ пріѣхалъ такъ нечаянно, Марѣа Петровна была блѣдна,

и онъ, вспомнивъ эту блѣдность лица ея, когда уже ложился спать, пенялъ самому себѣ, что не изъявилъ сердечнаго участія своего на счетъ ея здоровья. — Увидѣвъ же ее, поутру, въ полномъ блескѣ прошлогодней красоты, онъ поспѣшилъ загладить вчерашнюю свою ошибку.

«Вы вчера не очень были здоровы, сударыня?» сказалъ онъ.

— Вчерась? Нѣтъ, я, слава Богу, была здорова. Кто вамъ это сказалъ? —

«Да я это думалъ потому, что вы такъ были блѣдны...»

Марѳа Петровна бросила на него знакомый ему сердитый взглядъ, барышни потупили глаза, а Климъ Сидоровичъ закашлялъ и понюхалъ табаку. Блистовской тутъ только догадался, что Марѳа Петровна была нарумянена: онъ тоже не много смѣшался; но уже поздно было поправить свою недогадливость. Обиженная красавица, принявъ вопросъ Блистовскаго за

насмѣшку, не могла скрыть своего негодованія, и мысленно дала себѣ слово, отплатить ему и за эту обиду, когда онъ сдѣлается ея зятемъ. Разговоръ между ими продолжался самый скучный, не смотря на то, что Блистовской всячески старался развеселить всѣхъ, разсказами о Петербургѣ и о прочемъ.

Передъ самымъ концемъ завтрака послышался звонъ колокольчика отъ ѣдущей повозки. Софья подбѣжала къ окошку, и въ ту же минуту возвратилась съ разстроеннымъ видомъ. «Это онъ!» сказала она въ полголоса, — и Вѣра, тотчасъ понявшая, о комъ говоритъ сестра ея, поспѣшно вскочила со стула и выбѣжала въ сѣни, чтобъ предупредить всякую непріятную встрѣчу.

«Поздравляю, *chère cousine*!» вскричалъ Прыжковъ, увидѣвъ ее: «что, дѣло кончено? Сговоръ былъ? Вы видите, что я самъ пріѣхалъ васъ поздравить.»

— Ради Бога! — отвѣчала Вѣра: — развѣ вы не получили моего письма! —

«Какъ не получить! За тѣмъ-то я и пріѣхалъ!»

— Да вѣдь мы просили васъ не являться до тѣхъ поръ, пока вамъ дадутъ знать! Пожалуйста, поѣзжайте назадъ. Кстати ли теперь заводить ссоры! —

«Какія ссоры? За сумасшедшаго вы меня принимаете, что ли? Зачѣмъ я буду ссориться съ будущимъ кузеномъ?»

— Да вы сказывали, что если когда нибудь съ нимъ встрѣтитесь...» —

«Ба! мало ли что говорится! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Да скажите, конечно ли дѣло?»

— Побожитесь прежде, что не будете съ нимъ ссориться! —

«Ей Богу и не думаю о томъ! Говорите же, можно ли мнѣ будетъ поздравить его женихомъ?»

— Нѣтъ, ради Бога, не поздравляйте! Онъ еще не сватался формально, а только просилъ у батюшки позволенія поговорить съ нимъ наединѣ! —

Въ продолженіе этого разговора, перестали пить чай. Блистовской приблизился къ окну, и увидѣлъ на дворѣ небольшую открытую коляску, заложенную четверней. Онъ спросилъ, кто пріѣхалъ?—но всѣ увѣряли, что не знаютъ.

Немного погодя отворилась дверь и вошелъ съ веселымъ лицомъ — Прыжковъ. Онъ сначала показалъ видъ, что не замѣчаетъ гостя, поцѣловалъ у своей тетушки ручку, поздравствовался съ прочими, и потомъ, обратясь къ Владиміру и, какъ будто только что узнавъ его, вскричалъ, подходя къ нему съ распростертыми руками:

« Ба! да это Владиміръ Александровичъ! какъ радъ, что васъ вижу! Давно ли изволили пріѣхать въ нашъ край?»

Блистовской отступилъ не много назадъ, взглянулъ на него съ удивленіемъ, и отвѣчалъ ему въ полголоса:

«Вы, милостивый государь, забыли, что прошлаго года собирались со мною разсчитаться!»

— Полно-те, полно-те, Владиміръ Александровичъ! Къ чему припоминать давно прошедшее! Я васъ душевно люблю и почитаю...—

«Такъ же, какъ почтенную бабушку вашу?..»

— А вы не забыли о покойницѣ? Теперь ее ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Да полно-те сердиться! Кажется, я болѣе васъ имѣлъ бы на то причинъ, а не сержусь! Спросите у тетушки, спросите у кузинъ, съ какимъ уваженіемъ я всегда объ васъ отзывался? —

«Это правда!» подхватила Марѳа Петровна.
«У него сердце такое доброе!»

Прыжковъ все стоялъ передъ Блистовскимъ

Соч. Погор. Т. I.

съ протянутой рукой; а барышни, особливо Вѣра, смотрѣли на него такъ умильно, что Владиміръ наконецъ, вспомнивъ причины, заставлявшія его щадить Дюндиковыхъ, подалъ руку Прыжкову. Но въ самое то время, какъ будто жалѣя объ этомъ, онъ отступилъ отъ него и, обратясь къ Климу Сидоровичу, напомнилъ ему, что пора поговорить о дѣлѣ.

«Сію минуту, почтеннѣйшій!» отвѣчалъ Дюндикъ: «я совершенно къ вашимъ услугамъ.»

Онъ взялъ Владиміра за руку, и оба отправились въ отдаленный покой.

Лишь только они вышли, какъ Марѳа Петровна сказала своему племяннику съ видомъ удивленія: «Ну, мой батюшка! я очень рада, что у васъ дѣло такъ обошлось; но, признаться, не ожидала этого отъ тебя!»

— Э, тетушка! Обстоятельства все на свѣтѣ перемѣняются! Кстати ли мнѣ было ссориться съ вашимъ зятемъ! —

Въ самомъ дѣлѣ, Прыжковъ давно уже потерялъ охоту драться съ Владиміромъ. Во время нахожденія его около двухъ мѣсяцевъ подъ арестомъ, жаръ въ немъ совсѣмъ простылъ, и потому, когда послѣ ареста онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то не только не старался отыскать Блистовскаго, но боялся съ нимъ встрѣтиться, хотя въ душѣ его все еще таились злоба и мщеніе. Спустя нѣсколько времени, бабушка его скончалась, вѣроятно, отъ послѣдствій сыгранной надъ нею шутки; а какъ она не успѣла передъ смертію переимѣнить завѣщанія своего, то онъ наслѣдовалъ ея имѣніе, вышелъ въ отставку и поселился въ Малороссіи, въ сосѣдствѣ Дюндиковыхъ. Поспѣшность, съ которою онъ выѣхалъ изъ Петербурга, происходила частію отъ желанія его, удалиться отъ мѣстопробыванія Блистовскаго, и даже, когда онъ жилъ въ своей деревнѣ, его иногда подиралъ по кожѣ морозъ, при мысли, что онъ можетъ какъ нибудь съ нимъ встрѣтиться. Получивъ письмо отъ Вѣры, которымъ извѣщали его о пріѣздѣ Владиміра, онъ случай этотъ почелъ самымъ благопріятнымъ для примиренія, и вотъ почему поспѣшилъ въ домъ

своей тетки, вмѣсто того, чтобъ, по желанію ея, остаться на хуторѣ.

Дюндикъ, между тѣмъ, привелъ Блистовскаго въ комнату, назначенную для выслушанія его предложенія, заперъ за собою дверь и, посадивъ его подлѣ себя на кресла, ожидалъ, потирая руки, что онъ ему скажетъ.

«Климъ Сидоровичъ!» началъ Владиміръ:— «въ прошломъ году, когда имѣлъ я честь познакомиться съ вами въ Ромнахъ, я никакъ не предвидѣлъ, что отъ васъ зависѣть будетъ рѣшеніе моей участи...»

— Да, да! — отвѣчалъ съ довольнымъ видомъ Дюндикъ — этого предвидѣть никогда не можно! —

«Позвольте мнѣ надѣяться, Климъ Сидоровичъ, что неудовольствія, которыя по неволѣ я нанесъ семейству вашему, не оставили никакого невыгоднаго на мой счетъ мнѣнія!»

— Помилуйте, Владиміръ Александровичъ!

Божусь вамъ истиннымъ Богомъ , что я съ своей стороны радъ сдѣлать все , что вамъ угодно; но между нами будь сказано, моя Марѳа Петровна... —

«Да мое дѣло до Марѳы Петровны вовсе не касается...»

— Ну, этого не говорите! Конечно, я всегда главное лицо , но вѣдь и она имѣетъ право сказать словечко! Впрочемъ — продолжалъ онъ , нашептывая ему на ухо — скажу вамъ откровенно, только чуръ! меня не выдавайте! И Марѳа Петровна внутренно согласна! —

«Согласна!» вскричалъ Владиміръ съ удивленіемъ. «Да почему вы знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ?»

— Ха, ха, ха! Почему я знаю! Вѣдь мы люди не совсѣмъ простые; ха, ха, ха! Даромъ, что мы не бывали въ Петербургѣ, Владиміръ Александровичъ! —

«Если такъ , то позвольте принести вамъ

чувствительнѣйшую мою благодарность! Я и самъ полагалъ, что вы не можете имѣть никакихъ причинъ отказать мнѣ въ рукѣ Анны...»

— Анны! — прервалъ его торопливо Климъ Сидоровичъ — вы хотите сказать Вѣры? —

«Нѣтъ, я говорю объ Аннѣ Трофимовнѣ...»

— Объ какой Аннѣ Трофимовнѣ? — вскричалъ Дюндикъ, вскочивъ съ креселъ.

«Объ Аннѣ Трофимовнѣ Орленковой.»

— Позвольте... — сказалъ Климъ Сидоровичъ въ крайнемъ замѣшательствѣ. — Да какъ же это... гдѣ вы ее видѣли, гдѣ съ нею познакомились? —

«У тетки ея, Анны Андреевны Лосенковой. Вотъ отъ нея письмо къ вамъ.»

— Анна Трофимовна Орленкова! Да она развѣ не въ Петербургѣ? —

« Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ живетъ она у тетки своей, гдѣ и познакомился я съ нею.»

— О, такъ позвольте; это дѣло другое! Я ея опекунъ: покойный Трофимъ Алексѣевичъ ввѣрилъ мнѣ ее на смертномъ одрѣ. Я долженъ отвѣчать за нее Богу... —

« Какъ же вы, нѣсколько минутъ тому назадъ, сами сказали, что согласны?»

— Я это сказалъ? Такъ у меня совсѣмъ другое было на умѣ! Нѣтъ, позвольте мнѣ подумать... я... я теперь никакъ согласиться не могу! —

«Климъ Сидоровичъ!» вскричалъ Блистовской, начиная терять терпѣніе. «Мнѣ кажется, что шутки тутъ не у мѣста...»

— Какія шутки!—отвѣчалъ Дюндикъ, подвигаясь къ дверямъ, въ явномъ смущеніи. — Дѣло это не шуточное! Мнѣ непременно надобно посовѣтоваться, подумать.... —

Выговоривъ слова сіи, онъ поспѣшно отворилъ дверь, и съ размаху ударилъ въ лобъ Марѳу Петровну, подслушивавшую ихъ разговоръ.

«Ахъ ты, проклятый!» закричала Марѳа Петровна, отлетѣвъ на нѣсколько шаговъ назадъ и весьма небрежно упавъ на полъ. Она такъ сильно ушиблась, что въ первыя минуты сама не могла подняться на ноги. Дюндикъ и Блистовской бросились къ ней на помощь; но она, въ бѣшенствѣ отъ стыда и боли, не хотѣла ихъ допустить къ себѣ, и толкаясь руками и ногами, продолжала кричать во все горло. Нарядный чепецъ ея спалъ у нея съ головы. Длинные, черные волосы развѣвались около нея, какъ змѣи около Фуріи, и большой красный волдырь на открытомъ лбу свидѣтельствовалъ, что толчокъ, ею полученный, былъ не изъ числа легкихъ.

На крикъ ея сбѣжались барышни, Прыжковъ и слуги; съ трудомъ они ее подняли. Но лишь только почувствовала она, что стоитъ на ногахъ, какъ опять принялась бранить бѣдна-

го мужа, который съ поникшею головою, блѣдный и остоленѣлый, не смѣлъ даже ничего сказать въ свое извиненіе.

«Ахъ, ты негодный!» — кричала она всхлипывая и задыхаясь! — «Ахъ, ты неучъ! Ужъ говорю я, что прійдется мнѣ умереть отъ твоихъ рукъ. Эдакой медвѣдь!»

— Матушка! — отвѣчалъ Климъ Сидоровичъ съ покорностію: — вѣдь я не виновать... —

«А кто же виновать? Я, что ли? Развѣ ты не могъ отворить двери тихонько? Развѣ не могъ напередъ покашлять?»

— Я бы охотно покашлялъ, матушка, да какъ мнѣ знать, что ты за дверьми? Зачѣмъ ты не сказала мнѣ прежде?.... —

«Вотъ тебѣ на! Зачѣмъ не сказала прежде! А у тебя самого развѣ нѣтъ догадки? На что тебѣ Богъ далъ умъ? — Да, правда, у тебя никогда его и не бывало!»

— Извини, матушка! Ей Богу, не нарочно! Вотъ Владиміръ Александровичъ свидѣтель...—

«Ну, ужъ!... хорошъ твой Владиміръ Александровичъ! Вѣра! води меня въ спальню: я сама итти не могу; да скажи отцу, чтобъ шелъ за нами!»

Вѣра Климовна, ни слова не говоря, взяла матушку подъ руку и отправилась съ нею въ спальню. За ними поплелся и Климъ Сидоровичъ, какъ приговоренный къ смерти. Немного погодя, вышелъ изъ комнаты Прыжковъ, а потомъ пришли позвать къ матушкѣ и Софью Климовну. Владиміръ остался, не зная, что ему начать въ таковыхъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ Марѳа Петровна, прибывъ въ спальню, тотчасъ легла въ постель, и велѣла примачивать себѣ лобъ холоднымъ уксусомъ. Климъ Сидоровичъ и Вѣра не смѣли прерывать молчанія, и ожидали, пока позволено имъ будетъ говорить. Наконецъ, когда боль Марѳы Петровны поутихала, она обратилась къ мужу, и сказала сердитымъ голосомъ:

«Ну, мой батюшка! Хорошъ же и Блистовской твой! Что теперь скажешь?»

— Матушка! — замѣтила робко Вѣра — да Блистовской, кажется, въ этомъ совсѣмъ не виновать! —

«Не виновать! Спроси-ка у отца, о чемъ они съ нимъ разговаривали! Вѣдь ты, я чай, думаешь, что онъ сватался на тебѣ!»

«А на комъ же, матушка? Неужъ-то на Софьѣ?» —

«Какъ бы не такъ! Еще бы на Софьѣ! А то на глупой этой дѣвчонкѣ — на Орленковой! Смотри, пожалуй; ну ей ли имѣть такого жениха! Да никогда этому не бывать! Скорѣе умру, чѣмъ допущу до этого! Слышишь ли?»

— Слушаю, матушка! — отвѣчалъ Климентъ Сидоровичъ.

«Да какая это Орленкова?» спросила Вѣра.

— А вотъ та, которой отецъ твой навязался въ опекуны! Ужъ я всегда говорила, что отъ этого знакомства не najить намъ добра!—

«Да виновать ли я, матушка....»

— Ты никогда ни въ чемъ не виновать! Зачѣмъ тебѣ было отсылать ее въ Петербургъ? Оставилъ бы ее у тетки, такъ и вышла бы она за-мужъ за какого нибудь подьячаго! А то послалъ ее еще въ Монастырь! Она, я чай, тамъ и по-Французски и по-Нѣмецки научилась, тогда, какъ твоимъ дурамъ и носу нельзя показать въ Петербургѣ! Только я тебѣ говорю: если ты допустишь ее выйти за Блистовскаго, такъ не слыхать тебѣ отъ меня добраго словечка! Сохрани тебя Богъ, если онъ на ней женится! —

«Да ужъ какъ нибудь да сладимъ дѣло! Теперь только не знаю, что мнѣ начать съ Блистовскимъ-то?»

— Какъ не знаешь? Ну, скажи ему на от-

рѣзъ, что не отдаешь, да и полно! Что съ нимъ церемониться! —

«Онъ этимъ не успокоится! Вѣдь не драться же мнѣ съ нимъ! И то ужъ онъ такъ косо на меня взглянулъ, когда не тотчасъ я согласился, что я поспѣшилъ выйти изъ комнаты!»

Какъ ни была разгнѣвана Марѳа Петровна, но не могла не чувствовать, что нужно выдумать какой нибудь благовидный предлогъ, чтобъ, на первый случай, выпроводить Владимира изъ дому. Между обоими супругами началось о томъ совѣщаніе, и никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на Вѣру Климовну, которая такъ поражена была сею неожиданною вѣстію, что принялась горько плакать. Въ одно мгновеніе разрушились всѣ воздушные замки, ею съ такимъ удовольствіемъ выстроенные; всѣ картины, увеселявшія ея воображеніе съ вчерашняго вечера, исчезли какъ-будто отъ мановенія волшебнаго жезла! Легко себѣ представить можно, что происходило въ ея сердцѣ! Надлежало проститься съ мыслию выйти за богатаго, любезнаго гвардейскаго офицера;

проститься съ надеждою блистать въ Петербургѣ! И всѣ эти выгоды, все это будущее благополучіе, которымъ она мысленно себя утѣшала, надлежало уступить — Богъ знаетъ, кому!

Между тѣмъ совѣщаніе супруговъ кончилось положеніемъ: объявить Владиміру, что Марѳа Петровна занемогла и лежитъ въ постелѣ, а Климъ Сидоровичъ ни на минуту оставить ее не можетъ. Софѣ Климовнѣ поручили сказать объ этомъ Блистовскому, и за тѣмъ-то и отозвали ее къ матери.

Когда она о томъ объявила Владиміру, онъ на первый случай не могъ придумать, что ему дѣлать. Онъ догадывался, что болѣзнь хозяйки дома служила только предлогомъ къ его удаленію, и предвидѣлъ, что ему ни къ чему не послужитъ ожидать ея выздоровленія. Но съ другой стороны, не хотѣлъ онъ уѣхать, не получивъ рѣшительнаго отвѣта, и такъ онъ попросилъ Софью Климовну возвратиться къ батюшкѣ, и узнать, будетъ ли отвѣтъ на письмо Анны Андреевны. Софья долго не хотѣла

исполнить его просьбы, говоря, что ей запретили беспокоить матушку и прочее; но когда Владиміръ рѣшительно объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ дождется, пока можно будетъ видѣться съ Климомъ Сидоровичемъ, она наконецъ согласилась войти въ спальню Марѣы Петровны, и возвратилась оттуда съ извиненіемъ: что батюшкѣ ни какъ нельзя самому выйти, но что объ извѣстномъ дѣлѣ онъ не замедлитъ писать къ Аннѣ Андреевнѣ по почтѣ.

Предвидя, что нельзя дожидаться другаго отвѣта, Владиміръ простился съ Софьей Климовной, и приказавъ чемоданъ свой отнести на почтовую станцію, самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ, и, не медля ни минуты, отправился обратно въ Барвеново.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МОНАСТЫРКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОНАСТЫРЬ

ПРАВОСЛАВНЫЙ

ГЛАВА XIII.

НЕОЖИДАННОЕ ПОСѢЩЕНІЕ.

Возвращаясь къ Анютѣ, Владиміръ непрестанно думалъ о томъ, какимъ образомъ уговорить тетушку, чтобъ она не ожидала согласія опекуна. Послѣднее его свиданіе съ Климомъ Сидоровичемъ и съ его семействомъ вполне открыло злой и мстительный нравъ Марѣы Петровны, а вмѣстѣ и вліяніе ея на бездушнаго супруга. Владиміръ предвидѣлъ препятствія, угрожающія его любви, и всю надежду свою полагалъ на добродушіе тетушки, которая, при горячей привязанности къ Аню-

тѣ , не могла ее предать совершенно во власть опекуна, ни въ какомъ отношеніи неисполняющаго обязанностей своего званія.

Въ семь расположеніи пріѣхалъ онъ въ Барвеново. Анюта , Гапочка , тетушка встрѣтили его съ радостными восклицаніями : онѣ ожидали его нѣсколькими днями позже. Анюта первая замѣтила, что онъ печаленъ, и съ нѣжнымъ участіемъ спросила объ его здоровьѣ.

«Э, Галечка!» сказала тетушка. «Ты видишь, что онъ усталъ съ дороги! Жениху нѣтъ времени быть нездоровымъ ! Что жъ Владиміръ Александровичъ ? Застали ль вы Клима Сидоровича? Я чай , самъ обѣщался пріѣхать на свадьбу?»

Владиміръ съ сокрушеннымъ сердцемъ началъ рассказывать все , случившееся съ нимъ въ домѣ Дюндиковыхъ. Всѣ слушали его со вниманіемъ , и рассказъ его прерывается былъ только восклицаніями недовольной тетушки, для которой такіе нравы, какіе описывалъ Блистовской , были совершенно непонятны.

Анютѣ также все это казалось такъ ново, такъ странно, что она не могла произнести ни слова, ожидая, что скажетъ тетушка.

«Ну, Владиміръ Александровичъ!» вскричала Анна Андреевна, когда онъ кончилъ свое повѣствованіе: «если бъ не вы это рассказывали, то я, право бы не повѣрила! никакъ бы не повѣрила!... Да что жъ онъ ко мнѣ хочетъ писать?»

— Не знаю, тетушка! Я думаю, что онъ совсѣмъ писать не будетъ, или, по крайней мѣрѣ, напишетъ не скоро. По моему мнѣнію, намъ не зачѣмъ и ожидать его писемъ. Мы сдѣлали съ своей стороны все, чего долгъ требовалъ, а теперь, кажется, можемъ обойтись и безъ его согласія. —

«Вамъ, Владиміръ Александровичъ, позволено такъ думать! Вѣдь вы женихъ! Но я все таки другаго мнѣнія!»

— Да неужъ-то участь Анюты должно подвергнуть пустымъ капризамъ опекуна, не-

имѣвшаго никогда ни малѣйшаго о ней попеченія! —

«Вѣдь мы еще не знаемъ, что онъ напишетъ. Дождемся отвѣта на мое письмо, и тогда посмотримъ, что намъ дѣлать должно!»

— Вы увидите, что онъ совсѣмъ отвѣчать не будетъ.... —

«Такъ мы еще разъ къ нему напишемъ!»

Тетушка все оставалась при своемъ мнѣніи, не смотря на краснорѣчивыя убѣжденія Блистовскаго, который наконецъ умолкъ, въ надеждѣ при случаѣ возобновить свои домогательства.

Такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля, въ продолженіе которой Блистовской неоднократно покушался уговорить тетушку, чтобъ она рѣшила судьбу его безъ содѣйствія Дюндика; но старанія его были тщетны. Сколь ни желала Анна Андреевна счастья любезной своей Аняутѣ, но при всемъ томъ непоколебимо оста-

валась при своемъ мнѣніи. Печаль Владиміра возрастала еще при мысли, что ему скоро должно будетъ возвратиться въ Петербургъ по дѣламъ службы, и онъ содрогался, когда воображенію его представлялась возможность, что до отъѣзда его, котораго не могъ онъ долѣе откладывать, не получится никакого рѣшительнаго отвѣта отъ Клима Сидоровича. Сентябрь былъ на дворѣ, и Блистовской имѣлъ намѣреніе отпроситься въ отпускъ на нѣскольکو мѣсяцевъ; но для полученія сего отпуска ему надлежало, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, непременно самому явиться въ полкъ.

Анюта, между тѣмъ, съ покорностію исполняла волю доброй тетушки, не понимая нетерпѣнія Блистовскаго. «Ты не можешь сомнѣваться въ моей любви,» говорила она ему: «тетушка также согласна на бракъ нашъ; и такъ о чемъ ты безпокоишься? Опекунъ не можетъ оставить письма безъ отвѣта: почему же намъ его не дожидаться въ угодность тетушкѣ? Мнѣ самой кажется, Владиміръ, что нашъ долгъ повиноваться опекуну, назначенному покойнымъ отцемъ моимъ!»

Пылкій любовникъ иногда упрекалъ Анюту въ холодности; но когда страстные взоры его встрѣчались съ прелестными глазами Анюты, въ которыхъ отражалась вся невинность души ея; когда онъ замѣчалъ слезы, возбужденныя несправедливымъ его подозрѣніемъ: тогда съ раскаяніемъ повергался къ ея ногамъ и просилъ прощенія.

Между тѣмъ время проходило; день отъѣзда его въ Петербургъ быстро приближался, а отъ Дюндика не было никакого отвѣта. Тетущка, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ, вздумала было сама къ нему поѣхать; но на кого ей оставить дѣтей? На кого покинуть Праскуту, все еще находящуюся въ томъ же болѣзненномъ положеніи, и неимѣющую никакого утѣшенія въ сердечномъ сокрушеніи своемъ, кромѣ нѣжной любви матери? Праскута не завидовала своей счастливой соперницѣ, и препятствія, встрѣтившіяся со стороны Дюндика, беспокоили ее болѣе, нежели самую Анюту. Она яснѣе предвидѣла все, что угрожало совершенію ихъ желаній, и доброе сердце ея о томъ соболѣзновало, не смотря на не-

счастную страсть. Но дѣвическая стыдливость не допускала ее быть откровенною съ Анютою, и заставляла избѣгать всякихъ съ нею объясненій. Веселая и беззаботная Гапочка также не внушала ей никакой довѣренности; и такъ нѣжная любовь доброй матери была единственнымъ ея утѣшеніемъ въ безотрадномъ положеніи. Анна Андреевна хотя никогда не говорила съ Праскутою о причинѣ ея горести, но нѣжныя ея ласки и безмолвная о ней заботливость явно показывали, что она читала въ сердцѣ своей дочери, и Праскута часто цѣловала руки ея со слезами признательности. И такъ, могла ли Анна Андреевна рѣшиться оставить ее одну?

Такимъ образомъ насталъ часъ разлуки. Наканунѣ отъѣзда, Владиміръ написалъ къ Климу Сидоровичу письмо, въ которомъ, извѣщая о кратковременной своей отлучкѣ изъ Малороссіи, убѣдительно просилъ его не замедлить отвѣтомъ своимъ Аннѣ Андреевнѣ. Въ письмѣ этомъ, почтительномъ, но притомъ показывающемъ твердость, онъ намѣкалъ Дюндику, что опекунъ не имѣетъ права отказать въ про-

симомъ у него согласіи безъ важныхъ причинъ, и наконецъ замѣтилъ, что дальнѣйшую, ни на чемъ неоснованную проволочку въ семъ дѣлѣ, онъ сочтетъ знакомъ явной къ себѣ неприязни и нестерпимою обидою.

Письмо это онъ отправилъ по эстафетѣ, и съ стѣсненнымъ сердцемъ сѣлъ въ повозку, приготовленную въ долгій путь. Всѣ провожали его со слезами. «Возвратитесь къ намъ скорѣе!» кричала ему въ слѣдъ тетушка. Анюта не могла выговорить ни слова; она долго плакала, и добрая Анна Андреевна принуждена была утѣшать ее увѣреніями, что Владиміръ скоро возвратится, и что тогда уже не нужно будетъ имъ опять разставаться.

Протекло еще нѣсколько недѣль; Анюта и тетушка успѣли уже получить письмо отъ Владиміра изъ Петербурга, а отъ Клима Сидоровича все еще не было никакого извѣстія. Всѣ полагали на-вѣрное, что онъ не прерветъ своего молчанія, и тетушка уже начинала раздумывать: писать ли къ нему еще, или, по совѣту Блистовскаго, оставить его въ покоѣ и, при-

нявъ на себя всю отвѣтственность, благословить ихъ бракъ. Сердце ея было согласно съ симъ послѣднимъ мнѣніемъ; но она никакъ не могла на то рѣшиться. Воля умершаго отца Анюты казалась ей столь священной, что никакія умствованія не въ силахъ были ей противостоятъ. «Нѣтъ,» думала она: «мнѣ непременно должно еще разъ написать къ Климу Сидоровичу! Если бы покойный братецъ, Трофимъ Алексѣевичъ, хотя однимъ словомъ упомянулъ обо мнѣ въ завѣщаніи, то я имѣла бы какое нибудь право рѣшить участь Галечкину. Но онъ ввѣрилъ ее одному Дюндику, а мнѣ не предоставилъ никакой надъ нею власти. Я имѣю только право любить ее, какъ родную мою дочь, — и въ этомъ никто мнѣ не препятствуетъ!»

Тетушкѣ, въ простодушіи ея, и на умъ не приходило винить покойника за то, что онъ забылъ о ней въ завѣщаніи; ей самой казалось, что богатому и знатному Климу Сидоровичу (таковымъ она его считала) гораздо приличнѣе быть опекуномъ, нежели ей; и до сего времени еще, не смотря на рассказы Владиміра, по-

веденіе Дюндика представлялось ей болѣе страннымъ и непонятнымъ, нежели предосудительнымъ. Въ добродѣтельное сердце ея съ трудомъ могли проникнуть понятія о такихъ людяхъ, каковъ былъ Климъ Сидоровичъ.

И такъ тетушка рѣшилась писать къ опекуну. Это для нея было дѣло не легкое. Долго думала она, какъ начать и чѣмъ кончить, и наконецъ, составивъ, примѣрно, планъ письму своему, отыскала листъ почтовой бумаги, попросила Анюту очинить перо, и по окончаніи всѣхъ приготовленій, сѣла къ письменному столу. Барышни въ той же комнатѣ заняты были рукодѣльемъ. Вдругъ услышали онѣ стукъ ѣдущаго экипажа, и побѣжали къ окну. Сама тетушка оставила письмо свое и приблизилась къ нимъ. Въ это время заворачивала на дворъ тяжелая четверомѣстная карета стариннаго фасона, заложенная десятью крестьянскими измученными лошадьми; шесть запряжены были въ рядъ, а четыре на вынось съ двумя форейторами. На козлахъ подлѣ крестьянина, служившаго ямщикомъ, сидѣлъ лакей въ запач-

канномъ китайчатомъ платьѣ, а на запяткахъ были еще два человѣка въ такомъ же нарядѣ. Карета, не смотря на большое число лошадей, ее тащившихъ, и на крикъ и удары кучера и форейторовъ, подвигалась медленно впередъ, и наконецъ остановилась у крыльца тетушкина дома.

«Кто это?» спрашивали другъ у друга тетушка и дочери ея съ удивленіемъ; ибо изъ всѣхъ знакомыхъ ихъ никому не могъ принадлежать этотъ экипажъ.

Между тѣмъ всѣ трое слугъ соскочили съ мѣстъ своихъ и отворили дверцы кареты, изъ которой, съ помощію ихъ, вылѣзъ высокій, дородный мужчина въ свѣтлосѣромъ нанковомъ сюртукѣ и изношенномъ зеленомъ сафьянномъ картузѣ. Большой Владимірскій 4-й степени крестъ висѣлъ у него въ петлицѣ на длинной лентѣ. Онъ взошелъ по ступенямъ, поддерживаемый лакеями, остановился на одно мгновеніе на крыльцѣ, гордымъ взоромъ окинулъ весь дворъ и строеніе, и вошелъ въ домъ.

«Кто это?» опять вскричали жители Барвенова, — и не успѣли еще дать другъ другу отвѣта, какъ дверь растворилась и незнакомецъ вступилъ къ нимъ въ комнату.

«Вы, конечно, Анна Андреевна?» сказалъ онъ, обратясь къ тетущкѣ съ важнымъ видомъ.

— Точно такъ! — отвѣчала она, смѣшавшись немного. — Позвольте спросить?... —

«Неужъ-то вы меня не знаете?» спросилъ съ удивленіемъ незнакомецъ.

— Лице ваше мнѣ очень знакомо; но право, не помню. —

«Ха, ха, ха! Я думаю, что знакомо! Я Дюндикъ. Мы вѣдь, кажется, съ родни, Анна Андреевна!»

— Климъ Сидоровичъ! — вскричала тетущка: — Климъ Сидоровичъ! Ну, никакъ бы не догадалась! —

Анюта, услышавъ имя опекуна своего, приблизилась шага на два, хотѣла къ нему подойти, но остановилась, какъ будто удерживаемая какимъ-то страхомъ.

«Ну ужъ , Анна Андреевна!» сказалъ Дюндикъ , безъ церемоніи расположась на софѣ. «Не думалъ я, что вы меня не узнаете!»

— Виновата, мой батюшка! Сколько лѣтъ васъ не видала. Скорѣе бы я думала, что сегодня будетъ преставленіе свѣта, нежели чтобъ вы къ намъ пожаловали. Да какъ же состарѣлись, Климъ Сидоровичъ! —

«Я что-то не замѣчаю, чтобъ очень постарѣлъ,» сказалъ Климъ Сидоровичъ, съ довольнымъ видомъ посматривая въ зеркало бокомъ и поправляя крестъ свой.

— Не прогнѣвайтесь, мой батюшка! Вѣдь мы всѣ не молодѣемъ, а старѣемъ. Такова воля Божія! —

«Хорошо, хорошо! Да гдѣ жъ у васъ сиротка, что у меня въ опекѣ?»

— Вы говорите объ Аннѣ Трофимовнѣ? — отвѣчала тетушка съ недовольнымъ видомъ: — Вотъ она! —

«Подойди же ко мнѣ, душенька!» продолжалъ Дюндикъ, поднявъ величественно голову: «подойди, не бойся!»

Анюта попеременно блѣднѣла и краснѣла: пріемы опекуна казались ей столь странными и необыкновенными, что она не могла не чувствовать нѣкотораго содроганія. Не таковымъ воображала она себѣ друга покойнаго отца своего, того человѣка, которому передъ кончиною онъ ввѣрилъ участь единственной дочери! Вопреки рассказамъ Блистовскаго, сердце ея, пріобыкшее чувствовать уваженіе къ священной памяти отца, отказывалось вѣрить словамъ Владиміра, когда онъ обвинялъ ея опекуна, и часто она его самого обвиняла въ несправедливости. Но теперь, при видѣ Клима Сидоровича, все, что говорилъ Блистовской, вдругъ пришло

ей на память и показалось вѣроятнымъ, хотя сама она изъяснить не могла причины сей перемѣны въ своихъ чувствованіяхъ. Не смотря однако жъ на то, она, повинувась приказанію опекуна, встала со стула и подошла къ нему.

«Ну, подойди жъ ближе! повторилъ Дюндикъ, и протянулъ ей руку. «Будь смѣлѣе, милая! Чего ты боишься?»

Климъ Сидоровичъ протянулъ руку не для ободренія Аниоты, а просто для того, чтобъ сиротка, его опекъ ввѣренная, поцѣловала ее съ почтеніемъ. Конечно, такая мысль не пришла бы ему на умъ, если бы былъ тутъ Блистовской; но мы увидимъ, что и все путешествіе Дюндика рассчитано было на время отсутствія молодаго офицера, котораго эстафету онъ получилъ, какъ слѣдовало.

Аниота, не подозрѣвая ни мало, чтобъ опекунъ ожидалъ отъ нея подобнаго знака уваженія, въ крайнемъ смущеніи стояла передъ

нимъ неподвижно, потупивъ глаза, и не говоря ни слова.

Климъ Сидоровичъ взглянулъ на нее такъ пристально, какъ только позволяли ему оловянные его глаза. Дерзость молодой дѣвушки, непоказывающей ни малѣйшей охоты облобызать отеческую его руку, чрезвычайно изумила его. Но когда онъ разглядѣлъ ее внимательно, когда увидѣлъ, какъ стояла она передъ нимъ въ полномъ блескѣ дѣвической красоты, скромно и вмѣстѣ величественно, то чувство невольнаго уваженія проникло въ закоснѣлую его душу. Онъ въ замѣшательствѣ опустилъ протянутую руку и, повертѣвшись немного на софѣ, всталъ кряхтя, и подошелъ къ ней со всею учтивостію, къ которой онъ былъ способенъ.

«Анна Трофимовна!» сказалъ онъ ласково. «Я бы никакъ васъ не узналъ. Какъ вы выросли, какъ перемѣнились!»

Анюта поклонилась, не отвѣчая ни слова; но тетушка, давно уже смотрѣвшая съ нетер-

пѣніемъ на гордое обхожденіе Дюндика, сказала съ сердцемъ:

«Ну, мой батюшка! Мудрено ли, что вы ее не знаете? Прости меня, Господи! Хорошъ опекунъ, который, лѣтъ чрезъ пятнадцать, въ первый разъ о ней вспомнилъ! Не прогнѣвайтесь, Климъ Сидоровичъ! Я женщина простая: что на сердцѣ, то на языкѣ.»

Ни Анюта, ни сестры ея никогда не видали Анны Андреевны въ такомъ гнѣвѣ; но Климъ Сидоровичъ, оказывая пренебреженіе къ любезной ея Галечкѣ, нанесъ тетушкѣ самую чувствительную обиду. Она сама не постигала, откуда взялось у нея столько духу, чтобъ говорить такъ смѣло съ важнымъ опекуномъ.

Дюндикъ, между тѣмъ, былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ. Важный видъ, принятой имъ на себя, совершенно исчезъ, и на лицѣ его осталась одна обыкновенная глупая его улыбка. Онъ поворачивалъ глаза на всѣ стороны, и потиралъ руки, не зная, что отвѣчать. Наконецъ онъ сказалъ, запинаясь:

«Анна Андреевна!... я не знаю... право не знаю... за что вы на меня гнѣваетесь?»

— Да правду сказать, я и сама не знаю, какъ вы довели меня до того, Климъ Сидоровичъ! Я и не помню, когда бы такъ сердилась! Ну, мы всѣ люди грѣшные! Вѣдь и камень, говорятъ, терпитъ — терпитъ, да и треснетъ, а я женщина слабая, простая! Извините, Климъ Сидоровичъ! Чѣмъ бы васъ поподчивать, не прикажете ли чаю? Гапочка, вели подать самоваръ! Что не хорошо, то не хорошо! Виновата я, что погорячилась, да и вы не правы, Климъ Сидоровичъ, что во все время не вздумали ни разу справиться объ Анютѣ. —

«Я!... Помилуйте, матушка! Да я почти съ каждою почтою писалъ объ ней къ Полковнику Р**, когда была она въ Монастырѣ! Лѣгко ли, сколько въ эти годы я денегъ переплатилъ на почту? Что письмо, то рубль изъ кармана, а иногда и слишкомъ! Спросите-ка у Полковника; я, чай, надоѣлъ ему своими разспросами!»

Анюта взглянула на него съ удивленіемъ;

ей казалось страннымъ, что Полковникъ никогда не упоминалъ о Климѣ Сидоровичѣ; но она не смѣла сомнѣваться въ словахъ опекуна. Тетушка покачала головою; ей также не вѣрилось, то, что говорилъ Дюндикъ; но увѣрительный тонъ его привелъ ее въ недоумѣніе, и она спѣшила прекратить этотъ разговоръ.

«Не угодно ли чего покушать, Климъ Сидоровичъ? Я, въ торопяхъ извините, и забыла у васъ спросить. Вы, можетъ быть, сегодня еще не обѣдали?»

— Покорно благодарю, Анна Андреевна! я выпью чаю. —

Опекунъ въ продолженіе цѣлаго вечера старался быть сколько можно любезнѣе, и относительно Анюты истощилъ весь небольшой свой запасъ учтивости. Чѣмъ болѣе онъ смотрѣлъ на прелестную, благовоспитанную дѣвушку, тѣмъ почтительнѣе онъ становился, и когда ввечеру они разстались, обхожденіе его съ нею перемѣнилось до такой степени, что

онъ самъ не понималъ, какимъ образомъ съ начала знакомства своего могъ онъ говорить ей: ты и душенька! При прощаньѣ онъ не только не осмѣлился поднести ей свою руку; но самъ подошелъ къ ея рукѣ, и самымъ умильнымъ и ласковымъ голосомъ пожелалъ ей покойной ночи.

Прибывъ въ отведенную ему комнату, онъ, противъ обыкновенія своего, долго не могъ заснуть. Его беспокоила мысль, что на другой день надобно будетъ приступить къ исполненію порученія Марѣы Петровны. Въ то время, когда супруга его объясняла выдуманной ею планъ, ему казалось такъ легко привести его въ дѣйствіе. А теперь планъ этотъ представился ему совсѣмъ въ иномъ видѣ! Онъ, конечно, и тогда уже ожидалъ нѣкотораго сопротивленія со стороны тетушки; но съ нею, думалъ онъ, не трудно будетъ сладить! Одно посещение такого важнаго человѣка, какъ онъ, должно было произвести сильное впечатлѣніе на Анну Андреевну. Что жъ касается до самой Аняты, то Климъ Сидоровичъ и Марѣа Петровна вовсе ея не опасались.

«Теперь дурака-то тамъ нѣтъ!» говорила она при прощаньѣ, разумѣя подъ этимъ названіемъ Блистовскаго: «такъ нѣкому съ тобою спорить! Когда пріѣдешь въ Барвеново, ты долго съ ними не разсуждай, а просто объяви, что дѣвчонка должна ѣхать съ тобою! Лосенкова, можетъ быть, просить будетъ, чтобъ ее оставили, да ее слушать нѣчего. Вѣдь мы опекуны, а не они; слѣдовательно дѣвка зависитъ отъ насъ, а не отъ нея. Съ самаго пріѣзда, ты долженъ поступать рѣшительно, такъ онѣ и не посмѣютъ умничать!»

— Да не взять ли съ собою кого нибудь изъ женщинъ? Вѣдь можетъ быть, съ нею никого нѣтъ? —

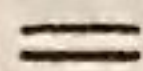
«Вотъ тебѣ на! Экая барыня! А развѣ она не можетъ ѣхать одна? Стану я ее баловать! Давно ли она изъ монастыря? Тамъ у нихъ, не бойся, прислуги-то очень много!»

Все, что тогда говорила мужу Марѳа Петровна, казалось ему весьма основательнымъ, и вообще порученіе взять Анюту отъ тетушки,

представлялось совсѣмъ не труднымъ; онъ даже радовался, что не задали ему чего нибудь помудренѣе. Конечно, мысль о Блистовскомъ немного его тревожила; но вѣдь Блистовской уѣхалъ въ Петербургъ, а до его возвращенія, по плану Марѣы Петровны, надлежало быть большимъ переменамъ! Вотъ, каковы были размышленія опекуна, когда ѣхалъ онъ въ Барвеново; а теперь все явилось ему въ другомъ и неожиданномъ видѣ! И Анна Андреевна-то, видно, не совсѣмъ такова была, какою онъ ее считалъ; что жъ касается до Анюты... «Ой, ой, ой!» думалъ Климъ Сидоровичъ, вздыхая и покачивая головою. «И сама Марѣа Петровна не такъ бы о ней заговорила, если бы ее увидѣла! А у меня теперь и языкъ не повернется что нибудь ей приказать. Ну какъ мнѣ быть съ нею? Охотою-то врядъ ли она поѣдетъ! Да правду сказать, умно сдѣлаетъ, если останется.»

При всемъ томъ волосы у него становились дыбомъ при одной только мысли, какъ его встрѣтитъ Марѣа Петровна, если онъ возвратится безъ Анюты! Климъ Сидоровичъ долго

не спалъ, переваливаясь съ бока на бокъ; наконецъ благодѣтельный Мороей сомкнулъ его вѣжди. Но и во снѣ преслѣдовалъ его гнѣвный образъ Марѣы Петровны, грозящій ему ладонью, и взирающій на него сердитымъ глазомъ.

ГЛАВА XIV.

РАЗЛУКА.

Всѣ на другой день давно уже встали, когда Климъ Сидоровичъ покоился еще глубокимъ сномъ. Размышленія о затрудненіяхъ, ожидающихъ его въ исполненіи данныхъ ему порученій, мѣшали ему заснуть почти до самаго утра, и потому онъ въ этотъ день проснулся необыкновенно поздно.

Тетушка и Аніота, между тѣмъ, мысленно почти уже примирились съ Климомъ Сидоровичемъ. На-канунъ онъ, въ продолженіе цѣлаго вечера, такъ былъ учтивъ и ласковъ, и такъ

много рассказывалъ о добротѣ своей и о приверженности къ памяти покойнаго Маіора, что Анята начала поглядывать на него съ участіемъ, и не довѣряла собственному сердцу своему, нечувствовавшему никакого влеченія къ опекуну. При Аннѣ Андреевнѣ, знавшей такъ коротко Маіора, Дюндикъ конечно не смѣлъ слишкомъ распространяться о великихъ одолженіяхъ, оказанныхъ покойному; но одинъ рассказъ о славномъ его лазаретѣ уже достаточенъ былъ для возбужденія въ добродушныхъ и довѣрчивыхъ слушательницахъ искренняго къ нему уваженія. Тетушка внутренно раскаявалась въ своей запальчивости, и невѣжливые пріемы Дюндика при первой встрѣчѣ съ Анятою, теперь показались простодушной Аннѣ Андреевнѣ обыкновеннымъ обращеніемъ почтеннаго и добраго старика. Какъ жалѣла она, что на эту пору Блистовской былъ въ отсутствіи! Анна Андреевна ни мало не сомнѣвалась, что опекунъ пріѣхалъ къ нимъ для того единственно, чтобъ присутствовать при сговорѣ Анятиномъ. Дюндикъ, хотя не объявлялъ еще причины своего пріѣзда, но зачѣмъ бы ему пріѣхать, если бъ не для того? Съ какимъ

участіемъ онъ спрашивалъ вчера : давно ли у-
ѣхалъ Блистовской въ Петербургъ, и какъ со-
жалѣлъ, что его не засталъ! Какъ онъ пенялъ
на слабость здоровья своего и на домашніе хло-
поты, препятствовавшіе ему поспѣть въ Барве-
ново ранѣ! Обратясь къ такому выгодному
мнѣнію о Климѣ Сидоровичѣ, Анна Андреевна
начала немного досадовать на Блистовскаго.
«Вѣдь прехорошій человѣкъ нашъ Владиміръ
Александровичъ!» говорила она сама себѣ : «а
правду сказать, довольно опрометчивъ! Кабы
болѣе имѣлъ терпѣнія, такъ вѣрно бы полу-
чилъ согласіе опекуна, когда былъ у него въ
Будищѣ! А то, и въ самомъ дѣлѣ, не могъ же
Климъ Сидоровичъ для него бросить свою боль-
ную жену. Что за важность, что онъ не въ
первую минуту согласился на его предложе-
ніе : вѣдь это именно и доказываетъ, что онъ
заботится о ней болѣе, нежели какъ мы пола-
гали!»

Такимъ образомъ Анна Андреевна, по до-
бротѣ своей, толковала въ хорошую сторону
всѣ поступки Дюндика и, считая себя передъ
нимъ виновною, вознамѣрилась загладить вче-

рашнюю свою запальчивость. Въ этомъ расположеніи встрѣтила она Клима Сидоровича, когда онъ къ нимъ явился. Опекунъ между тѣмъ успѣлъ обдумать хорошенько наставленія, данныя ему Марѳою Петровною: онъ положилъ на вѣсы, съ одной стороны опалу, его ожидающую, если онъ не исполнитъ ея воли; съ другой неудовольствіе тетушки и Анюты, когда онъ предложитъ имъ разлучиться другъ съ другомъ. Послѣдствіемъ сихъ размышленій было, что Дюндикъ рѣшился не отлагать долѣе своего объясненія; и потому, посидѣвъ немного, поговоривъ о незначащихъ предметахъ, онъ обратился къ Анютѣ.

«А вы и не подозрѣваете, Анна Трофимовна!» сказалъ онъ: «что я пріѣхалъ за вами?»

— Въ самомъ дѣлѣ? — отвѣчала она съ улыбкою, принимая слова его за шутку.

«Я говорю серьезно!» продолжалъ Дюндикъ: «моя Марѳа Петровна ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ, и я ей обѣщался привезть васъ съ собою непременно....»

— Какъ! зачѣмъ? — прервала его тетушка съ торопливостію.

«Да надобно же Аннѣ Трофимовнѣ познакомиться съ женою моею и дѣтьми!» отвѣчалъ Климъ Сидоровичъ въ большомъ замѣшательствѣ, не смѣя поднять на нее глазъ.

— Такъ за этимъ вы пріѣхали! — сказала тетушка съ примѣтнымъ неудовольствіемъ: — а Владиміру Александровичу что мы скажемъ? —

«Да ему что до этого?»

— Жениху-то что до этого, Климъ Сидоровичъ? Я полагала, что вы пріѣхали съ тѣмъ, чтобъ самимъ благословить Аніуту: женихъ скоро возвратится изъ Петербурга, и пора это дѣло кончить, Климъ Сидоровичъ! —

«Ну.... Анна Андреевна!... Вѣдь сговору еще не было, а до тѣхъ поръ и женихомъ его называть нельзя!»

— Какъ! развѣ вы имѣете причины не соглашаться на его предложеніе? —

«Господи, Боже мой! Анна Андреевна! Я только говорю, что пріѣхалъ просить Анну Трофимовну, чтобъ онѣ у насъ погостили!»

Тетушка закусила себѣ губы и замолчала, вспомнивъ, что опять чуть было не разсердилась. Требованіе Дюндика ее очень огорчило, и опекунъ, желая увезть отъ нея любезную Галечку, опять представился ей самымъ непріятнымъ человѣкомъ; но, впрочемъ, имѣла ли она право за то сердиться? Не естественно ли было желаніе опекуна познакомить Анюту съ своимъ семействомъ? Не умѣя согласить противоположныхъ чувствъ, въ ней боровшихся, она въ замѣшательствѣ посматривала на Анюту, какъ бы приглашая ее, чтобъ она сама отвѣчала Дюндику. Но бѣдная Анюта, въ продолженіе этихъ переговоровъ, хранила молчаніе: какое-то глухое предчувствіе представляло ей поѣздку къ Марѣ Петровнѣ въ самомъ непріятномъ видѣ, и она потупила глаза, ожидая помощи отъ тетушки. Нѣсколько се-

кундъ прошло такимъ образомъ , и никто не говорилъ ни слова.

«Такъ вы ѣдете со мною?» спросилъ Дюндикъ, прервавъ общее молчаніе.

Рѣшительный этотъ вопросъ и необходимость отвѣчать внушили нѣсколько бодрости Аниутѣ: она сказала въ полголоса :

«Надобно объ этомъ подумать, Климъ Сидоровичъ!»

— Да о чемъ тутъ думать? Карета у меня просторная, покойная; — прикажите уложить въ чемоданъ вещи ваши и платья, да и дѣло съ концемъ! —

«Нѣтъ, Климъ Сидоровичъ! Позвольте мнѣ подумать и посоветоваться съ тетушкою!»

— Развѣ я не опекунъ вашъ? Чего тутъ совѣтоваться! Анна Андреевна не можетъ помѣшать вамъ ѣхать со мною! —

«Вы мой опекунъ, конечно!» отвѣчала Аню-

та твердымъ голосомъ: «но позвольте сказать вамъ откровенно: я знакома съ вами только со вчерашняго вечера, а тетушка съ малолѣтства заступила мнѣ родную мать, и я изъ воли ея никогда не выйду!»

— Вотъ это прекрасно! — проворчалъ Дюндикъ съ досадою! — Я, кажется, тоже не чужой человѣкъ! А какъ опекунъ, болѣе всякаго другаго имѣю право вамъ совѣтовать! Не Аннѣ Андреевнѣ вы поручены покойнымъ братомъ, а мнѣ! —

Анна Андреевна, между тѣмъ, огорченная словами опекуна, и тронутая привязанностію Аняты, бросилась къ ней на шею и начала ее цѣловать. «Да, моя Галечка!» вскричала она сквозь слезы: «ты моя дочь! родное мое дитя! Богъ свидѣтель, что я люблю тебя не менѣе другихъ! Нѣтъ, Климъ Сидоровичъ! Не мѣшайте намъ любить другъ друга!»

— Помилуйте, матушка, Анна Андреевна! я и не думаю мѣшать! Я только говорю, что общался Марѣѣ Петровнѣ непременно привезть съ собою Анну Трофимовну. —

«Съ собою! Теперь? — Нѣтъ ужъ этому-то никогда не бывать, Климъ Сидоровичъ! Прошу не прогнѣваться!»

— Почему жъ не бывать, матушка? Я развѣ не опекунъ? —

«Опекунъ, какъ опекунъ! Пусть такъ, прости меня Господи! Да если ужъ надобно Галечкѣ ѣхать, такъ я сама ее привезу.»

— Милости просимъ, Анна Андреевна, милости просимъ!... Да что скажетъ Марѳа Петровна, когда не привезу я съ собою Анны Трофимовны? —

«А что ей угодно будетъ, то и скажетъ!»

— Въ томъ-то и дѣло, Анна Андреевна, что я напередъ знаю, что ей угодно будетъ. Нѣтъ! ужъ вы отпустите со мною Анну Трофимовну. —

Климъ Сидоровичъ долго еще уговаривалъ тетушку; но старанія его были тщетны. Не

имѣя достаточныхъ причинъ отказать ему въ просьбѣ его, тетушка по крайней мѣрѣ старалась отдалить рѣшительную минуту, и потому объявила на-отрѣзъ, что прежде завтрашняго утра ничего не можетъ обѣщать утвердительно, хотя заранѣе его увѣдомляетъ, что Аня теперь не поѣдетъ съ нимъ ни въ какомъ случаѣ. Климъ Сидоровичъ чувствовалъ, что не въ силахъ поставить на своемъ, и по неволѣ принужденъ былъ уступить тетушкѣ. Онъ весь этотъ день посвятилъ на то, чтобъ утвердить Аня въ добромъ о немъ мнѣніи, и дѣйствительно успѣлъ въ томъ разказами о своихъ добродѣтеляхъ и намѣками объ одолженіяхъ, оказанныхъ покойному Маіору. Къ вечеру, неопытная Аня совершенно была увѣрена, что опекунъ ея человѣкъ самый добрый и благодѣтельный.

Дюндикъ, почти неспавшій прошлую ночь, рано удалился въ свою комнату, и тетушка воспользовалась этимъ, чтобъ поговорить съ Аней о его предложеніи. Разговоръ ихъ кончился тѣмъ, что Аня не прилично отказать отъ приглашенія опекуна. «Какъ бы то

ни было,» говорила тетушка : «а онъ твой опе-
кунъ, Анюта, да еще какой опекунъ ! назна-
ченный покойнымъ отцемъ твоимъ, царство
ему небесное ! Я, признаться, виновата передъ
нимъ, что обвиняла его понапрасну ! Да и то
правда, почему жъ мнѣ знать, что онъ писалъ
о тебѣ къ Полковнику каждую почту ? А тотъ
вѣдь никогда ни словечка не говорилъ о пись-
махъ Клима Сидоровича ! Но все таки я вино-
вата: не судите, и сами судимы не будете, го-
ворить Св. Евангеліе. При всемъ томъ, грѣха
тайтъ нѣчего ! а что-то очень мнѣ не хочется,
чтобъ ты туда ѣхала!»

— И мнѣ очень не хочется, тетушка ! Впро-
чемъ, вѣдь мы не надолго туда ѣдемъ ? —

«Что тамъ дѣлать долго, Галечка?»

Когда на другой день объявили Дюндику,
что Анюта отправится въ дорогу съ Анною
Андреевною, вскорѣ послѣ его отъѣзда, онъ
вздрагнулъ, не смотря на то, что заранѣе къ
тому былъ приготовленъ. Онъ долго чесался
за ухомъ, вздыхалъ и не говорилъ ни слова;

память его живо представила ему строгія приказанія Марѣы Петровны, непременно привезть съ собою Анюту! «Ну что я ей скажу въ извиненіе?» думалъ онъ. «Повѣритъ ли она, что никакъ нельзя было ихъ уговорить? И могу ли я ей признаться, что у меня языкъ не поворачивается приказывать этой Анютѣ, которую она называетъ дѣвчонкою? Ну Марѣа Петровна, сами увидите, какова эта дѣвчонка!»

Всего болѣе беспокоило Клима Сидоровича, что тетушка рѣшилась сопутствовать Анютѣ; ибо въ планъ Марѣы Петровны непременно входило ихъ разлучить. Съ унылымъ сердцемъ усѣлся онъ въ просторную свою карету и отправился домой, съ такимъ точно чувствомъ, съ какимъ провинившійся слуга является къ строгому, безпощадному господину.

Анна Андреевна намѣрена была выѣхать изъ Барвенова нѣсколько дней спустя послѣ ошекуна, и потому, не теряя времени, начала готовиться въ дорогу. Сердце ея разрывалось при мысли о Праскутѣ, которую надлежало

оставить одну; но какое-то предчувствіе внушало ей, что присутствіе ея въ домѣ Дюндика будетъ полезно для Анюты, и потому она съ стѣсненнымъ сердцемъ продолжала заниматься приготовленіями къ отъѣзду. Ужъ день и часъ были назначены; карета, въ которой Анюта пріѣхала изъ Петербурга, подвезена была къ крыльцу, и тетушка, посвящавшая все свободное время свое больной дочери, по обыкновенію отправилась къ ней въ комнату, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ. Она застала Праскуту, лежащую на постели въ сильномъ жару. Легко себѣ представить можно безпокойство бѣдной матери! Хотя вскорѣ удостовѣрилась она, что положеніе Праскуты не представляетъ никакой опасности; но этотъ случай привелъ ей на память всѣ печальныя мысли, и передъ тѣмъ уже ее тревожившія. Она всегда думала съ сокрушеніемъ о необходимости разстаться съ несчастною своею дочерью; но теперь, когда при самомъ отъѣздѣ ея, Праскута занемогла, Анна Андреевна не въ силахъ была преодолѣть своихъ опасеній. Она рѣшилась отложить путешествіе до другаго времени, и поспѣшила уведомить Клина Сидоровича о встрѣтившемся

препятствіи. На этотъ разъ опекунъ не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ писалъ къ Аннѣ Андреевнѣ, что все семейство его ожидаетъ Аняту съ нетерпѣніемъ, и что онъ въ непродолжительномъ времени самъ за нею пріѣдетъ.

Тетушка находилась въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны болѣзнь Праскуты ее удостовѣрила, сколь горько ей будетъ съ нею разставаться; съ другой, ей никакъ не хотѣлось отпустить Аняту одну. Недоумѣніе ея отъ того возрасло еще, что Анята, видя безпокойство тетушки, рѣшительно объявила, что не допуститъ ее оставить Праскуту. Что оставалось Аннѣ Андреевнѣ дѣлать въ такомъ положеніи? Размышляя, какимъ бы образомъ согласить всѣ сіи неудобства, она вспомнила о Кларѣ Кашпаровнѣ, сопутствовавшей племянницѣ ея изъ Петербурга. Тетушка полагала, что никто лучше Клары Кашпаровны замѣнить ее не можетъ, и, съ согласія Аняты, послала къ ней приглашеніе пріѣхать въ Барвеново. Услужливая Нѣмка явилась немедленно; карету опять подвезли къ крыльцу, и день отъѣзда Аняты

опять назначенъ былъ рѣшительно. Всѣ увѣрены были, что отсутствіе ея не можетъ никакъ продолжиться болѣе двухъ или трехъ недѣль, и сколь ни горько имъ было разставаться, но онѣ другъ передъ другомъ старались скрыть свою печаль, взаимно утѣшая себя тѣмъ, что разлука ихъ будетъ не продолжительна и что время отсутствія Анюты пройдетъ непримѣтно. «Однако, ты пиши ко мнѣ чаще, Галечка!» говорила тетушка, — и Анюта отъ всего сердца дала слово, кромѣ почты, пользоваться всѣми случаями, чтобъ увѣдомлять о себѣ тетушку.

На-канунѣ отъѣзда, когда Анюта, пожелавъ тетушкѣ покойной ночи, ушла къ себѣ въ комнату, и часъ разлуки казался ей уже почти наступившимъ, сердце ея невольно трепетало при мысли о предстоявшей ей поѣздкѣ. Она пеняла самой себѣ за непростительную свою слабость; но сердце ея не повиновалось внушеніямъ разсудка. Печальныя предчувствія наполняли ея душу, хотя она считала ихъ неосновательными, и стыдилась своей боязливости. Въ этомъ положеніи прибѣгла она къ единственному и вѣрнѣйшему убѣжищу отъ скорби и

печали: съ сердечнымъ умиленіемъ бросилась она на колѣни и долго молилась предъ образомъ Спасителя. Молитва ее успокоила: она подошла къ кровати, еще разъ перекрестилась, еще разъ поручила благому Промыслу себя, тетушку и... Владиміра, и думала заснуть спокойно до слѣдующаго утра.

Вдругъ слышался ей тихій шорохъ шаговъ, будто бы приближающихся къ дверямъ ея комнаты. Она остановилась и начала прислушиваться: кто-то тихонько сталъ поворачивать замкомъ... сердце у Анюты невольно забилося... Она вспомнила, что забыла запереть дверь задвижкой. Невольный крикъ чуть было не вырвался изъ ея груди; но дверь тихо отворилась и — вошла Праскута!

Страхъ Анюты исчезъ при видѣ сестры ея; но она удивилась, не зная, чему приписать столь позднее и необыкновенное посѣщеніе. Съ того времени, какъ Владиміръ посватался на Анютѣ, обѣ сестры избѣгали случая быть другъ съ другомъ на-единѣ. Анютѣ съ самаго начала извѣстна была привязанность Праскуты къ Бли-

стовскому: она сердечно о ней жалѣла, и еще болѣе ее полюбила, замѣтивъ, что блѣдная страдальца не чувствовала никакой къ ней ненависти. Праскута принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ существъ, которыя никогда не ропшутъ на искушенія, ниспосылаемыя имъ свыше, и принимая искреннее участіе въ страданіяхъ ближняго, никогда даже не удивляются собственнымъ своимъ. Зависть, во всѣхъ безчисленныхъ своихъ видахъ и измѣненіяхъ, совершенно чужда была чистой душѣ Праскуты: отдавая полную справедливость своей соперницѣ, она не находила страннымъ предпочтенія, оказываемаго ей Владиміромъ, и негодовала только на самую себя за то, что такъ неосновательно увѣрила себя въ его любви. Она всячески старалась побѣдить страсть свою, и печаль ея болѣе происходила отъ стыда, что не умѣла скрыть тайны своего сердца.

Обѣ сестры нѣсколько времени хранили молчаніе. Праскута была блѣдна и стояла неподвижно, потупивъ глаза и не рѣшаясь начать разговоръ. Аня первая опомнилась. Она

ласково взяла ее за руку, и обнявъ ее нѣжно, посадила подлѣ себя въ креслы.

«Сестрица!» сказала наконецъ Праскута, все не поднимая глазъ: — «я пришла къ тебѣ съ просьбою. Пожалуйста, не откажи мнѣ въ ней!»

— Съ удовольствіемъ, любезная сестрица! — отвѣчала Анюта: — что тебѣ угодно? —

«Останься здѣсь! не ѣзди къ Дюндиковымъ!»

— Что ты говоришь, Праскута! Да какъ мнѣ это сдѣлать и зачѣмъ? —

«Я что-то боюсь этой поѣздки! Она, мнѣ кажется, не обѣщаетъ добра!»

— Почему ты такъ думаешь? — вскричала встревоженная Анюта, и безъ того не чувствуя большой охоты ѣхать.

«Сама не знаю! Только я, на твоемъ мѣстѣ, ни за что бы не поѣхала къ Климу Сидоровичу!»

— Что тебѣ вздумалось, Праскута! Вѣдь я ѣду не на долго — всего недѣли на двѣ! О чемъ тутъ тревожиться? —

«Опасенія мои могутъ тебѣ казаться смѣшными, Анята! Я и сама долго не рѣшалась, говорить ли тебѣ о нихъ.... Опекунъ твой мнѣ очень не нравится! Онъ, кажется, такой притворный, неоткровенный!»

— Какъ тебѣ не стыдно, Праскута! Онъ такой добрый! —

«Нѣтъ, Анята; воля твоя, а ты его берегись! Зачѣмъ онъ дождался отсутствія Владиміра Александровича? Откуда у него вдругъ взялась такая нѣжность, что и жить безъ тебя не можетъ! Воля твоя, у Дюндика намѣренія не добрыя!»

— Полно, сестрица; ты меня пугаешь! Подозрѣніе твое ни на чемъ не основано! —

«Анята!» сказала Праскута раскраснѣвшись, «я люблю тебя искренно, люблю... и жениха твоего! Отъ души желаю вамъ счастья; и пото-

му-то поѣздка твоя меня беспокоитъ. Я не въ силахъ преодолѣть мысль, что Дюндикъ не желаетъ вамъ добра. Одна притворная улыбка его уже доказываетъ, что онъ не хорошій человекъ!»

— Бѣдный Климъ Сидоровичъ! — отвѣчала Аня — я не понимаю, отъ чего никто его не любитъ! И Блистовской тоже дурнаго о немъ мнѣнія! — продолжала она задумавшись. — Но, впрочемъ, какъ бы то ни было, а теперь дѣлать нѣчего: если не поѣду я сама, то онъ, вѣрно, пріѣдетъ за мною.... Я успѣю возвратиться къ тому времени, когда Владиміръ будетъ изъ Петербурга. —

«Твоя поѣздка, Аня, у меня какъ камень на сердцѣ! Сама не могу дать себѣ отчета въ чувствахъ моихъ.... Если уже тебѣ надобно ѣхать непременно, то старайся, по крайней мѣрѣ, возвратиться къ намъ скорѣе....и...еще прошу тебя объ одной милости, любезная, милая Аня: не сомнѣвайся въ искренней моей любви, и прости, что въ послѣднее время я казалась холодною....»

Праскута бросилась къ ней на шею, громко рыдая... Анюта также заплакала. Онѣ нѣжно обняли другъ друга, и союзъ между сими прекрасными душами заключенъ былъ навсегда безъ дальнихъ объясненій. Онѣ понимали другъ друга, хотя не доставало у нихъ ни силы, ни умѣнья выразить свои чувствованія словами.

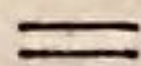
Анюта въ этотъ вечеръ долго не ложилась спать. Сестра ея давно уже удалилась въ свою комнату, а она все еще сидѣла у открытаго окна, и взоры ея блуждали по темной лазури неба. Невинная душа ея искала совѣта и утѣшенія тамъ — за неизмѣримымъ пространствомъ, куда не достигаетъ никогда взоръ человека, но куда долетаетъ душа его на крылахъ вѣры покорная къ Провидѣнію. Чистая мысль ея, самой ей непримѣтно, превратилась въ теплую молитву, и вскорѣ ей показалось, какъ будто блестящія звѣзды нашептываютъ ей утѣшительныя слова, коихъ сладостный, таинственный смыслъ понятенъ былъ ея сердцу....

Анюта легла въ постель совершенно успо-

коенная, и тихій, сладкій сонъ, невидимо слетѣвшій съ горней высоты, осѣнилъ ее легкими своими крилами.

На другой день она отправилась въ дорогу, сопровождаемая благословеніями тетушки и искренними желаніями всѣхъ жителей Барвенова.

XV

ГЛАВА XV.

Бѣдная Аня не понимала настоящаго своего положенія! Въ продолженіе путешествія отъ Барвенова до Будища (помѣстья Дюндиковыхъ), она хотя была печальна, но утѣшалась надеждою скорого возвращенія къ теткѣ, и притомъ твердо была увѣрена, что съ этою поѣздкою непременно должны прекратиться всѣ затрудненія, предстоявшія любви ея. Неопытный умъ ея не подозрѣвалъ, что грозныя тучи уже начинали собираться надъ нею; — она не довѣряла даже печальнымъ предчувствіямъ, стѣснившимъ ея сердце при первомъ невольномъ сравненіи села Будища съ помѣстьемъ доброй тетушки.

Какая разница между угрюмымъ видомъ Будисскихъ жителей, и радушною привѣтливостію, съ которою встрѣчали ее въ Барвеновѣ, когда пріѣхала она изъ Петербурга! Теперь никто не бѣжалъ за ея каретою; крестьяне, снимая шапки и низко кланяясь поглядывали на нее изъ подлѣбья, нахмуривъ брови; а дѣти, завидя еще издалека карету, стремглавъ убѣгали въ дворы свои, стараясь скрыться отъ нея, какъ цыплята скрываются при появленіи коршуна. Страхъ ихъ, вѣроятно, происходилъ отъ того, что карета Анютина похожа была на карету Марѣы Петровны, а Марѣа Петровна, какъ не безъизвѣстно читателямъ, вовсе не имѣла свойствъ, могущихъ внушить крестьянамъ симпатическія къ ней чувствованія.

«Вотъ это долженъ быть панской дворъ!» сказала Клара Кашпаровна, когда проѣхали онѣ нѣсколько улицъ, — и Анюта въ задумчивости высунулась изъ кареты.

Дворъ Клима Сидоровича былъ обнесенъ рѣшетчатымъ деревяннымъ заборомъ, за ко-

торымъ возвышался довольно просторный домъ необыкновенной, хотя впрочемъ весьма не блистательной архитектуры. Домъ этотъ игралъ важную роль въ лѣтописяхъ села Будища: крестьяне, проходя мимо, даже въ темное ночное время, съ почтеніемъ снимали передъ нимъ шапки, и самые сосѣди смотрѣли на него съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ; ибо онъ былъ двухъ-этажный и притомъ каменный, что въ Малороссіи всегда внушаетъ уваженіе къ помѣщику. Такъ какъ постройка его была однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ въ жизни Дюндика, то я считаю небезполезнымъ рассказать о томъ подробнѣе.

Никто, взглянувъ на жилище Клима Сидоровича, не вообразилъ бы себѣ, что первое основаніе оному положено было уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Неокрашенная кровля, неоштукатуренныя стѣны, и нѣсколько невставленныхъ оконъ верхняго жилья, казались несомнѣнными признаками недавняго предпріятія, и по нимъ трудно было бы отгадать, что постройка эта затѣяна Климомъ Сидоровичемъ, когда онъ былъ еще женихомъ Марѣи Пе-

тровны. Предположеніе выстроить себѣ каменный домъ, и въ то время уже было любимымъ предметомъ ихъ разговоровъ, и въ этомъ отношеніи они совершенно согласны были между собою. Оба увѣрены были, что каменный домъ усугубитъ уваженіе, котораго и безъ того считали они себя въ правѣ требовать отъ сосѣдей; и потому, по совершеніи брака, всю дѣятельность свою обратили на исполненіе общаго желанія. Судя по первымъ приёмамъ, можно было ожидать, что зданіе это воздвигнется съ необыкновенною скоростію; — но случилось иначе!

Молодые супруги не успѣли еще опомниться отъ свадебныхъ пировъ и увеселеній, какъ уже отдали строгій приказъ о заготовленіи нужныхъ для построенія матеріаловъ. Всѣ жители Будища, отъ мала до велика, должны были, оставя немедленно другія работы, заняться дѣланіемъ кирпича; — всѣ мужичьи лошади употреблены были для перевозки бревенъ и досокъ изъ дальней лѣсной дачи. Поля между тѣмъ оставались незасѣянными, лошади падали десятками, крестьяне украдкою плакали;

но въ Климѣ Сидоровичѣ дрожало сердце отъ радости при видѣ кирпича и лѣса, которые симметрически складывались на двухъ гумнахъ, отнятыхъ, для сей потребности, у поселянъ.

Вскорѣ для постройки новаго дома приготовлено было все, что не требовало наличныхъ издержекъ, и Климъ Сидоровичъ уже приказалъ снести нѣсколько крестьянскихъ хатъ, рассчитывая, что большія деревья, ихъ осѣнявшія, могли бы служить украшеніемъ предполагаемаго при новомъ домѣ сада; — однимъ словомъ, все было готово; недоставало только Архитектора. Конечно, не трудно было преодолѣть и это препятствіе: стоило только выписать Архитектора изъ ближняго города, и Климъ Сидоровичъ дѣйствительно такъ былъ догадливъ, что приступилъ къ этому немедленно. Но увы! требованія художника, впрочемъ довольно умѣренныя, такъ далеко превосходили расчеты Дюндика, что онъ никакъ не могъ ни на что рѣшиться. Сколько ни торговался Климъ Сидоровичъ, Архитекторъ не уменьшалъ объявленной сначала цѣ-

ны, и еще, что всего хуже, когда Марѳа Петровна наконецъ позволила своему супругу согласиться на оную, то упрямый художникъ, которому наскучили продолжительныя переторжки, потребовалъ деньги впередъ. Вотъ это уже никакъ не входило въ соображеніе Дюндиковыхъ! Заплативъ деньги впередъ, они лишались возможности сдѣлать прижимку Архитектору по окончаніи работъ; а этотъ изворотъ для расчетливаго хозяина служить такою важною подмогою, что Климъ Сидоровичъ считалъ непростительнымъ грѣхомъ отъ онаго отказаться. Къ несчастію, другаго Архитектора въ той губерніи тогда не было; и такъ по неволѣ надлежало отложить постройку до удобнѣйшаго времени. Такимъ образомъ непримѣтно протекло нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, родились и подросли Софья и Вѣра Климовны, а домъ все не строился; — матеріялы въ худо накрытыхъ гумнахъ уже начинали портиться, и бѣдные крестьяне тяжело вздыхали при мысли, что прійдется имъ вновь готовить кирпичъ и возить лѣсъ. Вдругъ появленіе Софроныча озарило всѣхъ лучемъ надежды. Сочинитель книги на Французскомъ

Удѣлъ =
Соборный дворъ
Мѣсто въ соборѣ
Мѣсто въ соборѣ
Мѣсто въ соборѣ

языкъ казался Климу Сидоровичу такимъ необыкновеннымъ гениемъ, что онъ долго не хотѣлъ вѣрить собственному его признанію въ совершенномъ невѣжествѣ по части Архитектуры, и настоятельно требовалъ, чтобъ онъ выстроилъ ему домъ. Но Софронычъ, при всей отважности своей, боялся за то приняться, и потому долженъ былъ безпрестанно слушать упреки, а иногда и брань своихъ Меценатовъ. Чего не претерпѣлъ онъ за то, что въ его время не преподавали Архитектуры въ Университетахъ! «Если бъ смыслилъ я въ этомъ дѣлѣ хоть одну крошку,» часто думалъ онъ; «ужъ я бы имъ сварганилъ домъ! Но теперь... нѣтъ! отвага черезъ-чуръ была бы велика!»

Наконецъ судьба сжалилась надъ бѣдными крестьянами и надъ Софронычемъ. Столяръ, Нѣмецъ, жившій прежде въ губернскомъ городѣ и тамъ обанкротившійся, проѣзжая случайно чрезъ Будище, зашелъ спросить, нѣтъ ли для него работы. Тутъ узналъ онъ о затрудненіи Клина Сидоровича — и, подстрекаемый страхомъ голодной смерти, предложилъ свои услуги, хотя, подобно Софронычу,

не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ Архитектурѣ. Предложеніе его было принято съ радостію, и постройка наконецъ началась къ совершенному удовольствію всѣхъ.

Но въ домѣ этомъ, какъ того и ожидать должно было, все носило отпечатокъ совершеннаго невѣжества столяра, который его строилъ. Нигдѣ не было соблюдено надлежащей пропорціи: окна были узкія и слишкомъ высокія, двери низкія и широкія, комнаты темныя, стѣны кривыя, лѣстницы крутыя и неудобныя. При всемъ томъ, Климъ Сидоровичъ, не замѣчая сихъ недостатковъ, радовался успѣшному исполненію своихъ желаній, и благословлялъ судьбу, пославшую ему такого дешеваго Архитектора. Когда постройка уже приходила къ концу, столяръ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что одна комната въ бельэтажѣ будетъ безъ окошекъ и безъ дверей. Дѣлать было нѣчего; сколько онъ ни ломалъ себѣ голову, но не находилъ никакой возможности вполне исправить сдѣланную ошибку: дверь проломать было не трудно, но свѣту взять не откуда! Тутъ уже и Климъ Сидоро-

вичъ сталъ догадываться, что дѣло не совсѣмъ въ порядкѣ; но онъ скоро утѣшился, когда Софронычъ побожился, что и въ Москвѣ бывають домъ съ недостатками, а Марѳа Петрова даже извлекла нѣкоторую пользу изъ темной комнаты, предназначивъ ее на то, чтобъ запирасть туда дѣвокъ за небольшіе проступки, незаслуживающіе строжайшаго наказанія. До сихъ поръ все шло довольно хорошо, ибо издержки на домъ были самыя маловажныя; но когда пришлось штукатурить стѣны, расписывать комнаты и красить кровлю, на что требовались непременно наличныя деньги, скупость Дюндиковыхъ опять поставила ихъ въ затруднительно еположеніе. По долгомъ совѣщаніи, они наконецъ положили: дома не штукатурить, кровли не красить, а вмѣсто живописи, оклеить стѣны бумажными обоями; но чтобъ замѣнить чѣмъ нибудь и сію неизбежную издержку, Марѳа Петровна, рѣшила отказать столяру, въ которомъ, по мнѣнію ея, не было уже большой надобности. Какъ рѣшено, такъ и сдѣлано! Столяра прогнали, подъ ничтожнымъ предлогомъ, Климъ Сидоровичъ самъ заступилъ его мѣсто, при помощи Софроныча.

Можно легко себѣ представить, что отъ этой перемѣны постройка пошла не лучше; но главная цѣль была достигнута: они имѣли двухъ-этажный каменный домъ, которому всѣ сосѣди удивлялись. Желая какъ можно скорѣе насладиться пріятностями новаго жилища, они поспѣшили въ него переѣхать, оставя недостроенными нѣсколько комнатъ верхняго жилья, въ которыхъ не предстояло необходимой надобности.

Въ новомъ домѣ, одно изъ любимѣйшихъ занятій всего семейства Дюндиковыхъ состояло въ томъ, чтобъ смотрѣть изъ окошекъ, чему весьма благопріятствовало самое положеніе дома. Онъ находился прямо противъ шинка, и изъ него видно было все, что тамъ происходило. Конечно, близкое сосѣдство строгихъ господъ не очень нравилось усерднымъ посѣтителямъ шинка; но за то оно имѣло ту выгоду, что шумъ и драки рѣдко бывали между послѣдними. Страхъ неминуемаго и скорого наказанія обыкновенно превозмогалъ въ нихъ даже силу спиртныхъ паровъ; а если когда и случалось исключеніе, то Климъ Сидоровичъ лично прекращалъ воз-

никавшія ссоры самыми дѣйствительными мѣрами. Сама барыня, и даже барышни, нерѣдко участвовали въ этомъ общепольномъ дѣлѣ; однимъ словомъ, близость шинка для всего семейства была неисчерпаемымъ источникомъ пріятнаго и полезнаго препровожденія времени. Софронычъ тоже очень доволенъ былъ этимъ сосѣдствомъ: онъ любилъ, чтобъ все, для него необходимое, находилось у него близко подъ рукою. — Но пора обратиться къ нашимъ путешественницамъ.

Когда карета подъѣхала къ крыльцу, Анюта встрѣтилъ одинъ изъ лакеевъ Дюндика, и на вопросъ Клары Кашпаровны: «дома ли паны?» отвѣчалъ: не знаю. Анюта очень удивилась такому отвѣту; ибо, не выйдя еще изъ кареты, она замѣтила широкое лицо опекуна, выглядывавшее изъ нижняго этажа, и нѣсколько женскихъ головъ, высунувшихся изъ оконъ верхняго; но не успѣла она еще выйти, какъ уже всѣ скрылись. Путешественницамъ нашимъ между тѣмъ отворили двери, и онѣ вошли въ просторную залу, гдѣ оставили ихъ однѣхъ.

Долго сидѣли онѣ въ залѣ, и никто къ нимъ не являлся. Наконецъ Клара Кашпаровна, потерявъ терпѣніе, вышла изъ залы и съ трудомъ отыскала человѣка, у котораго опять спросила: «дома ли хозяева?» На этотъ разъ ей отвѣчали, что о нихъ уже докладывали, и что барыня скоро просить ихъ будетъ къ себѣ. Еще протекло около четверти часа, въ продолженіе которой Клара Кашпаровна нетерпѣливо прохаживалась по комнатѣ; а Анюта сидѣла въ задумчивости, мечтая о тетускѣ и о Владимірѣ; наконецъ пришли повѣстить, что барыня ихъ ожидаетъ. Онѣ немедленно послѣдовали за посланнымъ, который ввелъ ихъ въ гостиную, гдѣ хозяйка дома, сидя величественно на софѣ, какъ будто на тронѣ, привѣтствовала ихъ однимъ наклоненіемъ головы, не вставая съ мѣста.

Сухой пріемъ этотъ привелъ въ замѣшательство бѣдную Анюту: сначала она подошла къ хозяйкѣ, чтобъ поцѣловаться; но видя, что Марѳа Петровна осталась неподвижною, она съ робостью сѣла подлѣ нея, не говоря ни слова. Клара Кашпаровна, подождавъ немного,

чтобъ пригласили ее присѣсть, и смѣкнувъ, что ожиданія ея будутъ напрасны, также опустилась на стулъ немного подалѣе. Глубокое молчаніе царствовало въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ; барыня между тѣмъ съ надменнымъ видомъ осматривала Анюту съ ногъ до головы, отъ чего бѣдная дѣвушка безпрестанно краснѣла. Наконецъ Марѳа Петровна рѣшилась прервать молчаніе.

«Зачѣмъ вы не пріѣхали сюда съ опекуномъ вашимъ, Оекла Кузминишна?» сказала она.

Анюта, приведенная въ замѣшательство еще прежде этого вопроса, не отвѣчала ни слова, не понявъ даже въ первую минуту, что онъ касался до нея.

«Ну!» продолжала Марѳа Петровна: «я спрашиваю, зачѣмъ вы не пріѣхали прежде съ Климомъ Сидоровичемъ?»

— Барышню зовутъ Анной Трофимовной, матушка! — подхватила Клара Кашпаровна.

«Право? я и не знала этого... Ну, бѣда не велика!... Отъ чего же мнѣ въ голову пришло, что зовутъ ее Кузминишной? — Да! она ужасно какъ похожа на дочь дворецкаго нашего... только та, не прогнѣвайтесь, немного попригожѣе и помоложе... а который вамъ годъ!»

— Восемнадцать лѣтъ. —

«Неужь-то? я думала, по крайней мѣрѣ за двадцать! Что жъ, я чай, въ Монастырѣ своемъ научились по-Французски и по-Тальянски!»

— Я говорю по-Французски. —

«Здѣсь это совсѣмъ не въ модѣ! Мы люди Русскіе... иностраннаго не любимъ... Вотъ мои дочери говорятъ по-Французски, могу сказать, не хуже другихъ, да я имъ запретила коверкать языкъ.... Покорно прошу не вводить у меня въ домъ этихъ заморскихъ затѣй... я попугаевъ не терплю; понимаете ли?»

Бѣдная Аня не знала, что отвѣчать. Она еще болѣе покраснѣлась и робко взглянула на

Марѳу Петровну; но встрѣтивъ ея сверкающіе взоры, опять потупила голову, и слезы брызнули изъ глазъ ея.

«Это что такое?» вскричала Марѳа Петровна: «о чемъ это, сударыня, вы плачете? Смотри пожалуй, какая нѣжная! Обидно вамъ, что ли, что я даю вамъ совѣты?»

Анюта, непривыкшая къ такому обращенію и сама стыдясь своей робости, еще пуще заплакала, и въ самое это время вошелъ Климъ Сидоровичъ съ обѣими дочерьми. Бѣдная Анюта спѣшила утереть глаза; но тщетно старалась она воздержаться отъ слезъ. Между тѣмъ барышни, довольно учтиво поклонившись, подошли къ ней цѣловаться, а Дюндикъ остановился у дверей, не зная, что начать. Невольное уваженіе къ Анютѣ, а можетъ быть и нѣкоторое о ней сожалѣніе, сильно въ немъ боролось съ страхомъ прогнѣвать свою супругу. Марѳа Петровна замѣтила его недоумѣніе: «Ну, что жъ ты остановился?» вскричала она: «чего испугался? И тебѣ не хочется ли поплакать за компанію?»

— Да кажется, не о чемъ, матушка! —

«Какъ не о чемъ? Развѣ ты не видишь, какъ разнѣжилась твоя расхваленая! Иной подумалъ бы, что съ нею и не вѣдь что сдѣлали, а я и пальцемъ до нея не дотрогивалась! Вотъ тебѣ Петербургское воспитаніе!»

— Да что съ нею сдѣлалось, матушка? — спросили въ одинъ голосъ барышни, поглядывая съ боку на Анюту, и съ любопытствомъ ее осматривая.

«А спросите у нея у самой! Она расплакалась о томъ, что у меня въ домѣ не велятъ говорить по-Французски! Ну ужъ монастырское воспитаніе! Благодарю Бога Всевышняго, что мои дочери не наглotalись Петербургскаго воздуха! Вотъ какъ изъ Русскихъ дѣлаются чужестранками! Упаси насъ, Господи, и помилуй! А ты, все таки ни слова не говоришь? Вѣдь ты опекунъ? Да, правда, въ тебѣ самомъ нѣтъ Русскаго духу! Я чай, самъ заговорилъ бы по-Французски, если бъ умѣлъ....»

— Сохрани меня, Господи, матушка! Ни за какія деньги! —

«Ну такъ что жъ ты ничего ей не скажешь?» прикрикнула на него Марѳа Петровна. —

— Да Анна Трофимовна, я думаю, сами чувствуютъ, что ты дѣло говоришь, матушка! — сказалъ наконецъ испуганный Климъ Сидоровичъ. — Самъ Богъ не велитъ намъ говорить по-Французски! Вѣдь если бъ была на то воля Божія, чтобъ Русскіе говорили по-Французски, такъ у насъ — такъ у насъ — этотъ языкъ былъ бы природнымъ! Не такъ ли, Анна Трофимовна? —

Климъ Сидоровичъ такъ доволенъ былъ симъ логическимъ доказательствомъ безполезности Французскаго языка, что гордо выпрямилъ спину, и посмотрѣлъ съ торжествующимъ видомъ на свою супругу, которая все еще бросала сердитые взгляды на бѣдную Анюту.

Между тѣмъ продолженіе сцены этой произвело на Анюту совсѣмъ иное дѣйствіе, не-

жели какого ожидать можно было, судя по ея робости. Чувство собственного достоинства въ ней вдругъ пробудилось отъ столь неприличнаго съ нею обхожденія: она перестала плакать; скромно, но притомъ безъ робости, взглянула на Марѳу Петровну, и сказала ей твердымъ голосомъ:

«Извините меня, сударыня! Я чувствую, что пріѣхала не во время... я оставила тетушку не очень здоровою... Позвольте мнѣ немного отдохнуть и отправиться обратно въ Барвенново...»

Марѳа Петровна остолбенѣла, увидѣвъ столь неожиданную рѣшительность Анюты; тутъ она почувствовала, что некстати обнаружила свою злобу. Еще прежде пріѣзда Анюты, она часто раздумывала, какимъ бы образомъ помѣшать, чтобъ ненавистная сиротка не чванилась Французскимъ языкомъ передъ ея барышнями; ибо она ни мало не сомнѣвалась, что Анюта воспользуется этимъ преимуществомъ, чтобъ взять верхъ надъ ними. При всемъ томъ она не имѣла намѣренія поступить съ нею такъ су-

рово при первомъ свиданіи; но когда она увидѣла красоту Анюты, зависть еще сильнѣе въ ней закипѣла и совершенно затмила ея разсудокъ. Теперь она начала жалѣть о своей опрометчивости, но не знала, какъ исправить свою ошибку. Удержать Анюту насильно не было никакой возможности, особливо при Кларѣ Кашипаровнѣ, которую не легко было бы привести въ робость. А между тѣмъ она была увѣрена, что планы ея разрушатся навсегда, если она выпуститъ Анюту изъ дому. Какимъ образомъ заманить ее къ себѣ опять? И какъ тогда воспрепятствовать ея соединенію съ Блистовскимъ? — Въ досадѣ на самую себя, она готова была рвать на себѣ волосы, и наконецъ, въ полномъ чувствѣ безсильной злобы своей, сама принялась горько плакать.

При видѣ слезъ Марѣы Петровны, бѣдная Анюта опять оробѣла: ей пришло на мысль, что она, можетъ быть, поступила нескромно, показавъ столь явно свое неудовольствіе. Во всю жизнь свою Анюта никого еще не огорчала умышленно, а тутъ, при первомъ вступле-

ніи въ домъ, она привела въ слезы женщину, почтенную лѣтами, жену опекуна своего! Хотя не чувствовала она въ себѣ никакой вины, но робкая ея скромность не позволяла обвинять исключительно и Марѳу Петровну, а горькія слезы, сею послѣднею проливаемые, вдругъ изгладили изъ добраго сердца Анюты непріятное впечатлѣніе, произведенное суровымъ ея пріемомъ. Чѣмъ болѣе Марѳа Петровна плакала, тѣмъ болѣе Анюта начинала находить себя виноватою, и наконецъ, въ недоумѣніи своемъ, готова была просить извиненія. Смущеніе ея не скрылось отъ проницательности барышень, и Вѣра Климовна, скоро понявъ, какимъ образомъ воспользоваться ея неопытностію, подошла къ ней и шепнула ей на ухо ласковымъ голосомъ: «Бога ради, не огорчайте матушки; она очень нездорова. Вчера цѣлый день была ее лихорадка; она не спала всю ночь!» —

Эта выдумка рѣшила всѣ сомнѣнія Анюты, и въ глазахъ ея объяснила самымъ удовлетворительнымъ образомъ странное поведеніе Марѳы Петровны. Выразительныя черты ея лица

такъ живо изобразили сожалѣніе о больной, что Вѣра Климовна, не сомнѣваясь уже въ ея согласіи, поспѣшно обратилась къ матери и сказала: «Я покажу Аннѣ Трофимовнѣ комнату, для нея приготовленную.»

Марѣа Петровна, въ знакъ согласія, кивнула головою, а барышни, не теряя времени, схватили Анюту подъ руки и увели ее изъ гостиной, пригласивъ съ собою и Клару Кашпаровну.

Лишь только онѣ вышли, Марѣа Петровна погрозила имъ въ слѣдъ кулакомъ, но, задыхаясь отъ злости, не могла выговорить ни слова.

==

ГЛАВА XVI.

ПРИНУЖДЕННАЯ РАЗЛУКА.

Слезы Марѣы Петровны не переставали еще долго, когда осталась она одна съ мужемъ; и надобно признаться, что она проливали ихъ не безъ причинъ. Необходимость казаться ласково, когда неукротимая ненависть внушала ей совсѣмъ другое, была для нея такимъ мучительнымъ чувствомъ, что она не въ силахъ была его перенести. А когда, въ добавокъ къ тому, ей приходила на мысль, что должно принуждать себя не передъ важною какою нибудь особою, но передъ этою ничтожною дѣвчонкою, передъ этою ненавистною мо-

настыркою; тогда она приходила въ совершенное изступленіе. Климъ Сидоровичъ, между тѣмъ, стоялъ передъ нею, вытянувшись, и едва осмѣливался переводить духъ. Правая его рука немного приподнята была къверху, и первые три пальца сложены были вмѣстѣ: иной подумалъ бы, что онъ намѣренъ отъ страха перекреститься, но, вмѣсто того, онъ держалъ ими табакъ, который боялся поднести къ носу, чтобъ движеніемъ руки не раздражить еще болѣе своей гнѣвной супруги. Не смотря однако на всѣ сіи предосторожности, Марѳа Петровна, какъ скоро немного пришла въ себя, обратилась къ мужу съ громкими упреками.

«Вотъ, до чего я дожила!» вскричала она: «Вотъ, каково имѣть мужемъ такую безчуживенную тушу, какъ ты! Ну, таки есть ли въ тебѣ совѣсть? Видить, что бѣдная жена его въ такомъ положеніи, и онъ хоть-бы полъ-словечка! Стойтъ, повѣся носъ, да табакъ понюхиваетъ! Какъ будто у него нѣтъ языка въ глоткѣ!»

— Да умиласердись, матушка! Что же мнѣ

дѣлать? Я, Богъ свидѣтель, и не знаю даже, о чемъ ты плачешь? —

«О чемъ я плачу, чурбанъ! Я развѣ не мать! Миѣ развѣ весело видѣть, что чужіе берутъ верхъ надъ родными моими дочерьми? Брось-ка свою курячую слѣпоту, да взгляни на монастырку... твои дочери точно шинкарки передъ нею: ни ступить, ни шагнуть не умѣютъ; — а вмѣсто Французскаго языка, чему ты ихъ научилъ съ своимъ Софронычемъ? а?»

— Да что жъ миѣ дѣлать, Марѳа Петровна... —

«Что тебѣ дѣлать? А кто виноватъ, что Орленкова болѣе нравится Блистовскому, чѣмъ Вѣра?»

— Неужь-то я, матушка? —

«Не-бось, не ты? Кто тебѣ велѣлъ отправить ее въ Монастырь, гдѣ научилась она тому, что намъ и во снѣ никогда не грѣзилось? А я, бѣдная мать, еще должна передъ нею притворяться и посматривать ей въ глаза, тогда, какъ я бы ихъ у ней выцарапать хотѣла, да и у тебя тутъ же...»

Упреки эти и крикъ Марѣы Петровны прекратились тогда только , когда она совершенно выбилась изъ силъ. Отдохнувъ немного и собравшись съ мыслями , она вспомнила , что въ подобныхъ случаяхъ слезы не ведутъ ни къ чему ; и для того , укротивъ гнѣвъ свой на Клима Сидоровича , начала съ нимъ совѣтоваться о томъ , что оставалось имъ дѣлать для достиженія своей цѣли.

Когда Климъ Сидоровичъ возвратился изъ поѣздки своей въ Барвеново , Марѣа Петровна никакъ не могла простить ему , что не привезъ онъ съ собою Аняты. Обѣщаніе Анны Андреевны самой проводить ее къ нимъ , ни мало ее не утѣшало ; ибо присутствіе тетуски она , не безъ основанія , считала важною помѣхою въ исполненіи своего намѣренія. Поэтому-то она въ то время и рѣшилась отправить мужа опять въ Барвеново , хотя и тутъ не была увѣрена , что ему удастся разлучить Аняту съ тетускою. Но теперь случай по-благопріятствовалъ Марѣѣ Петровнѣ выше ея ожиданій. Анята сама явилась къ ней въ домъ , не дождавшись вторичнаго пріѣзда опе-

куна, и, вмѣсто тетушки, сопровождала ее Клара Кашпаровна, съ которою гораздо легче было управиться. Вникнувъ въ это обстоятельство, столь благопріятное для ея видовъ, Марѳа Петровна перестала огорчаться тѣмъ, что ей должно было на первый случай притворствоваться передъ монастыркою. Мысль объ успѣхѣ, который теперь казался ей несомнительнымъ, ее развеселила, а съ переменною ея расположенія духа совершенно переменилось и обращеніе ея съ мужемъ. Она довольно ласково вступила съ нимъ въ подробный разговоръ, и примиренные супруги, постановивъ между собою основные пункты заговора противъ беззащитной сиротки, разстались почти друзьями.

Между тѣмъ Анюту привели въ назначенную ей комнату, примыкавшую съ одной стороны къ спальнѣ барышень, съ другой къ недостроеннымъ покоямъ. Вѣра и Софья Климовны приказали внести всѣ пожитки своей гостыи, и сами помогали разстѣлывать ихъ по комнатамъ. Кларѣ Кашпаровнѣ отведенъ былъ особый покой во флигелѣ, и хотя Аня вну-

тренно желала, чтобъ помѣстили ихъ вмѣстѣ, но не смѣла изъяснить этого желанія, опасаясь обезпокоить тѣмъ барышень, находившихся въ такомъ близкомъ съ нею сосѣдствѣ.

Анюта, по добродушію своему, легко повѣрила рассказамъ о болѣзни Марѣы Петровны, и считая себя виноватою передъ нею, рѣшилась пробыть въ Будищахъ по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю, чтобъ ласковымъ обращеніемъ съ опекуншею загладить мнимый свой проступокъ. Обѣ барышни всячески старались ей понравиться, и съ удовольствіемъ видѣли, что старанія эти были небезуспѣшны. Анюта, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія о заговорѣ семейства Дюндиковыхъ, не сомнѣвалась въ искренности ихъ ласкъ, и тѣмъ болѣе сожалѣла о недоразумѣніи, случившемся между ею и Марѣою Петровною. Такимъ образомъ молодыя дѣвушки скоро познакомились между собою, и когда Климъ Сидоровичъ пришелъ, спустя нѣсколько времени, позвать ихъ внизъ къ обѣду, Анюта уже совершенно убѣждена была въ дружескомъ къ себѣ расположеніи новыхъ своихъ по-

другъ. И Марѳа Петровна, между тѣмъ, умѣла скрыть настоящія свои чувствованія, встрѣтила ее съ пріятною улыбкою и ласково подала ей руку, которую бѣдная Анята, по невольному движенію добраго и невиннаго сердца, поцѣловала.

Весь остатокъ дня этого они, по наружности, провели довольно весело. Марѳа Петровна, принявъ твердое намѣреніе казаться доброю, и притомъ, увѣренная, что невозможно на первыхъ порахъ удержать Аняту насильно, удачно скрывала свою ненависть, утѣшаясь тѣмъ, что принужденная ея ласковость не будетъ продолжительна. «Дай срокъ, голубушка!» думала она: «и на моей улицѣ будетъ праздникъ!» И всякой разъ, когда вспоминала она объ этомъ праздникѣ, кровь у ней въ сердцѣ клокотала отъ радости, и въ глазахъ сверкали искры. Между тѣмъ съ притворнымъ участіемъ спрашивала она о монастырской жизни, о тетущкѣ, и рассказывала о связяхъ своихъ съ покойнымъ Маіоромъ, котораго она съ роду и въ глаза не видала. Другая, на мѣстѣ Аняты, при всемъ стараніи Дюндиковыхъ

скрыть настоящія свои чувствованія, вѣроятно бы ихъ отгадала; ибо злость Марѣы Петровны и зависть дочерей, противъ воли ихъ, проникали сквозь личину дружбы; но Анюта слишкомъ еще была неопытна. Одинъ Климъ Сидоровичъ казался ей страннымъ и на самого себя непохожимъ. Почтительное обращеніе его съ нею въ домѣ тетушки теперь уступило мѣсто какой-то принужденной учтивости, иногда прерываемой такими пріемами, которые ей приводили на память первую съ нимъ встрѣчу въ Барвеновѣ. Но она не обращала большаго вниманія на эту перемену, и никакія подозрѣнія ей на умъ не приходили. Клара Кашпаровна, напротивъ того, хотя и проникла лживыя ласки Дюндиковыхъ, но съ одной стороны не имѣла случая поговорить съ Анютою на-единѣ, съ другой же считала излишнимъ огорчить ее этимъ открытіемъ. Она не предвидѣла никакой опасности для Анюты, и пребываніе ихъ въ Будищахъ казалось ей неизбѣжною необходимостію, которой тѣмъ болѣе надлежало покориться съ терпѣніемъ, что это пребываніе, по мнѣнію ея, не могло быть продолжительнымъ.

На другой день поутру, когда всѣ собрались къ чаю, и недоставало одной Клары Кашпаровны, которую съ намѣреніемъ забыли позвать, Марѳа Петровна, какъ будто нечаянно замѣтивъ ея отсутствіе, спросила вдругъ у Клима Сидоровича :

«А гдѣ Клара Кашпаровна? Зачѣмъ ее не позвали къ чаю?»

— Да она вѣрно укла дывается, матушка! — отвѣчалъ Дюндикъ. Вѣдь вы сегодня ее отправите, Анна Трофимовна? — продолжалъ онъ, обратясь къ Аниотѣ, которая, при такомъ странномъ для ней вопросѣ взглянула на него съ удивленіемъ.

«Куда, Климъ Сидоровичъ?»

— Да куда угодно. Мнѣ почему знать, куда! Лучше бы ей однако жъ захватить въ Барвеново, вы съ нею написали бы къ тетюшкѣ. —

«Да на что это, Климъ Сидоровичъ? Она

проводить меня назадъ! мы и съ тетушкой такъ условились!»

— Ну... какъ хотите. Чтобъ она только не соскучилась, васъ дожидавшись! —

«Вѣрно не соскучится. Клара Кашпаровна такая добрая! Она обѣщалась пробыть со мною недѣлю въ Будищахъ, а потомъ еще хотѣла погостить нѣсколько дней у насъ. Мы всѣ ее очень любимъ.»

— Недѣлю! — вскричали въ одинъ голосъ Марѳа Петровна и обѣ дочери. — Вы хотите остаться у насъ только одну недѣлю? —

«Долѣе никакъ мнѣ невозможно! Тетуська будетъ беспокоиться: я обѣщалась непременно...»

— Какъ вамъ не стыдно, Анна Трифимовна! Вы совсѣмъ насъ не любите! — сказали барышни.

«Да я никакъ васъ не выпущу» — подхва-

тилъ Дюндикъ. «Вы довольно долго жили у тетушки, теперь надобно пожить у насъ. Я не знаю, за что вы насъ не любите, Анна Трофимовна! Батюшка вашъ, покойникъ, насъ, кажется, жаловалъ...»

— И я васъ люблю и почитаю, да только я обѣщалась тетушкѣ... —

«Ужъ мнѣ эта тетушка!» нетерпѣливо прервалъ ее Дюндикъ. «Неужъ-то она такая важная барыня, что по ея дудочкѣ всѣмъ плясать должно!»

Анюта раскраснѣлась и взглянула на опекуна. Огорченіе, возбужденное въ ней неуважительнымъ тономъ, съ которымъ относился онъ о тетушкѣ, такъ живо отразилось въ ея глазахъ, что сама Марѳа Петровна пришла въ замѣшательство. Она побоялась, чтобъ Анюта не вздумала, по вчерашнему, отъ нихъ уѣхать, и потому бросила значительный взглядъ на мужа, который, понявъ оный, тотчасъ замолчалъ и опустилъ глаза въ землю.

«Ужъ вы непременно всегда пересолите во

всемъ,» сказала ему Марѳа Петровна съ видомъ упрека. «Мы, конечно, всѣ желаемъ, чтобъ Анна Трофимовна осталась съ нами по-долѣе, да что жъ дѣлать, если ей невозможно...»

Анюта хотѣла отвѣчать, но въ самое это время вошла Клара Кашпаровна, которая, увидѣвъ, что ея никто не приглашаетъ, рѣшилась прійти сама собою. Вѣра и Софья тотчасъ вступили съ нею въ разговоръ, чтобъ отклонить вниманіе Анюты отъ прежняго предмета.

Послѣ чая подали коляску, и барышни пригласили Анюту ѣхать съ ними кататься. Марѳа Петровна и супругъ ея остались дома, подъ предлогомъ занятій по хозяйству. Погода въ тотъ день была прекрасна, и прогулка молодыхъ дѣвушекъ продолжалась нѣсколько часовъ. Отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ села, онѣ вышли изъ коляски, чтобъ погулять въ прекрасной дубовой рощѣ, принадлежавшей къ владѣніямъ Дюндика. Время протекло непримѣтно, и когда возвратились онѣ въ домъ, столъ ужъ былъ накрытъ, и вскорѣ по пріѣздѣ ихъ сѣли обѣдать.

Анюта въ первую минуту замѣтила, что не было тутъ Клары Кашпаровны. Сначала она подумала, что она не замедлитъ прійти; но увидѣвъ по прошествіи нѣкотораго времени, что спутница ея все еще не являлась, она рѣшилась о ней освѣдомиться.

«Клара Кашпаровна поѣхала погостить до завтра, здѣсь въ сосѣдствѣ» — отвѣчалъ равнодушно Климъ Сидоровичъ. «Вѣдь у ней знакомыхъ-то много, по всей Малороссіи!»

Анюта знала, что у Клары Кашпаровны дѣйствительно были знакомые въ сосѣдствѣ, и потому ей не показалась удивительною ея отлучка. Неласковое съ нею обращеніе всего семейства такъ было очевидно, что Анюта даже обрадовалась этому извѣстію, и внутренно желала, чтобъ отсутствіе ея продолжилось долѣе, чѣмъ до слѣдующаго утра. Какъ бы испугалась она, если бы знала, что добрая Нѣмка не возвратится въ домъ Клима Сидоровича!

Лишь только, поутру, поѣхали онѣ гулять, какъ Марѳа Петровна, приказавъ призвать къ

себѣ Клару Кашпаровну, объявила ей безъ обиняковъ, что Анюта рѣшилась остаться у нихъ въ домѣ, а ее велѣла просить немедленно отправиться въ Барвеново, чтобы увѣдомить о томъ тетушку. Неожиданное это извѣстіе крайне изумило Клару Кашпаровну. Такой поступокъ со стороны Анюты показался ей совсѣмъ невѣроятнымъ, и потому она объявила наотрѣзъ, что никакъ не поѣдетъ, не переговоривъ напередъ съ Анной Трофимовной, и не получивъ отъ нея письма къ тетушкѣ. Но съ Марѳою Петровною сладить было не легко. Она разсердилась, начала говорить о правѣ, которое мужъ ея имѣлъ надъ Анютою, въ слѣдствіе завѣщанія отца ея, и наконецъ рѣшительно подтвердила, что Клара Кашпаровна должна ѣхать непременно. Сколько сія послѣдняя ни была не труслива, но поостереглась, увидя ее въ такомъ гнѣвѣ; при всемъ томъ однако не могла воздержаться, чтобъ не показать, что она не дается въ обманъ въ этомъ случаѣ.

«Воля ваша, матушка!» сказала она. «Гнѣвайтесь, сколько угодно, а я знаю Анну Трофимовну лучше вашего. Быть не можетъ,

чтобъ она не хотѣла возвратиться къ тетушкѣ. Вы удерживаете ее насильно!»

— А когда бы и такъ! Кому какое до того дѣло! Я опекунша, и имѣю на то право.... —

«Извините, матушка, не у васъ она подъ опекой, а у Клима Сидоровича...»

— Да чего вы такъ растараторились? Она въ опекѣ у Клима Сидоровича, а Климъ Сидоровичъ у меня; такъ и выходитъ, что все таки у меня она въ опекѣ, а не у васъ! Впрочемъ ваше дѣло молчать, а не учить меня. Видишь, какая! Ее будто спрашиваютъ! Изъ-за нея, да я въ домъ своемъ не буду госпожею! Нѣтъ, матушка! пораньше было бы вамъ встать для этого!... Да что тутъ долго разговаривать! Карета ваша должна быть готова: вотъ Богъ, а вотъ двери!

Бѣдная Клара Кашпаровна ни какъ не ожидала такой тяжелой обиды. Разогорченная, долго не знала она, что отвѣчать; наконецъ сказала прерывающимся отъ досады голосомъ:

«Прекрасно, матушка Марѳа Петровна?... Могу сказать, что этого съ роду со мною не бывало!.. Не безпокойтесь, сударыня! Я сама поѣду. И не приведи меня, Господи, чтобъ опять нога моя была у васъ въ домѣ! Спасибо, сударыня, за хлѣбъ, за-соль; за пріятное угощеніе, да за ласковое обхожденіе! И васъ благодарю, Климъ Сидоровичъ, за то, что выгоняете меня изъ дому, какъ шальную собаку. Буду хвалиться вашими ласками, батюшка, буду хвалиться!»

— Я васъ не выгоняю, Клара Кашпаровна, — сказалъ Климъ Сидоровичъ въ большомъ замѣшательствѣ: — я только покорно прошу ѣхать въ Барвеново, или куда самимъ угодно... Анна Трофимовна остаются жить у насъ... —

«Спасибо, мой батюшка, спасибо! Буду хвалиться вашимъ угощеніемъ!...»

Клара Кашпаровна съ сими словами вышла изъ комнаты, сопровождаемая громкимъ смѣхомъ Марѳы Петровны, а Дюндикъ пошелъ за нею въ слѣдъ, все увѣряя ее, что ея не выго-

няють изъ дому. Мысль, что извѣстіе объ этомъ приключеніи вскорѣ распространится повсюду, его нѣсколько тр-вожила; ему извѣстно было, что Клара Кашпаровна любима была всѣми. О Блистовскомъ онъ также вспомнилъ при этомъ случаѣ, и сердце въ немъ забилося сильнѣе обыкновеннаго. Если бы не супруга его, то онъ рѣшился бы оставить Анюту совсѣмъ въ покоѣ. «Пускай бы она выходила за мужъ,» думалъ онъ: «за кого угодно! Но Марѳа Петровна... о, Марѳа Петровна! И вѣдь это, въ случаѣ неудачи, оборвется на мнѣ!» — Подобныя мысли тѣснились въ его умѣ толпою, и онъ съ поникшей головой проводилъ Клару Кашпаровну до самага крыльца.

«Мое почтеніе Аннѣ Андреевнѣ!» сказалъ онъ когда она начала сходить съ лѣстницы. «Да не поминайте насъ лихомъ!»

— Буду помнить, батюшка! Буду помнить! — отвѣчала Клара Кашпаровна, и не оглядываясь на него, пошла въ свой флигель, откуда чрезъ нѣсколько минутъ отправилась въ путь, въ той самой каретѣ, въ которой пріѣха-

ла она наканунѣ съ Анютою. Крестьянинъ, сопровождавшій ихъ изъ Барвенова поѣхалъ съ нею, по приказанію Клима Сидоровича который, кромѣ того, велѣлъ еще проводить ихъ собственному своему человѣку для доставленія обратно господскихъ лошадей, съ ними отправленныхъ. Мы увидимъ послѣ, что все это устроено было не безъ намѣренія.

И такъ Аня лишилась единственной поддержки, бывшей у ней въ домѣ опекуна. Удаленіе такого непріятнаго свидѣтеля, какова была Клара Кашпаровна, обрадовало все семейство Дюндиковыхъ, и въ первый вечеръ уже была замѣтна переменѣна въ обращеніи ихъ съ Анютою. Климъ Сидоровичъ говорилъ много, и описывая вѣлѣрѣчиво оказанныя имъ покойному Маіору благодѣянія, хвалился всегдашнимъ къ нему почтеніемъ сего послѣдняго. Онъ неоднократно коснулся также и завѣщанія, по которому будто бы Аня отдана была совершенно въ его зависимость; и смѣло увѣрялъ, что единственно по усиленной его просьбѣ, Полковникъ Р** тогда взялъ ее съ собою въ Петербургъ. Тутъ Марѳа Петровна, перебивъ его рѣчь, за-

мѣтила, что онъ напрасно хвастается этимъ подвигомъ. Она начала разсуждать о вредныхъ слѣдствіяхъ Петербургскаго воспитанія, о безполезности иностранныхъ языковъ, въ особен-ности Французскаго, — и всѣ разсужденія эти приправляла колкими выходками на Монастырь. Хотя разговоры сіи не выходили изъ границъ благопристойности и, казалось, не относились прямо къ Анямъ; но у бѣдной дѣвушки неоднократно на глазахъ слезы, при слушаніи неосновательныхъ и несправедли-выхъ сужденій о монастырскомъ воспитаніи, которому она столько была обязана. Нѣсколь-ко разъ покушалась она, со всевозможною скромностію, опровергать мнѣнія Марѣи Пет-ровны; но увидѣвъ, что это ее раздражало, она перестала ей противорѣчить. Къ новому огорченію Аняты, и новыя ея подруги уже не столько были ласковы съ нею, какъ передъ обѣдомъ; и она въ недоумѣніи своемъ тщетно разбирала всѣ поступки свои, не понимая ни-какъ причины такой переменѣны.

Удалившись послѣ ужина въ свою комна-ту, она долго размышляла о странномъ съ

нею обхожденіи всего семейства. Непріятныя мысли невольно представлялись ей воображенію и долго мѣшали ей заснуть. Тутъ вспомнила она, что въ теченіе почти двухдневнаго ея пребыванія въ этомъ домѣ, никто не упомянулъ ни однажды о Блистовскомъ. Опасенія доброй Праскуты также ей пришли на умъ; она начала теперь подозрѣвать глухо, что онѣ дѣйствительно могли быть основательны, хотя съ другой стороны никакъ не понимала, какимъ бы образомъ Дюндиковы могли воспрепятствовать ея браку съ Владиміромъ? Сердце ея сильно билось при этихъ размышленіяхъ; но надежда, дней черезъ пять отправиться обратно домой, ее ободряла. Воспоминанія о тихой, безмятежной жизни въ Барвеновѣ, о нѣжной заботливости простодушной Анны Андреевны, о искренней, безкорыстной привязанности бѣдной Праскуты — разгоняли мрачныя думы ея, какъ солнечныя лучи разсѣваютъ черныя тучи на небѣ. При всемъ томъ, она не могла совершенно избавиться отъ печальныхъ, хотя неопредѣленныхъ, предчувствій, упорно ее преслѣдовавшихъ.

На другой день обхожденіе семейства Дюндиковыхъ, еще болѣе удостовѣрило Анюту въ ихъ недоброжелательствѣ. Барышни, когда она къ нимъ обращалась, отвѣчали сухо и отрывисто; Климъ Сидоровичъ всячески избѣгалъ разговоровъ съ нею, а Марѳа Петровна почти не старалась скрывать свою злобу; и ядовитые взгляды ея, приводили иногда въ трепетъ бѣдную монастырку. Во время обѣда, въ продолженіе котораго никто не говорилъ съ нею почти ни слова, пріѣхалъ Прыжковъ. Анюта сначала обрадовалась появленію новаго лица, прервавшаго непріятное ея положеніе. Она вовсе не была знакома съ пріѣзжимъ гостемъ и не подозрѣвала, что это тотъ самый молодецъ котораго похожденія въ Ромнахъ, извѣстны ей были чрезъ Блистовскаго. Послѣ первыхъ привѣтствій, Прыжковъ какъ будто безъ намѣренія, сталъ рассказывать что онъ на пути къ нимъ заѣзжалъ къ ихъ сосѣду; гдѣ видѣлъ Клару Кашпаровну, которая при немъ отправилась въ Барвеново къ Аннѣ Андреевнѣ Лосенковой. Можно представить себѣ смущеніе Анюты! «Быть не можетъ!» вскричала она съ торопливостію, покраснѣвъ по уши. «Вы

вѣрно ошибаетесь, это была не Клара Кашпаровна!»

— Могу васъ увѣрить, сударыня! отвѣчалъ Прыжковъ хладнокровно, — что я не ошибся. Я очень хорошо знаю Клару Кашпаровну, и она при мнѣ садилась въ карету. —

«Боже мой! что ей это вздумалось? Какъ же она меня оставила одну? Не слыхали ли вы, зачѣмъ она туда поѣхала?»

— Я очень долго разговаривалъ съ Кларой Кашпаровной; она такъ была мила и весела, какъ мнѣ давно не случалось ее видѣть. Она надѣялась чрезъ нѣсколько дней возвратиться сюда изъ Барвенова, и вѣроятно, какъ сказывала она, съ Анной Андреевной. —

«Чего вы испугались матушка!» подхватилъ Климъ Сидоровичъ замѣтивъ смущеніе Анюты. «Какъ будто вы здѣсь между чужими?»

— Я не испугалась; а мнѣ кажется это страннымъ и непонятнымъ... —

«Ничего тутъ нѣтъ непонятнаго! Клара Кашпаровна разочла, что ей веселѣе пробыть въ Барвеновѣ, пока вы погостите у насъ. И Богъ съ нею, мы за это не въ претензіи!»

— Да тетушка приказывала... —

«О чемъ тутъ толковать!» прервала съ нетерпѣніемъ Марѳа Петровна. «Экая бѣда! Что съ вами сдѣлается? Вѣдь мы не съѣдимъ же васъ безъ Клары Кашпаровны! Да впрочемъ, матушка, если для васъ такъ непріятно оставаться у насъ, такъ во всякую минуту можете ѣхать съ Богомъ!»

— Нѣтъ, Марѳа Петровна! Ужъ въ этомъ вы меня извините — сказалъ съ важностію Климъ Сидоровичъ. — Я не соглашусь отпустить Анну Трофимовну одну. Ужъ если пошло на то, такъ надобно дожидаться извѣстія отъ Анны Андреевны; да вѣрно она сама сюда будетъ. Вѣдь Барвеново не за горами! —

Анюта замолчала. Она чувствовала, что не въ силахъ противоборствовать волѣ опекуна,

и потому, скрѣпясь сердцемъ, рѣшилась съ терпѣніемъ ожидать послѣдствій сего неожиданнаго приключенія. Послѣ обѣда она, не говоря ни слова, отправилась въ свою комнату, и тамъ, безъ свидѣтелей, предалась своему горю. Впрочемъ, она, хотя вовсе не понимала поступка Клары Каппаровны, но твердо была увѣрена, что въ скоромъ времени получить извѣстіе отъ тетушки, и даже не сомнѣвалась, что не замедлятъ ее избавить отъ Дюндиковыхъ, которыхъ непріязненное расположеніе ежеминутно становилось очевиднѣе.

Такимъ образомъ провела она остатокъ этого дня и весь слѣдующій. Угрюмое съ нею обращеніе Марѣы Петровны и явное невниманіе самого Дюндика и барышень, дѣлали положеніе ея весьма тягостнымъ; и одному только Прыжкову иногда удавалось развлекать грустныя мысли ея, разговорами о Петербургѣ и о тамошнихъ ея знакомыхъ, съ которыми, по увѣренію его, онъ находился въ связяхъ.

ГЛАВА XVII.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Сколь ни чувствовала себя несчастною Анята, удостовѣрившись наконецъ въ дурномъ къ ней расположеніи всего семейства Дюндика, сколь она въ такихъ обстоятельствахъ ни горевала о томъ, что у нихъ въ домѣ одна, безъ защиты; но положеніе это показалось бы ей еще несноснѣе, если бы могла она понять въ полной мѣрѣ, ненависть опекуна и въ особенности Марѣы Петровны. Но не чувствуя себя виновною ни въ чемъ, она всѣ дѣйствія ихъ старалась приписать какимъ нибудь недоразумѣніямъ, и утѣшалась надеждою, что, во всякомъ случаѣ, тетушка, по возвращеніи Клары

Кашпаровны въ Барвеново, не приминетъ въ скоромъ времени пріѣхать за нею. — Марѳа Петровна, съ своей стороны, движимая злостію, и подстрекаемая опасеніемъ, что соединенныя силы Анны Андреевны и Блистовскаго, успѣютъ исторгнуть изъ когтей ея бѣдную сироту, удвоила напряженіе ума своего къ достиженію предполагаемой ею цѣли, и для бѣльшаго успѣха, рѣшилась призвать на совѣтъ достойнаго своего племянника. Прыжковъ, какъ намъ уже извѣстно, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ ея довѣренность; но особенно въ этомъ случаѣ, онъ готовъ былъ оказать ей всю помощь, которой только можно было отъ него ожидать; и къ тому побуждала его, кромѣ желанія отомстить Блистовскому, еще другая, не менѣе важная причина. При первой встрѣчѣ, красота Анюты произвела на него глубокое впечатлѣніе, и потому онъ радъ былъ, что представилась ему возможность удовлетворить въ одно время, злобѣ своей противъ Блистовскаго и любви къ его невѣстѣ. Обѣ страсти сіи такъ сильно на него дѣйствовали, что поглотили въ немъ даже чувство страха, внушаемаго Блистовскимъ. Къ тому же онъ по-

лагалъ, что найдетъ средство избѣжать его мщенія, которое впрочемъ уже будетъ безъ цѣли, когда Анюта сдѣлается его женою. При первыхъ словахъ Марѣы Петровны, онъ открылъ ей свои виды, и хотя она съ неудовольствіемъ помышляла о томъ, что Анюта будетъ ея племянницею, но скоро на то согласилась, бывъ увѣрена, что союзъ этотъ составитъ несчастіе какъ Владиміра, такъ и ненавистой Монастырки. Въ слѣдствіе того, дана была особенная инструкція Климу Сидоровичу, какъ главному ихъ орудію, хотя безгласному, но необходимому; и такъ какъ время было дорого, то рѣшились дѣйствовать по условленному плану безотлагательно.

Въ слѣдующее утро Анюта едва успѣла встать и одѣться, какъ вошелъ къ ней въ комнату съ важнымъ видомъ опекунъ, и тщательно затворилъ за собою дверь. Анюта, увидя его, встала и пошла къ нему на встрѣчу.

«Сидите, Анна Трофимовна, сидите!» сказалъ онъ, самъ усѣвшись въ кресла. «Мнѣ надобно переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.»

Анюта молчала.

«Пора матушка, объявить вамъ мнѣніе мое о сватовствѣ Владиміра Александровича. Мнѣніе рѣшительное, котораго ни что перемѣнить не можетъ, ни ваши просьбы, ни пустословіе Анны Андреевны, которая вообще не въ свое дѣло мѣшается; ни даже,» продолжалъ онъ, замѣявшись невольно — «угрозы Г. Блистовскаго, напрасно думающаго, что я его боюсь; я... я не боюсь ни кого на свѣтѣ!»

Анюта поблѣднѣла отъ внутренняго волненія, сколько она ни старалась казаться хладнокровною. Не зная, что отвѣчать на грозное предисловіе опекуна, она потупила глаза, не прерывая молчанія.

«Я объявляю вамъ однажды навсегда, сударыня, что вы должны забыть Блистовскаго, ибо я никогда не соглашусь, чтобы вы за него вышли: я запрещаю вамъ и думать о немъ. Слышите ли?»

Анюта поднялась со стула; требованіе опе-

куна казалось ей слишком дерзкимъ, и она отвѣчала ему довольно твердымъ голосомъ: «Я дала слово Владиміру Александровичу; тетушка насъ благословила, а вы не имѣете ни причины, ни права этому противиться. Извините меня, Климъ Сидоровичъ, я не считаю себя обязанною въ этомъ случаѣ исполнить ваши приказанія.»

— Вы не считаете себя обязанною, я не имѣю права? Развѣ забыли вы, что я опекунъ и заступаю мѣсто отца вашего? —

«Если бъ батюшка былъ живъ, онъ вѣрно не отказалъ бы намъ въ своемъ согласіи, а такъ какъ его нѣтъ на свѣтѣ, то я рѣшилась слѣдовать совѣтамъ тетушки, которая прирѣкла меня съ малолѣтства, и вѣрно....»

— «Опять тетушка, да тетушка! Плевать бы я на нее хотѣлъ, слышите ли? Однажды навсегда запрещаю вамъ думать о Блистовскомъ».

«А я,» — сказала Анюта, выведенная изъ

терпѣнія грубостію опекуна, — «а я однажды навсегда вамъ объявляю, что не намѣрена васъ слушаться. Стыдитесь, Климъ Сидоровичъ такимъ образомъ говорить о тетускѣ».

— «Ха, ха, ха! Вотъ тебѣ на! Вы еще вздумали учить меня! Посмотримъ, на долго ли у васъ станетъ храбрости-то! — Знаете ли вы почеркъ руки покойнаго батюшки?»

«Я никогда его не видала.»

— «А! Такъ вы не видали и завѣщанія его?»

«Вы мнѣ его не показывали.»

— «Хорошо, я вамъ покажу его... Увидимъ, что вы скажете, матушка, увидимъ, кого вамъ надобно слушаться, меня или Анны Андреевны!...»

Съ сими словами Дюндикъ подошелъ къ дверямъ, осторожно отворилъ ихъ, чтобъ опять не ударить въ лобъ Марѳѣ Петровнѣ, и вышелъ изъ комнаты.

Взоры Аниуты, устремленные на опекуна, долго оставались неподвижны по выходѣ его. Мысль тѣснилась за мыслью въ ея умѣ, и она не знала на чемъ остановиться. Рѣшительное приказаніе Дюндика не очень ее испугало, ибо неприличные отзывы его о тетущкѣ раздражили ее до такой степени, что она почувствовала въ себѣ довольно силы для сопротивленія; но онъ упомянулъ о завѣщаніи, объ этомъ свидѣтельствѣ священной воли покойнаго отца ея, противъ которой бороться считала святотатствомъ. Она никогда не видала этого завѣщанія, ибо когда Климъ Сидоровичъ пріѣзжалъ въ Барвеново, его случайно не было съ нимъ, а съ тѣхъ поръ, какъ она находилась у него въ домѣ, ей хотя и приходило неоднократно на умъ его прочитатъ, но она не рѣшалась о томъ попросить опекуна, который совершенно перемѣнилъ обхожденіе свое съ нею. Впрочемъ, подумала она, можетъ ли оно дать ему право поступать со мною такъ самовластно? Тетушка часто рассказывала объ этомъ завѣщаніи, и по словамъ ея, батюшка поручилъ меня только въ покровительство Клима Сидоровича. Мнѣ тогда было не болѣе пяти

лѣтъ отъ роду, и такъ могло ли оно касаться до моего замужства?

Размышленія эти ее не много ободрили, но спустя нѣсколько времени, недоумѣніе, внушенное словами Дюндика, опять взяло верхъ надъ ея умомъ. Въ иныя минуты, она, приводя себѣ на память читанныя ею Романы, думала даже, не назначилъ ли ее батюшка къ монашеской жизни; но потомъ отвергала она эту мысль, какъ несбыточную, несообразную ни съ Русскими обыкновеніями, ни съ извѣстными ей, по рассказамъ тетушки, правилами покойника. «Къ тому же,» замѣтила она сама себѣ: «тетушка вѣрно бы мнѣ что нибудь сказала объ этомъ; но не промолчала ли она о томъ единственно для того, чтобъ меня не огорчить?»

Колеблемая такимъ образомъ множествомъ противоположныхъ мыслей и догадокъ, она между нетерпѣніемъ и страхомъ ожидала возвращенія Дюндика, обѣщавшаго показать ей завѣщаніе; но опекунъ не возвращался. Безпокойство бѣдной Анюты ежеминутно возраста-

ло, и наконецъ, обезсиленная мучительною борьбою, происходившею въ ея душѣ, она почти безъ чувствъ сѣла въ кресла, тщетно стараясь отдалить печальныя предчувствія, которыя противъ воли толпились въ ея душѣ.

Въ этомъ мучительномъ положеніи провела она нѣсколько часовъ. Около нее все было тихо, въ сосѣдней комнатѣ гдѣ жили барышни, не слыхать было ни какого движенія.

Наконецъ услышала она тяжелые шаги опекуна. Сердце ея затрепетало; ей хотѣлось встать, но она почувствовала, что ноги ея подкашивались, и принуждена была опять опуститься въ кресла. Отворилась дверь и вошелъ Климъ Сидоровичъ. Въ другой комнатѣ мелькнуло сердитое лице Марѣы Петровны, изображающее любопытное вниманіе, и хотя дверь тотчасъ опять затворилась и Анюта не могла даже отдать себѣ яснаго отчета, точно ли она ее видѣла, но сердце въ ней еще сильнѣе забилося; ей представилось глухо, какъ будто она должна услышать смертный свой приговоръ, а Марѣа Петровна готовится

войти, чтобъ быть свидѣтельницею ея мученія.

Дюндикъ держалъ въ рукахъ бумагу. Брови его были нахмурены и лобъ наморщенъ. Ожидая сопротивленія со стороны нашей страдальцы и бывъ наученъ женою, онъ заранѣе принялъ на себя самый строгій видъ, но при видѣ блѣдной Анюты, сидящей въ креслахъ неподвижно, блѣдной и съ наполненными слезъ глазами, суровое лице его смягчилось; давно заглушенная совѣсть неожиданно въ немъ зашевелилась; и онъ готовъ былъ спросить съ участіемъ о ея здоровьи. Человѣколюбивое движеніе это однако не долго продолжалось: онъ вспомнилъ, что жена его стоитъ за дверьми, и опять нахмурилъ брови. При всемъ томъ, онъ не тотчасъ рѣшился проговорить вытверженный урокъ. Беззащитная сирота, съ трепетомъ ожидавшая отъ него рѣшенія своей участи, представлялась ему, какъ строгій судья изобличенному преступнику. Наконецъ онъ собрался съ духомъ, и, стараясь превозмочь овладѣвшую имъ робость, подошелъ къ ней и почти прокричалъ: «Что жъ, надумались

ли вы, сударыня? Отказываетесь ли вы отъ Блистовскаго?».

«Нѣтъ!» отвѣчала Анюта.— Слово это выговоренное тихо, но твердымъ голосомъ, стоило ей большаго напряженія силъ, и она потомъ, молча, протянула руку, чтобъ принять отъ него завѣщаніе.

— «Позвольте-съ, я самъ прочитаю.»

Дюндикъ началъ читать. Пока продолжались точныя слова завѣщанія, онъ читалъ громко и внятно, но когда дошелъ онъ до слѣдующей статьи, голосъ его задрожалъ и сдѣлался неяснымъ.

«Если дочь моя вздумаетъ вступить въ замужство, то приказываю ей ни подъ какимъ видомъ не принимать на себя ни какихъ обязанностей безъ согласія почтеннаго своего опекуна, а моего благодѣтеля, Господина Надворнаго Совѣтника и кавалера Клима Сидоровича Дюндика. Буде же она, дочь моя, отважится вступить въ бракъ противъ его воли,

«то въ такомъ случаѣ лишаю ее родительскаго
«благословенія и предаю ее проклятію.»

«Проклятію!» вскричала дикимъ голосомъ
Анюта, вскочивъ со стула, «Покажите, ради
Бога покажите!»

Климъ Сидоровичъ подалъ ей бумагу, и дро-
жащимъ пальцемъ указалъ на слово проклятіе.

«Проклятію!» вскричала еще разъ Анюта и
безъ чувствъ упала къ его ногамъ.

Когда пришла она въ память, въ комнатѣ
уже не было ни кого, и она лежала на своей
постелѣ. Долго старалась она увѣрить себя,
что все, съ нею происходившее, было не что
иное, какъ тяжелый сонъ; но бросивъ нечаян-
но взоръ на стоящій передъ нею столикъ, она
съ ужасомъ увидѣла на немъ роковое завѣща-
ніе. Дрожащими руками она его развернула, и
прочитавъ страшныя слова, въ немъ заключа-
ющіяся, залилась горькими слезами.

Оставимъ на время Анюту, и перенесемъ

въ нижній этажъ дома, въ покои Марѣы Петровны. Она сидѣла на софѣ съ торжественнымъ видомъ. Передъ нею, съ разстроеннымъ лицомъ, сидѣлъ Прыжковъ, а немного поодаль стоялъ Климъ Сидоровичъ, котораго глупая рожа изъясляла, по возможности, недоумѣніе и неудовольствіе.

«Экая диковинка!» сказала Марѣа Петровна, обращаясь къ Прыжкову: не видалъ ты никогда дѣвушки въ обморокъ! Экая невидальщина!»

— Да посудите, тетушка, что теперь уже часа два, какъ она лежитъ безъ чувствъ, какъ мертвая....

«Ну, что за бѣда! Не бойся, будетъ жива. Я и сама, когда была въ дѣвкахъ, часто падала въ обморокъ. Бывало, что нибудъ не по ну-тру, да нельзя на своемъ поставить, тотчасъ глаза зажмурю. Не правда ли, Климъ Сидоровичъ?»

— Точно такъ, Марѣа Петровна. —

«Боюсь только, чтобъ она не занемогла,» сказалъ Прыжковъ. «Признаться, я крѣпко испугался, увидѣвъ ее безъ движенія и блѣдную, какъ полотно». —

— Да и я не на шутку трухнулъ, — подхватилъ Дюндикъ, — когда она шлепнулась объ полъ.

«Молчи! Тебя не спрашиваютъ,» прервала его Марѳа Петровна. «А ты видно въ самомъ дѣлѣ влюбленъ по уши,» продолжала она, обратясь къ Прыжкову. «Вотъ ужъ этого я отъ тебя никакъ не ожидала!»

— Какъ бы то ни было, тетушка, вы знаете наше условіе. Я готовъ вамъ служить, но съ тѣмъ, чтобъ и вы мнѣ помогали. А между тѣмъ, такъ какъ она должна быть моею женою, вы поступайте съ нею какъ съ будущею племянницею, и безъ нужды не огорчайте.... Мнѣ ее жаль! —

«Вотъ тебѣ на, мой батюшка! Я развѣ медвѣдица какая? Что мнѣ за нужда ее огорчать?»

Но мнѣ, хотъ бы ея на свѣтѣ не было! Мнѣ лишь бы проучить Блистовскаго, да и ее тоже, чтобъ они впредь не умничали; а потомъ, пожалуй себѣ, возьми ее, я и знать о томъ не хочу!—Ты оставилъ у нея завѣщаніе?»

— Я положилъ его на столъ, матушка. —

«Пускай на досугѣ читаетъ. Счастье, что она не знаетъ руки покойника, а то бы съ нею наплясались — дѣвка упрямая! Ну, теперь дѣло почитай сдѣлано, остается тебѣ склонить ее на свою сторону, да я думаю, это не мудрено: когда увидить, что нельзя быть за Блистовскимъ, такъ она рада будетъ и за тебя выйти!»

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, тетушка, — отвѣчалъ Прыжковъ съ самонадѣянностью. — Та бѣда только, что время коротко. Пока мы ее будемъ уговаривать, пока она согласится, Анна Андреевна можетъ явиться къ намъ, какъ снѣгъ на голову, или, чего добраго, и самъ Блистовской. Тогда пропали всѣ труды наши, а съ ними — мы и не развяжемся. —

«Да,» сказалъ Дюндикъ, почесывая голову — «тогда плохо намъ будетъ. Вамъ-то ничего, а каково мнѣ съ ними расчитываться!»

— Вотъ ужъ вы оба и струсили, — вскричала Марѳа Петровна. — О чемъ тутъ хлопотать? Опекунъ запретилъ ей думать о Блистовскомъ — онъ же прикажетъ итти за другаго: она теперь должна послушаться. —

«Все опекунъ, да опекунъ!» сказалъ въ полголоса Климъ Сидоровичъ со вздохомъ.

По мнѣнію Марѳы Петровны, надлежало объявить Анютѣ о нареченномъ, супругѣ тотчасъ, когда она опомнится отъ обморока. «Надобно ковать желѣзо, пока горячо, чтобъ она не имѣла времени одуматься; чего съ нею церемониться!»

Прыжковъ однако былъ другаго мнѣнія. Сколь ни желалъ онъ обладать Анютою, но боялся ожесточить ее излишнею строгостію и тѣмъ испортить все дѣло. «Я увѣренъ,» сказалъ онъ, «что она, уважая память отца, не захо-

четъ выйти изъ повиновенія опекуну. Но дайте ей успокоиться отъ перваго удара. Погодите дня два или три; въ это время не пріѣдутъ сюда ни Анна Андреевна, ни Блистовской; вѣроятно и Клара Кашпаровна до сихъ поръ еще не дотащилась до Барвенова. А потомъ, пускай Климъ Сидоровичъ объявить ей свою волю.»

Съ этимъ былъ согласенъ и Дюндикъ. Не имѣя рѣшительнаго голоса въ совѣтъ, онъ и тому обрадовался, что новый разговоръ его съ Анютою, къ которому приступилъ бы онъ очень неохотно, отложили на нѣсколько дней.

Между тѣмъ бѣдная Аня плакала, молилась; потомъ опять начинала плакать, опять молилась; и все не знала, какимъ образомъ согласить любовь къ Владиміру съ священнымъ долгомъ повиновенія отцу. «Если бъ онъ былъ живъ,» думала она: «вѣрно бы онъ не отказалъ въ своемъ согласіи!» Иногда ей казалось возможнымъ, въ этомъ случаѣ не слушаться опекуна; потому, что покойный отецъ ея вѣрно не желалъ ея несчастія, и вѣроятно не предвидѣлъ, что опекунъ употребитъ во

зло данную ему власть. Уже она рѣшалась объявить о томъ Климу Сидоровичу; но вдругъ страшное слово: проклятіе, возникало въ ея воображеніи, и какъ пламенный мечъ Херувима предъ вратами рая, заграждало всякую мысль о бракѣ съ Владиміромъ. Наконецъ, послѣ долгой и мучительной борьбы, она приняла намѣреніе принести на жертву, что ей дороже всего было въ мірѣ — любовь къ Блистовскому.

Барышни, отъ времени до времени смотрѣвшія на нее въ щелку, давно уже видѣли, что она пришла въ память; но, увѣдомивъ о томъ Марѳу Петровну, получили приказаніе, ее не тревожить. Этимъ кратковременнымъ отдыхомъ обязана она была Прыжкову, опасавшемуся, чтобъ видъ Дюндиковыхъ не погрузилъ ее опять въ прежнее положеніе. Онъ такъ горячо за нее вступился, что успѣлъ убѣдить Марѳу Петровну, чтобъ въ этотъ день никто ее не беспокоилъ, и потому, когда въ обѣденное время пришли звать ее въ низъ, и она отказалась, сказавъ что нездорова; то Марѳа Петровна прислала къ ней кушанье въ комна-

ту, и велѣла сказать, что она совѣтуетъ ей не вставать съ постели.

Подъ вечеръ зашли на короткое время барышни и ласково спрашивали объ ея здоровьѣ. Но ни Климъ Сидоровичъ, ни Марѳа Петровна, по просьбѣ Прыжкова, не являлись къ ней во весь тотъ день.

Анюта легла спать, но сонъ убѣгалъ ее упорно. Только къ утру могла она заснуть, да и тутъ страшныя сновидѣнія сначала тревожили ея покой. Ей казалось, что она идетъ по узкой тропинкѣ, усыпанной скользкими камешками, на покатѣ крутаго утеса, подъ которымъ въ глубинѣ шумѣло море. Она напрягала всѣ силы свои, чтобъ не сорваться внизъ: камешки подъ ногами ея шевелились, какъ живые, и жалостно стонали, когда она по нимъ ступала; изъ ущелинъ утеса раздавались дикіе смѣхи. Большія летучія мыши, съ разрумяненными человѣческими лицами, летали передъ нею и смотрѣли на нее сердитыми глазами, прихлопывая съ шумомъ длинными сѣдыми рѣсницами. Голова ея кружилась; она

желала воротиться, но дорога такъ была узка, что нельзя было повернуться, не упавъ въ пропасть. Она хотѣла остановиться, но непреодолимая сила понуждала ее спѣшить впередъ, впередъ. Вдали слышала она голосъ тетушки, разговаривавшей съ Праскутою; вотъ и голосъ Владиміра слышался ей прямо передъ нею; онъ звалъ ее къ себѣ нѣжными словами.... Вотъ уже тропинка кончалась, и она въ концѣ видѣла Блистовскаго и тетушку.... Еще нѣсколько шаговъ, и она будетъ съ ними!.... Но камни подъ ея ногами еще жалостнѣе застонали, смѣхи въ ущелинахъ раздавались съ бѣльшею дикостію, летучія мыши съ человѣческими лицами такъ и вертѣлись передъ ея глазами. Въ необъятномъ страхѣ она хотѣла броситься къ Владиміру, но вдругъ изъ ущелины показался Климъ Сидоровичъ, съ козлиными ногами и съ большими рогами на головѣ. Обѣими руками развернулъ онъ передъ нею бумагу, на которой пламенными буквами написано было слово: проклятіе! — Анюта въ отчаяніи зажмурилась, отскочила и упала въ пропасть. Она думала, что погибла совершенно, съ трепетомъ открыла глаза, и увидѣла себя въ Бар-

венѣ, въ извѣстной бесѣдкѣ, обросшей хмѣлемъ и красными бобами. Подлѣ нея сидѣла тетушка и ласково на нее смотрѣла; Владиміръ съ другаго боку, прижималъ ея руку къ сердцу, а передъ нею стояла Праскута и улыбалась. Она взглянула изъ бесѣдки на большую дорогу, и видѣла, какъ тяжелая карета опекуна, нагруженная всѣмъ семействомъ Дюндиковыхъ, уѣзжала изъ селенія. «Какъ же ты долго спала!» сказала ей тетушка, и Аня, принявъ за сонъ все, что происходило съ нею съ тѣхъ поръ, какъ она разсталась съ Барвеновымъ, забыла о Дюндикѣ и о завѣщаніи, и по прежнему была счастлива среди своихъ любезныхъ.

Какъ грустно сдѣлалось Аниѣ, когда она, проснувшись въ самомъ дѣлѣ, удостовѣрилась, что находится у Дюндика. Но, не смотря на то, послѣдняя половина видѣннаго ею сна укрѣпила ея силы, и оставила въ душѣ надежду, что не все еще потеряно. — «Въ самомъ дѣлѣ,» думала она: «что нужно для моего счастья? Согласіе Клима Сидоровича? А почему же мнѣ не надѣяться, что онъ, по край-

ней мѣрѣ со временемъ, перемѣнить мысли свои о Блистовскомъ? Надобно только вооружиться терпѣніемъ, а между тѣмъ, можетъ быть, самое повиновеніе мое его обезоружить.»

Ободренная этою мыслію, она приняла Клима Сидоровича довольно спокойно, когда пришелъ онъ къ ней въ продолженіе утра.

«Я вчера забылъ у васъ завѣщаніе покойнаго Трофима Алексѣевича,» сказалъ онъ. «Вы вѣрно прочитали его еще разъ на досугѣ?»

— Читала, Климъ Сидоровичъ. —

«И что намѣрены вы дѣлать?»

— Я намѣрена повиноваться волѣ батюшки, отвѣчала она сквозь слезы.

«Ну, вотъ это хорошо. За это хвалю васъ, ей Богу хвалю! Надобно всегда меня слушаться, я дурнаго не посоветую. Не забывайте никогда, что я вамъ второй отецъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, Дюндикъ не ожидалъ столь скорого рѣшенія, и несказанно обрадовался, увидѣвъ, что ему не нужно вступать въ новые споры. Онъ поспѣшилъ уйти, чтобъ сообщить товарищамъ своимъ о благополучномъ успѣхѣ, и тѣмъ избавилъ Анюту отъ своего присутствія.

Все семейство, не исключая Марѣы Петровны, приняло ее весьма благосклонно, когда пришла она къ нимъ, и никто не упоминалъ ни слова о вчерашнемъ. Прыжковъ въ особенности старался ей угождать, и Анята, слишкомъ занятая своимъ горемъ и вовсе не подозрѣвая его видовъ, взирала съ благодарностью на его учтивость.

Дюндики радовались успѣху своего коварства. — «Кажется, не долго она будетъ горевать о Блистовскомъ,» сказала Марѣа Петровна съ торжественнымъ видомъ. «А онъ, дуракъ, я чай думаетъ, что она безъ него жить не можетъ!»

— Хоть много мнѣ было хлопотъ, — гово-

рилъ Климъ Сидоровичъ, гордо посматривая на всѣ стороны! — да по крайней мѣрѣ не даромъ!... Ну, теперь, кажется, дѣло-то будетъ въ шапкѣ! —

И Прыжковъ ласкалъ себя надеждою, что она не противостоитъ его любезности, особливо при помощи грознаго завѣщанія.

Низкія души! Они не имѣли понятія о томъ, съ какою твердостью добродѣтельный чело-вѣкъ переноситъ самыя тяжкія несчастія, когда подкрѣпляетъ его убѣжденіе въ исполненіи долга и чистая надежда на Провидѣніе! — Они не подозрѣвали, что эта надежда, какъ безцѣнное сокровище, хранилось въ невинномъ сердцѣ Анюты, и тихо, какъ голосъ Ангела-хранителя, нашептывала ей утѣшительную мысль, что рано или поздно, она будетъ вознаграждена за свои страданія.

Такимъ образомъ прошелъ весь этотъ день, и Анюта, хотя съ растерзаннымъ сердцемъ, но съ довольно покойнымъ духомъ легла спать. Силы ея истощены были претерпѣнны-

ми наканунѣ огорченіями, и потому она отъ усталости сомкнула глаза, и вскорѣ легкія сновидѣнія, порхая около нея, начали погружать ее въ сладкій сонъ. Но и эту ночь предназначено ей было провести въ тревогѣ.

Она находилась еще въ томъ пріятномъ забвеніи, которое обыкновенно предшествуетъ крѣпкому сну, какъ вдругъ слышалось ей, что кто-то тихонько стучится въ дверь.

Анюта вздрогнула. Сначала приняла она это за обманъ воображенія, и вновь хотѣла закрыть глаза, но стукъ опять повторился, и такъ внятно, что не осталось для нея никакого сомнѣнія. Она приподнялась въ постелѣ — глубокое молчаніе царствовало въ комнатѣ; потомъ опять кто-то постучался, также тихо и внятно.

Уже выше замѣчено было, что въ Анютиной спальнѣ находилось двое дверей, изъ которыхъ одна вела въ покои барышень, а другая въ пустыя комнаты недостроеннаго этажа. Послѣдняя эта дверь заперта была задвижкой

со стороны Аняты, которой иногда случалось отворять ее днемъ изъ любопытства. Въ тѣхъ комнатахъ еще не были намощены полы, а окошки съ давняго времени оставались невставленными. Она знала, что ни изнутри дома, ни снаружи не было туда никакого хода кромѣ изъ ея комнаты, и не смотря на то, въ эту-то дверь слышанъ былъ стукъ, прервавшій ея сонъ.

Въ другое время, Анята вѣроятно бы испугалась; но въ этотъ день столь много важнѣйшихъ обстоятельствъ занимало ея воображеніе, что для страха въ немъ почти не было мѣста. Къ тому же, какъ говорится, утопающій, для спасенія своего, хватается даже за соломенку; и въ глубинѣ души Аняты глухо отозвалась мысль, что этотъ случай имѣетъ, можетъ быть, какую нибудь связь съ несчастнымъ ея положеніемъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ тогда была Анята, самыя невѣроятныя предположенія могутъ показаться возможными; а потому и ей пришло на умъ: не вѣстникъ ли это отъ Владиміра или отъ тетушки? Или можетъ быть — при этой мысли холодный потъ вы-

ступилъ по ней — не священная ли тѣнь покойнаго отца спустилась изъ горней обители, чтобъ ее утѣшить, укрѣпить, наставить? Сердце ея сильно забилося; она подняла взоры къ небу, — луна такъ ласково свѣтила въ окно, лучи ея такъ весело играли на стѣнахъ ея комнаты.... Анята перекрестилась, вскочила съ постели, накинула на себя салопъ, и твердыми шагами приблизилась къ таинственной двери.

ГЛАВА XVIII.

ИЗНАКОМЕЦЪ.

Когда Анюта подошла къ двери, стукъ опять возобновился, и она услышала очень внятно, что кто-то за дверью зоветъ ее по имени: «Анна Трофимовна! Анна Трофимовна!»

— Кто тамъ?—спросила она въ полголоса.

«Добрый человекъ. Отворите, Анна Трофимовна, отворите. Только тише, ради Бога тише!»

Анюта собралась съ духомъ. Съ трепещущимъ сердцемъ и дрожащею рукою отодвину-

ла она задвижку, дверь со скрипомъ отворилась, и, къ неизъяснимому страху, она при лунномъ свѣтѣ увидѣла передъ собою безобразную фигуру, съ ногъ до головы покрытую длинною темною шерстью, съ сверкающими, какъ раскаленные угли, глазами.

Вся бодрость ея мгновенно исчезла при видѣ такого чудовища, и она, не помня сама себя, громко вскрикнула. Казалось, что и чудовище не менѣе ее испугалось: оно отскочило и громкимъ голосомъ произнесло: «Ахъ, я пустая голова! Извините, матушка, Анна Трофимовна!»

Потомъ съ быстротою молніи, чудовище вскочило къ ней въ комнату, не смотря на крикъ ея, насильно всунуло ей въ руку небольшую бумагу, и скрылось опять въ пустые покои, захлопнувъ за собою дверь.

Все это продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. — Анюта перестала кричать, и стояла еще посреди комнаты, когда отворилась другая дверь и вдругъ бросились къ ней

обѣ барышни, сопровождаемая горничною дѣвушкою. Немного погодя, вошла и Марѳа Петровна съ супругомъ и племянникомъ.

Комната освѣтилась принесенными ими зажженными свѣчами, и Аня совершенно опомнилась. Въ крайнемъ замѣшательствѣ стояла она неподвижно на одномъ мѣстѣ, крѣпко закутанная въ салопъ; полученную ею бумагу она невольно сжала въ рукѣ.

«Что съ вами случилось?» въ одинъ голосъ вскричали Климъ Сидоровичъ и барышни.

«Что это вы такъ раскричались?» спросила Марѳа Петровна. «Перепугали до смерти всѣхъ! Что съ вами случилось? зачѣмъ вы такъ кричали?»

— И сама незнаю! — отвѣчала Аня, запинаясь. Внутренній голосъ внушалъ ей не открывать причины своего испуга; къ тому же она слишкомъ мало имѣла къ нимъ довѣренности, чтобъ быть откровенною. — Я думаю, что мнѣ что нибудь пригрѣзилось. —

Всѣ , по видимому , довольствовались ея отвѣтомъ и хотѣли уже уйти ; одна Марѳа Петровна , собираясь выйти вмѣстѣ съ другими , ворчала про себя : «Ни минуты нѣтъ отъ нея покоя. Чтобъ ее...»

Вдругъ въ пустыхъ покояхъ раздался шумъ , и всѣ остановились.

«Это что такое?» сказала Марѳа Петровна.

Прыжковъ подошелъ поближе. «Дверь не замкнута!» вскричалъ онъ , и поспѣшно отворилъ ее. Въ концѣ пустой комнаты , при мѣсячномъ сіяніи , увидѣлъ онъ черную фигуру , подвижную къ окну , и стремглавъ бросился туда , чтобъ ее схватить ; но , не зная или забывъ , что полъ тамъ не былъ настланъ , онъ споткнулся на бревно и упалъ изо всей мочи. «Ловите ! ловите !» кричалъ онъ во все горло , не смотря на чувствуемую имъ боль. «Скорѣе сюда огня ! Климъ Сидоровичъ ! Марѳа Петровна !»

Дюндикъ не очень спѣшилъ исполнить его

желаніе; но Марѳа Петровна, вырвавъ у мужа изъ рукъ шандаль, вошла въ пустые покои, а за нею послѣдовали и всѣ прочіе, кромѣ Анюты.

Прыжкова подняли и поставили на ноги. «Ищите, онъ долженъ быть здѣсь, не упустите его!» говорилъ онъ имъ, запыхаясь.

«Кто, о комъ вы говорите? Кого вы видѣли?» спрашивали наперерывъ всѣ.

— «Не знаю,» отвѣчалъ онъ: «но я видѣлъ ясно, какъ онъ подвигался къ окну, вонъ тамъ, въ этомъ углу. Если это не самъ дьяволъ, такъ онъ еще и теперь долженъ быть здѣсь. Кромѣ его ни кто не выскочить изъ втораго этажа, не сломивъ себѣ шеи.»

По его требованію, начали искать во всѣхъ углахъ, и не нашли ни кого. Подходя къ окну, Прыжкову опять показалось, что та же самая фигура крадется на дворъ въ тѣни, око-

ло забора. «Гей!» закричалъ онъ : «сторожа, сюда! Султанъ! чужой! ату его, ату!»

На крикъ этотъ начали сбѣгаться люди. Султана спустили съ цѣпи, и Прыжковъ, прихрамывая, побѣжалъ внизъ, чтобъ участвовать въ поимкѣ незнакомца.

«Ворота заперты, убѣжать ему нѣкуда!» кричалъ онъ Марѣ Петровнѣ, и всѣ пустились за нимъ, движимые любопытствомъ, хотя не безъ боязни.

Пока они сходили съ лѣстницы, на дворѣ раздавался громкій лай собаки; потомъ слышался имъ жалкій визгъ и стонъ, за которымъ послѣдовала опять тишина. Сбѣжавъ на дворъ, они, къ крайнему изумленію, увидѣли сторожей и прочихъ слугъ, окружающихъ бѣднаго султана, лежавшаго передъ ними безъ дыханія. Кровь лилась изъ широкой раны, нанесенной ему въ горло. На всѣхъ лицахъ изображался страхъ. Не смотря на старанія Прыжкова, на дворѣ не нашли ни кого: никто, кромѣ его, не видалъ описаннаго имъ

человѣка; никто не зналъ, кто убилъ султана. Одинъ только сторожъ утверждалъ, что онъ видѣлъ, какъ большой косматый медвѣдь перелѣзалъ черезъ заборъ.

«Это не медвѣдь,» сказалъ Прыжковъ, со вниманіемъ осмотрѣвъ султана. «Рана эта сдѣлана ножомъ.»

— Вѣдьма или оборотень, — проворчалъ себѣ подъ носъ Климъ Сидоровичъ, котораго давно уже начала пронимать дрожь, и слуги, услышавъ слова своего господина, повторили ихъ дрожащимъ голосомъ. Всѣ начали креститься, и разошлись по ночлегамъ, боязливо оглядываясь. Одинъ Прыжковъ не соглашался съ общимъ мнѣніемъ.

Въ продолженіе этого времени Анята, оставшись одна, заперла обѣ двери, и, удостовѣрившись, что никто не можетъ войти къ ней ни съ той, ни съ другой стороны, легла въ постель. Полученную ею бумагу, сложенную письмомъ, она не выпускала изъ рукъ. Любопытство сильно побуждало ее узнать содержа-

ніе , но она боялась спросить огня , чтобъ не дать повода къ подозрѣнію. При мѣсячномъ сіяніи, она, развернувъ бумагу, успѣла различить , что на ней что-то написано , хотя , при всемъ стараніи, не могла разобрать ни одного слова. — Открытіе это еще болѣе возбудило ея любопытство , однако дѣлать было нечего ; она по неволѣ рѣшилась дождаться слѣдующаго утра. Безпокойство не позволяло ей опять заснуть : между тѣмъ она слышала лай и стонъ султана , вскорѣ послѣ того вдругъ прекратившійся ; разговоры людей на дворѣ , глухо раздавались въ ея ушахъ , и все это еще болѣе ее тревожило. Спустя нѣсколько времени , барышни спросили ее сквозь дверь:

«Ужъ вы легли спать , Анна Трофимовна?»

— Легла, — отвѣчала она.

«А мы такъ были на дворѣ. Вы знаете, что зарѣзали бѣднаго султана?»

— Кто ? — спросила Аня.

«А Богъ знаетъ, кто! Виноватаго не нашли. Но, прощайте, пора спать.»

— Прощайте, желаю вамъ покойной ночи. —

Барышни удалились, но рассказанное ими возродило въ ней новыя размышленія. Что это за непонятное существо, которое исчезло, какъ привидѣніе, не оставя никакихъ слѣдовъ, по коимъ можно было бы догадаться, куда оно скрылось? И кто могъ убить злаго и сильнаго султана? — Она полагала, что въ таинственной бумагѣ, вѣроятно, заключалась развязка этой загадки, но надлежало взять терпѣніе и дожидаться разсвѣта. Такимъ образомъ лежала она безъ сна до того времени, пока начала заниматься заря. Лишь только первые лучи восходящаго солнца освѣтили небо, она поспѣшно вскочила, подбѣжала къ окошку и развернула письмо. Почеркъ показался ей знакомымъ. Съ возрастающимъ удивленіемъ прочитала она слѣдующія строки:

«Вы, сударыня Анна Трофимовна, вѣрно удивились, что я уѣхала отъ Дюндиковыхъ,

«не простившись съ вами. Ну, правду сказать,
«никогда не ожидала я этакого сраму отъ
«Марѣы Петровны; да и Климъ Сидоровичъ
«ни чѣмъ не лучше ея. Другъ друга сто́ятъ!
«Вѣдь вы, матушка, вѣрно не знаете, что они меня
«наси́льно выпроводили изъ дому, ей Богу-ну
«такъ! И хотѣли меня еще увѣрить, что это
«вы меня высылаете. Будто я васъ не знаю,
«Ангелъ мой! Чтобъ языкъ у нихъ не пово-
«ротился. — Извините, сударыня Анна Тро-
«фимовна, чувствую, что грѣшно мнѣ ругать-
«ся на старости лѣтъ, но я такъ на нихъ сер-
«дита, право-ну, что всего бы на свѣтѣ имъ
«пожелала, кромѣ добра. Да накажетъ же ихъ
«Богъ за ихъ дѣла! Боюсь за васъ, сударыня,
«что вы остались у нихъ однѣ, безъ защиты.
«Вѣдь не безъ злаго умысла они меня высла-
«ли; а какая у нихъ цѣль, придумать точно
«не могу, а полагаю, что хотятъ разстроить
«васъ съ Владиміромъ Александровичемъ; да
«не бывать этому, не бывать! Однако береги-
«тесь, матушка, они на все способны! И въ
«голову намъ того не придетъ, что́ они при-
«думать могутъ вамъ во вредъ. Но не робѣй-
«те, Ангелъ мой, и имъ не поддавайтесь. До-

«тащусь же я какъ нибудь до тетушки Анны
«Андреевны, а она не оставитъ васъ въ волчь-
«ей ямѣ, за это отвѣчаю! Вообразите себѣ,
«матушка, что не успѣла я проѣхать верстъ
«двадцать, какъ передняя ось у кареты сло-
«малась. Вѣдь подпилили ее нарочно, окаянные!
«Простите великодушно, сударыня, не могу
«утерпѣть, чтобы ихъ не бранить. А кучеръ-
«то ихъ, шельма, на другой день, ни свѣтъ,
«ни заря, увелъ лошадей и оставилъ меня од-
«ну съ сломанною каретою. — Письмо это я
«нацарапала къ вамъ, не зная, дойдетъ ли оно
«до васъ. Впрочемъ, податель, кажется, чело-
«вѣкъ хорошій; если бъ не онъ, то до сихъ
«поръ сидѣла бы я надъ каретою, да плака-
«ла. Вѣдь и они люди крещенные, такіе же какъ
«и мы, матушка! И между ими есть и честные
«и плуты. А онъ, кажись, добрый человѣкъ и
«знакомъ съ Владиміромъ Александровичемъ.
«Самъ вызвался отдать вамъ письмо это не-
«премѣнно. Христось съ вами, мой Ангелъ,
«будьте здоровы и не поддавайтесь Марѣ Пе-
«тровнѣ.»

Письмо это привело въ ужасъ Анюту. «Го-

споди!» подумала она, «къ какимъ людямъ я попалась! И что я имъ сдѣлала, что они такъ меня преслѣдуютъ. Боже мой! Вотъ отъ кого зависитъ моя участь!»

Она горько заплакала, и сквозь слезъ неоднократно прочитывала письмо Клары Кашпаровны. Чтеніе это произвело однако благотѣльное на нее дѣйствіе: чѣмъ болѣе она удостовѣрялась въ злыхъ умыслахъ опекуна, тѣмъ болѣе раждалось въ ней бодрости онымъ противиться, и наконецъ, даже мысль, что Дюндикъ, можетъ быть, показывалъ ей ложное завыщаніе—мелькнула въ ея душѣ. Хотя страшилась она предаваться этой мысли, но, не смотря на то, надежда болѣе и болѣе въ ней укоренялась. Когда же вспомнила она, какимъ непонятнымъ, чуднымъ образомъ дошло до нея это письмо, сердце ея наполнялось признательностью къ Провидѣнію, пославшему ей утѣшеніе въ горести. «Постараюсь все переносить терпѣливо,» сказала она сама себѣ: «пока пріѣдетъ тетушка, буду молиться Богу: онъ меня не оставитъ!» При всемъ томъ, любопытство ея, касательно чуднаго вѣстника Клары Кашпаровны, оста-

лось неудовлетвореннымъ, ибо изъ письма не могла она никакъ догадаться, кто онъ таковъ.

Непонятное происшествіе, случившееся въ прошедшую ночь, занимало также и Дюндиковыхъ, когда рано по утру сошлись они съ Прыжковымъ у Марѣы Петровны.

«Воля ваша, матушка,» говорилъ Климъ Сидоровичъ, еще не опомнившійся отъ вчерашняго испуга: «о чемъ тутъ ломать голову? Очевидно, какъ дважды два — четыре, что это былъ оборотень. Ну можетъ ли обыкновенный человѣкъ, если не поддерживаетъ его дьявольская сила, выскочить въ окно съ такой вышины? И отъ чего не остановилъ его султанъ? Отъ чего изъ всѣхъ людей ни кто не видалъ его, кромѣ Тараски, который даромъ что косъ, а видитъ лучше всѣхъ, особенно ночью, потому, что у него мать была вѣдьма, въ чемъ побожится все село.»

— Да вѣдь и Прыжковъ его видѣлъ, — замѣтила Марѣа Петровна: — неужъ-то и его мать была вѣдьма! —

«А почему жъ бы и не такъ?» подхватилъ Климъ Сидоровичъ съ горяча, забывъ, что Прыжкова мать была родная сестра Марѣы Петровны. «Можетъ быть, и она была не безъ грѣха. Мнѣ помнится, объ ней довольно говаривали въ молодости моей, что она по отцу принадлежитъ къ такому роду, который не совсѣмъ чистъ передъ Богомъ, что касается до колдовства.»

Климъ Сидоровичъ примѣтилъ тутъ, хотя уже поздно, что попалъ въ просакъ, и со страху закусилъ себѣ языкъ такъ крѣпко, что отъ боли высунулъ его далеко изо рта; но плачевная фигура его не растрогала Марѣы Петровны.

«Дуракъ!» закричала она, пылая отъ гнѣва: «ты и въ молодости былъ дуракъ, и теперь дуракъ, и всегда дуракомъ будешь! Стало быть, по твоему, и я вѣдьма?»

Бѣдный Дюндикъ совершенно сталъ въ тупикъ. Ссора между ними не скоро бы кончилась, если бъ Прыжковъ не вступилъ въ по-

средничество, и не отклонилъ вниманія Марѣи Петровны своими размышленіями о вчерашнемъ происшествіи.

«По моему мнѣнію,» сказалъ онъ: «вчерашнее видѣніе — не вѣдьма и не оборотень, а гораздо хуже этого. Тутъ должна крыться какая нибудь штука Блистовскаго, хотя и не могу я ее въ точности проникнуть. Отъ чего дверь въ пустые покои была отперта? Зачѣмъ Анна Трофимовна, когда вошли мы къ ней, стояла посреди комнаты?»

— Но если это былъ посланный Блистовскаго, — замѣтила Марѣя Петровна: — зачѣмъ она такъ раскричалась? —

«Вотъ этого-то я не понимаю. Она сказала намъ, что ей пригрѣзился сонъ: положимъ, что это правда, и что во снѣ выскочила она изъ постели и выбѣжала на середину комнаты, но отъ чего она была въ салонѣ? Вы видите, что и съ ея стороны дѣло не совсѣмъ ладно. Боюсь, что за вчерашнимъ оборотнемъ явится и

самъ Блистовской, прежде нежели успѣемъ мы кончить дѣло.»

— А что бы ты совѣтовалъ? —

«Я думаю, что Климъ Сидоровичъ можетъ объявить ей сегодня же о моемъ предложении. Посмотримъ, что она скажетъ; а между тѣмъ совѣтую уѣхать отсюда, такъ, чтобъ никто не зналъ куда; пускай насъ здѣсь ищутъ.»

Совѣтъ этотъ довольно понравился Марѣ Петровнѣ. Хотя, по образу воспитанія своего, и она готова была вѣрить вѣдьмамъ и оборотнямъ, но довольно было для нея и самой тѣни возможности, что вчерашнее происшествіе имѣло какую нибудь связь съ Блистовскимъ, чтобъ побудить ее ко всему. Пуще всего боялась она разрушенія своихъ козней противъ Аняты, а потому скоро приняла предложеніе Прыжкова. Что касается до Клина Сидоровича, то ему, по обыкновенію, осталось только исполнить ея волю. И такъ затрудненіе состояло въ томъ единственно, куда имъ уѣхать?

Въ концѣ Кролевецкаго повѣта, въ темномъ, непроходимомъ бору, отдаленномъ отъ большой дороги, Климъ Сидоровичъ имѣлъ уединенный хуторъ, гдѣ, кромѣ полуразвалившейся мельницы и такой же винокурни, былъ небольшой домикъ, въ которомъ онъ приставалъ, когда, въ прежнія времена, случалось ему посѣщать это имѣніе. Селеніе, къ которому принадлежалъ хуторъ, находилось верстахъ въ пяти отъ онаго, а въ самомъ хуторѣ всегдашнее пребываніе имѣлъ одинъ только мельникъ съ своимъ семействомъ. Винокурня уже нѣсколько лѣтъ какъ была заброшена, и потому, кромѣ крестьянъ, ѣздившихъ туда во время большихъ засухъ, когда другія мельницы находились въ бездѣйствіи, никто туда не заглядывалъ. Самому прикащику, жившему въ селѣ, хуторъ этотъ извѣстенъ былъ почти по одному названію, а большая часть сосѣднихъ помѣщиковъ не вѣдали даже о его существованіи. — Марѳа Петровна знала его по одной только наслышкѣ, и по тому, что Климъ Сидоровичъ, въ число опасныхъ похорожденій своей жизни, включалъ и поѣздки свои въ этотъ хуторъ. Онъ любилъ рассказывать о густомъ лѣсѣ, подходящемъ почти къ

наслышкѣ
Сидоровичъ

самому строенію, о множествѣ медвѣдей, волковъ и рысей, въ немъ обитающихъ, и о славномъ Малороссійскомъ разбойникѣ Гаркушѣ, который, по преданіямъ, когда-то имѣлъ тамъ главное пристанище.

Въ этотъ-то хуторъ Марѳа Петровна, по совету Прыжкова, рѣшилась переселиться вмѣстѣ съ Анютою, дабы, на досугѣ и безъ всякаго опасенія отъ Блистовскаго, довершить начатое предпріятіе. Чтобы вѣрнѣе сохранить тайну этого путешествія, положено было даже и барышнямъ не говорить ни слова о хуторѣ, и вмѣсто того объявить, что поѣдутъ въ Полтаву.

Между тѣмъ Климъ Сидоровичъ, въ назначенное супругою время, отправился, скрѣпясь съ духомъ, къ Анютѣ. Мы знаемъ, что онъ по природѣ имѣлъ большую склонность вредить ближнему; но склонность эту онъ любилъ удовлетворять тогда только, когда это не стоило ему излишнихъ хлопотъ, и потому въ теченіе жизни, неоднократно ему случалось не дѣлать зла единственно изъ лѣности и неповоротливости. Если же къ хлопотамъ присоеди-

нялась еще какая нибудь опасность, то онъ готовъ былъ оставить въ покоѣ величайшаго своего непріятеля. Это расположеніе, не дѣлать зла изъ лѣности или боязни, онъ называлъ въ себѣ добродушіемъ. Въ настоящемъ случаѣ, однѣ хлопоты давно бы заставили его отступить отъ Анюты, если бы и не имѣлъ онъ справедливыхъ причинъ страшиться мщенія Блистовскаго, которое безпрестанно ему мерещилось. Къ тому же разсужденія Прыжкова о вчерашнемъ происшествіи, вселили въ него мысль, что Блистовской, можетъ быть въ союзѣ съ оборотнемъ, а это и того болѣе его пугало. Но, что ему оставалось дѣлать? Онъ находился между двумя бѣдами: съ одной стороны угрожали ему Блистовской и оборотень, а съ другой Марѳа Петровна, которая для него была страшнѣе и того и другаго.

Онъ удивился, когда Анюта встрѣтила его безъ всякаго замѣшательства, и послѣ краткаго вступленія о вчерашнемъ происшествіи и объ ея здоровьѣ, приступилъ къ дѣлу.

«Анна Трофимовна,» сказалъ онъ: «мнѣ при-

ятно было видѣть, что вы такъ охотно рѣшились исполнить мою волю. Я думаю только объ истинной пользѣ вашей. Посудите сами: зачѣмъ бы мнѣ не согласиться на то, чтобъ вы вышли за Блистовскаго, ну, какой мнѣ отъ этого барышъ? Повѣрьте, если бъ не было важныхъ причинъ, которыхъ, къ сожалѣнію, открыть вамъ не могу, то благословилъ бы васъ обѣими руками.»

Анюта покраснѣлась, и не отвѣчала ни слова.

«Я надѣюсь,» продолжалъ онъ: «что вы и впредь также будете послушны, и никогда не забудете, что я вашъ второй отецъ. Вотъ, на-примѣръ, я теперь вамъ докажу, что желаю вашего счастія. Вы не имѣете ни отца, ни матери, и въ такихъ лѣтахъ, что пора выйти замужъ. Вотъ, у меня есть для васъ женихъ: хорошій дворянинъ, богатый помѣщикъ, человекъ умный, воспитанный, крѣпкихъ напитковъ не употребляетъ, говоритъ по-Французски не хуже вашего, собою молодецъ, мужчина ловкій, пріятный, однимъ словомъ—

вы его знаете — это Онисимъ Ѳедоровичъ Прыжковъ, родной племянникъ моей жены и Св. Анны 3-й степени кавалеръ. Онъ предлагаетъ вамъ свою руку, и я на то согласенъ. Что вы на это скажете?»

— Вы надо мною насмѣхаетесь, — отвѣчала Анюта съ досадою.

«Ей Богу, я говорю серьезно. Хотите ли, чтобъ я его позвалъ? Онъ здѣсь, стоитъ за дверью.»

— Климъ Сидоровичъ! вскричала Анюта, вскочивъ со стула: — этого уже слишкомъ много. Прошу васъ не употреблять во зло власти вашей, и оставить меня въ покоѣ. —

«Вотъ тебѣ на! Что вы такъ взбѣленились? Ей Богу не понимаю. Я серьезно спрашиваю васъ, хотите ли вы выйти за Онисима Ѳедоровича?»

— Не хочу. Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. —

«Что съ вами сдѣлалось, Анна Трофимовна? Я спрашиваю у васъ рѣшительно, принимаете ли вы его предложеніе?»

— А я вамъ отвѣчаю рѣшительно, нѣтъ! —

«О, о! Такъ-то вы слушаетесь вашего опекуна? Вы забыли, что я могу вамъ приказать?»

— Этого вы приказать мнѣ не можете. А если и прикажете, то я не имѣю обязанности вамъ повиноваться. —

«Вотъ это для меня ново. — Развѣ забыли вы завѣщаніе? Хорошему же васъ научили въ Монастырѣ! А проклятіе отца вашего развѣ ничего?»

Анюта вышла изъ терпѣнія. Глаза ея за- сверкали; она подошла къ нему ближе и сказала твердымъ голосомъ:

«Климъ Сидоровичъ! Не говорите мнѣ о батюшкѣ. — Въ завѣщаніи которое вы мнѣ показывали, стоить, чтобъ я не выходила за-

мужъ безъ вашего согласія. Если дѣйстви-
тельно таковá была его воля, то я ей повинуюсь.... но, тамъ не сказано, чтобъ я дала слово
тому, кого вы назначите, и потому убѣдительно
прошу васъ, избавить меня навсегда отъ подоб-
ныхъ предложеній. Я хочу исполнить волю
батюшки, а не вашу.»

Выговоривъ слова эти, она отвернулась отъ
него и подошла къ окну.

Дюндикъ слушалъ ее, вытаращивъ глаза
и разинувъ ротъ отъ удивленія. «Какъ? какъ!»
проговорилъ онъ : «увидимъ, Анна Трофимо-
вна, увидимъ!»

Болѣе онъ ничего не умѣлъ сказать, пото-
му, что на подобный случай не получалъ ни-
какого наставленія. Въ полномъ замѣшатель-
ствѣ, вышелъ онъ вонъ и отправился къ своей
повелительницѣ, которая, вмѣстѣ съ Прыж-
ковымъ, слышала весь разговоръ, и ожидала
его въ другой комнатѣ.

«Ну, матушка,» сказалъ Дюндикъ, когда

они удалились къ себѣ: «теперь дѣлайте сами, что хотите, а я вовсе не знаю, что начать. Слышали вы, какъ она мнѣ отвѣчала? Прыжковъ правду говорилъ: не даромъ являлся вчерась оборотень. Куда! и не похожа на прежнюю скромницу. Хорошъ я опекунъ! Я стоялъ передъ ней, какъ мальчишка.»

— Подлинно какъ мальчишка, — замѣтила Марѳа Петровна: — ужъ я бы ей на твоёмъ мѣстѣ доказала дружбу. —

«А чтобъ вы сдѣлали, матушка? Вы видите, что она теперь и отъ завѣщанія не унимается.» —

Въ самомъ дѣлѣ и Марѳа Петровна была въ затрудненіи, хотя по обыкновенію не могла утерпѣть, чтобъ за неудачу не побранить мужа.

«Вы видите,» сказалъ Прыжковъ: «что вчерашній оборотень имѣетъ какую нибудь связь съ Блистовскимъ. Иначе, отъ чего бы она вдругъ такъ перемѣнилась? Замѣтили вы,

что она теперь заговорила совсѣмъ въ другомъ тонѣ?»

— Я такъ очень замѣтилъ, — подхватилъ Дюндикъ — по чести я вовсе не зналъ, что ей отвѣчать. —

«А все это ваша вина,» прервала его Марѳа Петровна. «Какъ вы не догадались написать въ завѣщаніи, чтобъ она непременно вышла за того, кого опекунъ назначить. Теперь трудно исправить эту ошибку.»

— Да и завѣщаніе-то теперь не очень дѣйствуетъ, — отвѣчалъ Прыжковъ. — Вы слышали, что она сказала: *если это дѣйствительно воля батюшки?* Стало быть она не совсѣмъ тому вѣритъ? Но теперь, на первый случай, надобно поспѣшить отъѣздомъ; это главное; а тамъ увидимъ, что будетъ далѣе. —

Весь день прошелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Барышнямъ поручено было объявить Аняутѣ, что въ слѣдующее утро, рано, они поѣдутъ въ Полтаву. Ей очень непріятно было

такое извѣстіе, но могла ли она противиться? Анята въ короткое время, проведенное съ Дюндиковыми, приобрѣла уже столько опытности, что безъ труда отгадала причину неожиданной и поспѣшной ихъ поѣздки. Она не сомнѣвалась, что путешествіе это скрываетъ новыя противъ нея козни; но при всемъ томъ должна была безотговорочно покориться необходимости. Къ тому же она твердо была увѣрена, что тетушка, не отыскавъ ее въ деревнѣ, немедленно поѣдетъ за нею въ Полтаву, и что такимъ образомъ, вопреки стараніямъ Дюндиковыхъ, непріятное положеніе ея продлится только немногими днями.

Въ продолженіе всего этого дня, она только во время обѣда видѣла хозяевъ дома. Никто не упоминалъ ни слова о послѣднемъ разговорѣ ея съ опекуномъ. Прыжковъ былъ молчаливѣе обыкновеннаго: онъ казался печальнымъ и тяжело вздыхалъ, когда страстные взоры его встрѣчались съ холоднымъ взглядомъ Аняты, которая впрочемъ всячески избѣгала этой встрѣчи.

ГЛАВА XIX.

УЕДИНЕННЫЙ ХУТОРЪ.

Въ то самое время, когда на другое утро Марѳа Петровна съ дочерьми и съ Анютою сѣли въ карету, подали Климу Сидоровичу пакетъ, присланный съ эстафетою. При первомъ взглядѣ онъ узналъ почеркъ Анны Андреевны; тутъ же было и другое письмо на имя Анюты. Марѳа Петровна, увидя, что прѣхавшій изъ города слуга отдалъ мужу ея пакетъ, открыла уже ротъ, чтобы потребовать оный себѣ; но Дюндикъ мигнулъ ей такъ значительно, что она догадалась, о чемъ идетъ дѣло, поспѣшила усѣсться и приказала кучеру ѣхать. — Тетушка, въ письмѣ своемъ къ Климу Сидоровичу, жаловалась на то, что онъ задержалъ

Анюту противъ ея воли, и пеняла ему за Клару Кашпаровну. — «Вы, Милостивый Государь, «Климъ Сидоровичъ,» писала она въ заключеніи: «на меня не прогнѣвайтесь, если напомнимъ вамъ, что Святая Православная Вѣра наша «не велить намъ лгать: что будто Галечка осталась у васъ по доброй волѣ, и отослала Кашпаровну, не написавъ ко мнѣ даже ни строчки, — такъ это ложь, мой батюшка, совершенная ложь, прости меня Господи! Я человекъ маленькій, Климъ Сидоровичъ; только «скажу вамъ безъ лести: если вы обидите мою «Галечку хоть на волосъ, такъ вы отъ меня «нигдѣ мѣста не найдете. Дойду до самого Царя, не токмо что до Губернатора! Прошу на «меня не прогнѣваться. Я бы сама къ вамъ «пріѣхала вмѣсто эстафеты, да ожидаемъ «Владимира Александровича съ часа на часъ: ужъ «пусть лучше поѣдемъ вмѣстѣ. Затѣмъ, пожелаю вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія, а Милостивой Государынѣ Марѣ «Петровнѣ свидѣтельствую мое почтеніе. Стыдитесь, батюшка, что забыли законъ Христіанскій; въ ваши лѣта, Климъ Сидоровичъ, до «суда Божьяго недалеко.»

Въ Аніютиномъ письмѣ, которое Дюндикъ распечаталъ безъ обиняковъ, Анна Андреевна уговаривала любезную свою Галечку быть спокойною, и обѣщалась въ скоромъ времени пріѣхать за нею вмѣстѣ съ Владиміромъ. Оба письма Климъ Сидоровичъ читалъ сидя въ коляскѣ съ Прыжковымъ, и не удерживаемый присутствіемъ строгой супруги, далъ волю своему недовольствію.

«Ужъ я съ самаго начала видѣлъ, что изъ этого не будетъ добра,» говорилъ онъ: «Вѣдь надобно же Марѣ Петровнѣ взять себѣ въ голову, чтобъ непременно разстроить эту свадьбу. Плюнула бы на нихъ, да и полно; а то разгнѣвалась за то, что Блистовской не посватался за Вѣру. Экая бѣда! Какъ будто безъ него нѣтъ жениховъ на свѣтѣ. Я вѣдь и самъ, кажется, отецъ и не менѣе люблю дочь, да на все есть и время и мѣра. Если бъ можно было задѣть ихъ такъ, чтобъ самимъ не попасть въ петлю — зачѣмъ нѣтъ? Я не прочь. А то смотри, пожалуй, одна взбалмочная Лосенкова наварить намъ такую кашу, что мы и жизни не ради будемъ. Чего добраго: баба сумашедшая,

пожалуй, напишетъ къ Государю.... Отъ нея это станется!»

— О чемъ заранѣе хлопотать, дядюшка! сказалъ Прыжковъ. — Подумаемъ лучше какъ воспользоваться временемъ, пока Блистовской не откроетъ, куда мы уѣхали. А что касается до угрозъ Анны Андреевны, такъ о томъ пока-мѣстъ, горевать нечего. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ! Пускай ее жалуется, нельзя же вѣдь отъ васъ отнять, что вы опекунъ! —

«А ложное завѣщаніе?»

— Да кто его видѣлъ? Кто можетъ доказать на насъ? А хотя бы и доказали, вѣдь мы не въ Судъ его предъявили. Вольно было Аннѣ Трофимовнѣ вѣрить пустой бумагѣ, которую для ея же пользы вы сочинили, какъ опекунъ. Впрочемъ до этихъ объясненій еще далеко; а между тѣмъ пускай себѣ Анна Андреевна съ Блистовскимъ прогуливаются отъ Барвенова до Будища, а отъ Будища до Полтавы. Пока они будутъ разѣзжать то назадъ, то впередъ, мы, можетъ быть, успѣемъ и Анюту переманить

на свою сторону. Я еще не потерялъ надежды. —

«Да, тебѣ либо чужими руками жаръ загребать!» сказалъ Дюндикъ, немного успокоенный словами Прыжкова: «а мнѣ-то каково? вѣдь все лежитъ на мнѣ: безъ меня вы и шагу сдѣлать не можете.»

Письмо Анны Андреевны не только не устрашило Прыжкова, но, напротивъ того, удостоверило его, что Владиміръ еще не возвратился въ Малороссію, и это немного успокоило его подозрѣніе о ночномъ происшествіи въ пустыхъ комнатахъ, въ которомъ, по видимому, Блистовской не имѣлъ ни какого участія. Однако онъ не могъ быть совершенно спокойнымъ. Ему казалось неподверженнымъ сомнѣнію, что непонятное это происшествіе имѣло вліяніе на Анюту, ибо оно одно, по мнѣнію его, могло внушить ей въ слѣдующее утро столько рѣшимости противъ опекуна. «Но если это такъ,» подумалъ онъ опять, «если явленіе этого человѣка дѣйствительно послужило къ ея ободренію, то зачѣмъ же она раскричалась, за-

чѣмъ она такъ была испугана?» Тщетно старался онъ разгадать эту загадку: она оставалась для него неразрѣшимою.

Анюта между тѣмъ, сидя въ каретѣ, предавалась размышленіямъ о томъ же предметѣ, и никто ея въ томъ не тревожилъ, ибо Марѳа Петровна не говорила съ нею ни слова, а барышни болтали о Полтавскихъ знакомыхъ, которые не возбуждали въ ней никакого участія. Она съ благодарностію вспоминала о незнакомцѣ, который съ такою отважностію подвергалъ жизнь свою очевидной опасности, для того только, чтобъ доставить ей письмо. Она досадовала на себя за трусость, лишившую ее случая чрезъ него увѣдомить тетушку о своемъ положеніи, и вмѣстѣ узнать, кто онъ таковъ, ибо изъ письма Клары Кашпаровны невозможно было сдѣлать о немъ никакого заключенія.

Путешественники наши остановились только на короткое время, чтобъ покормить лошадей, а потомъ опять пустились въ путь. Пока отдыхали лошади, Марѳа Петровна сочла за нужное втайнѣ объявить дочерямъ, что они

ѣдутъ не въ Полтаву, а въ хуторъ, ибо скоро приходилось своротить съ Полтавской дороги, и она не безъ основанія опасалась, что онѣ, не бывъ о томъ предварены, могли бы вопросами своими вселить подозрѣніе въ Анютѣ. Извѣстіе это крайне имъ не понравилось; но когда объяснили имъ причины, къ тому побудившія, онѣ охотно покорились необходимости и вознамѣрились всѣми силами способствовать достиженію общей цѣли.

Такимъ образомъ ѣхали онѣ два дня, въ продолженіе которыхъ не случилось ничего достойнаго замѣчанія. Полтавская дорога давно уже осталась въ сторонѣ, а Анютѣ и въ голову не приходило, что путешествіе ихъ имѣло иное назначеніе. Въ исходѣ втораго дня, когда карета поворотила на узкую и неровную дорогу, Марѳа Петровна сказала, какъ будто мимоходомъ, что они будутъ имѣть ночлегъ въ принадлежащемъ имъ хуторѣ, который посѣщаетъ она въ первый разъ.

«Ахъ, это вѣрно въ Шендрѣ!» вскричала Вѣра съ видомъ удовольствія: «я давно желала

побывать въ этомъ хуторѣ. Говорятъ, мѣсто-положеніе прекрасное?»

— Онъ окруженъ лѣсомъ, — отвѣчала Марѳа Петровна, — въ которомъ бываетъ множество грибовъ и разнаго рода ягодъ. —

«Ахъ, какъ я люблю ходить за грибами!» подхватила Софья: «мы тамъ проживемъ нѣсколько дней, маменька, не правда ли?»

— День и другой, можетъ быть, пробудемъ. Надобно же осмотрѣть хозяйство. —

Въ разговорѣ этомъ Анюта не нашла ничего подозрительнаго, хотя сожалѣла, что прибытіе ея въ Полтаву и слѣдственно свиданіе съ тетюшкою чрезъ то отдалится. — Что касается до барышень, то, не смотря на изъясненную ими прежде радость, даже окрестности хутора уже не обѣщали имъ ничего утѣшительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ рѣдко кому могли бы внушить иное чувство, кромѣ тоски или ужаса.

Густая тьма окружила ихъ, когда вѣхали

Соч. Погор. Т. I.

онѣ въ частый сосновый боръ, куда не могли проникнуть слабѣющіе лучи вечерняго солнца. Безсчетное множество воронъ и галокъ, собираясь на ночлегъ, тѣсными стаями тянулись надъ ними и съ пронзительнымъ гарканьемъ опускались на высокія вершины деревъ. Усталые кони едва подвигались впередъ по глубокому песку, и крикъ кучеровъ, ихъ понуждающихъ, раздавался по лѣсу дикимъ гуломъ. Барышни, молча, прижались другъ къ другу, и всѣ имъ извѣстныя повѣсти о разбойникахъ, привидѣніяхъ и лѣшихъ начали освѣжаться въ ихъ памяти въ страшныхъ картинахъ. У Марѣы Петровны сердце также не совсѣмъ было на мѣстѣ. И мать и дочери за то внутренно проклинали бѣдную Монастырку, которая между тѣмъ ни мало не помышляла ни о разбойникахъ, ни о привидѣніяхъ; мысли ея въ это время блуждали въ Барвеновѣ.

Уже поздно вечеромъ прибыли они въ хуторъ, гдѣ встрѣчены были Климомъ Сидоровичемъ и Прыжковымъ, отправившимися туда впередъ. Они успѣли кое-какъ очистить и прибрать господскій домикъ, въ которомъ назна-

чено было помѣститься Марѣ Петровнѣ съ дочерьми и съ Анютою; для самихъ же себя устроили они ночлегъ въ небольшой избѣ, стоявшей неподалеку отъ главнаго дома. Всѣ такъ устали отъ скучной и продолжительной дороги въ лѣсу, что вскорѣ по пріѣздѣ поспѣшили разойтись по своимъ комнатамъ.

Анютѣ досталась небольшая угловая комната, служившая первоначально чуланомъ, и изъ которой дверь была прямо на дворъ, имѣвшій въ ширину не болѣе осьми или десяти шаговъ, и окруженный плетнемъ, къ которому плотно примыкалъ густой лѣсъ. Подлѣ ея комнаты, за глухою стѣною, была столовая, которая отвѣчала и за гостиную, а за нею слѣдовали покои Мары Петровны и дочерей ея. Изъ всѣхъ путешественниковъ одна, можетъ быть, Анюта легла спать безъ всякихъ предубѣжденій противъ этого хутора, который во всѣхъ другихъ произвелъ болѣе или менѣе непріятныя впечатлѣнія.

Она покоилась еще крѣпкимъ сномъ, когда, на другое утро, разбудили ее громкіе разгово-

ры прочихъ путешественниковъ, вставшихъ ранѣе обыкновеннаго по причинѣ безпокойнаго ночлега, и уже собравшихся въ сосѣдней комнатѣ. Всѣ жаловались на проведенную почти безъ сна ночь. Марѣ Петровнѣ мѣшало спать филинъ, кричавшій, какъ увѣряла она, до самаго утра; а дочери ея, кромѣ того, слышали еще какой-то странный шопотъ подѣ окнами и подозрительный свистъ въ лѣсу. Это подало Дюндику поводъ рассказывать объ извѣстномъ разбойникѣ Гаркушѣ, имѣвшемъ въ этомъ бору главное пристанище.

«Вотъ тогда-то было время страшное!» говорилъ онъ: «оно еще въ свѣжей у меня памяти. Бывало, вдругъ пронесется молва, что къ такому-то помѣщику будетъ Гаркуша; откуда молва бралась — никто не зналъ, только никогда она не проходила даромъ. Что жъ? И въ голову ни кому не приходило готовиться къ защитѣ — сохрани Богъ! Что успѣетъ бѣдный помѣщикъ забрать изъ лучшихъ вещей, то въ охапку, да и давай Богъ ноги! Ни души въ домѣ не останется; а Гаркуша прійдетъ, выберетъ себѣ на просторѣ, что ему нужно, да и

поминай какъ звали! — Случалось иногда, что иной помѣщикъ съ дуру дастъ знать о томъ Земской Полиціи — и того хуже! Пока Полиція собирается, а Гаркуша все-таки прійдетъ, ограбить, да въ добавокъ еще зажжетъ домъ со всѣхъ четырехъ угловъ. То-то подлинно, было время!.. Насъ тогда Богъ миловалъ: Гаркуша, спасибо ему, нашего ничего не трогалъ. Можетъ быть, изъ благодарности за то, что имѣлъ спокойный пріютъ въ этомъ лѣсу.»

— А кто тогда жилъ въ хуторѣ, батюшка? —

«Да хутора тогда еще не было. Винокурня-то выстроена посл Гаркуши. Тогда стояла здѣсь одна старая мельница, да и въ ней заводу не бывало вовсе. Кому охота была ѣздить на мельницу! еще помню, что тутъ, гдѣ теперь этотъ домъ, поставленъ былъ большой деревянный крестъ, потому, что на самомъ этомъ мѣстѣ Гаркуша зарѣзалъ женщину, да еще съ груднымъ ребенкомъ. Бывало, мельникъ рассказывалъ, что въ ночную пору, часто около этого креста играли два огонька, одинъ

побольше, а другой поменьше: это вѣрно были души убитыхъ, и въ то же время, всегда въ лѣсу слышанъ былъ такой стонъ, что у мельника на головѣ волосы подымались какъ щетина!»

— Ахъ, Господи! — вскричали Вѣра и Софья, поблѣднѣвъ: — Развѣ нельзя было выстроить дома въ иномъ мѣстѣ? —

«Да, вы говорите. Былъ у меня прикащикъ, Англичанинъ; нечего сказать, человѣкъ преискусный, онъ и винокурню здѣсь устроилъ— да вѣдь они ни чему не вѣрятъ! Ему видно надоѣли поговорки объ этомъ крестѣ и объ Гаркушѣ; онъ, ни дай, ни возьми—взялъ, выкопалъ крестъ, да и построилъ тутъ домъ. Я ужаснулся, когда узналъ эти проказы, но поздно было поправить дѣло! Англичанина, разумѣется, я тотчасъ прогналъ, а домъ остался. Не ломать же его!»

— Маменька, сказала Вѣра, обратясь къ Марѣ Петровнѣ: — вотъ отчего слышанъ былъ ночью шопотъ и свистъ! Ой, ка-бы намъ скорѣе отсюда убраться!» —

Марѳа Петровна сидѣла пригорюнившись, и не говорила ни слова. Она почти столько же, какъ супругъ ея, боялась привидѣній, а дикій и уединенный хуторъ весьма способенъ былъ къ поддержанію этой боязни. Проведенная подъ напѣвомъ Филина ночь и того болѣе расположила ее къ подобнымъ впечатлѣніямъ, и потому она, молча и съ любопытствомъ, слушала долгіе рассказы Клима Сидоровича, который, бывъ ободренъ необычайнымъ ея вниманіемъ, съ удвоенною охотою распространялся объ этомъ предметѣ. — Прыжковъ, хотя и покушался смѣяться надъ его рассказами, но замѣтивъ, что шутки его раздражали слушателей, рѣшился молчать.

Разговоры эти прекратились тогда только, когда вошла къ нимъ Анята. Всѣ, кромѣ Прыжкова, взглянули на нее съ такимъ суровымъ видомъ, что она смѣшалась, не зная, чему приписать явное ихъ неудовольствіе. Могла ли она вообразить себѣ, что они на нее сердились за пребываніе свое въ страшномъ для нихъ хуторѣ!

Послѣ чаю пошли они взглянуть на мельницу и на винокурню, но прогулка эта мало имъ доставила развлеченія. Все казалось имъ такъ уныло, такъ дико, что, не смотря на старанія Прыжкова, ему не удалось развеселить ихъ ни на одну минуту. Весь день прошелъ въ тщетныхъ покушеніяхъ чѣмъ нибудь разогнать скуку. Марѳа Петровна, сидя на крыльцѣ, считала тальки и бранила прикащицу; барышни бродили около пруда, заросшаго тростникомъ, ловили рыбу на удочку и искали грибовъ по опушкѣ бора; но хуторъ отъ этого не перемѣнялъ своего мрачнаго вида. Когда насталъ вечеръ и солнце скрылось за лѣсомъ, рассказы Клима Сидоровича начали оживляться въ ихъ воображеніи: имъ показалось страшно оставаться въ присутствіи древнихъ сосенъ, современныхъ Гаркушѣ, и онѣ поспѣшили домой. Но и тутъ, на самомъ порогѣ, встрѣтило ихъ воспоминаніе о зарѣзаной женщинѣ и о скачущихъ огонькахъ.

Такимъ образомъ прожили они въ хуторѣ около трехъ дней, и положеніе ихъ становилось ежеминутно несноснѣе. Анюта, не пони-

мая причины, заставлявшей ихъ оставаться въ такомъ мѣстѣ, которое очевидно имъ не нравилось, неоднократно спрашивала, зачѣмъ не продолжаютъ пути въ Полтаву; но на эти вопросы отвѣчали ей явными подлогами, и она наконецъ перестала говорить объ отъѣздѣ. Между тѣмъ ни Дюндикъ, ни самъ Прыжковъ не знали, что начать съ Анютою: заставить Клима Сидоровича ее уговаривать было бы вовсе безуспѣшно, а надежда Прыжкова любезностію своею тронуть ея сердце, также совсѣмъ почти исчезла. Онъ ясно видѣлъ, что она не обращала на него ни какого вниманія; а когда ихъ нарочно оставляли однихъ, чтобъ доставить ему случай ее плѣнить, она удалялась въ свою комнату, не взирая на строгія приказанія Марѣы Петровны, которыя иногда доходили почти до брани.

И такъ несносная для всѣхъ жизнь въ хуторѣ не принесла ни какой пользы ихъ видамъ кромѣ удаленія Анюты отъ тетушки. Рано, или поздно, она однако жъ должна была открыть ихъ мѣстопробываніе, и они чувствовали, что въ такомъ случаѣ уже навсегда

прекратилось бы вліяніе опекуна на Аністу. Надлежало принять какія нибудь рѣшительныя мѣры, тѣмъ болѣе, что Марѳа Петровна не могла равнодушно думать о продолженіи пребыванія своего въ хуторѣ. Но сколько ни ломали они себѣ голову, никто не могъ придумать ничего дѣльнаго, и Марѳа Петровна, послѣ каждаго разговора объ этомъ предметѣ, становилась недовольнѣе и сердитѣе. Ко всему этому присоединились еще и толки слугъ, которые громко поговаривали, что въ ночное время, въ хуторѣ что-то не ладно. Сначала не обращали большаго вниманія на эти толки, которые Прыжковъ всегда объявлялъ пустяками; да и въ самомъ дѣлѣ, они не заключали въ себѣ ничего важнаго. Иной видѣлъ, что на кровлѣ господскаго дома что-то шевелилось; другой рассказывалъ, что вечеромъ встрѣтилъ онъ черную кошку, которая не хотѣла посторониться съ дороги; третій увѣрялъ, что каждую ночь кто-то царапается въ дверь кухни. Все это хотя увеличило страхъ Дюндика и его семейства, но, по мнѣнію Прыжкова, могло быть объяснено самымъ естественнымъ образомъ.

Въ исходѣ третьяго дня, рассказы эти приняли однако видъ болѣе важный, такъ, что возбудили вниманіе самого Прыжкова. Въ этотъ вечеръ, кучеръ въ величайшемъ страхѣ прибѣжалъ на кухню и объявилъ, что, вошедъ въ конюшню, чтобъ лечь спать, онъ нашелъ всѣхъ лошадей повороченныхъ хвостомъ къ яслямъ. Въ самое то время поваръ, открывъ кастрюльку, въ которой на ужинъ готовилась курица, вмѣсто оной нашелъ лошадиное копыто!

Вѣсти эти въ ту же минуту дошли до Клима Сидоровича, который, поблѣднѣвъ отъ страха, сообщилъ ихъ женѣ и дочерямъ, и перепугалъ ихъ до полусмерти. Въ справедливости этого происшествія невозможно было сомнѣваться, ибо и кучеръ и поваръ ссылались на свидѣтелей, къ тому же копыто находилось еще въ кастрюлкѣ, а до лошадей кучеръ послѣ того и не дотрогивался. Прыжковъ отправился туда, чтобъ удостовѣриться собственными глазами; но и тутъ не нашелъ онъ въ этомъ ничего сверхъестественнаго, и утверждалъ, что вѣрно кто нибудь изъ людей же, сыгралъ эту шутку.

Онъ грозилъ изслѣдовать это дѣло на другой день, и обѣщался строго наказать виновнаго. Но при всемъ томъ ему не удалось успокоить ни Клина Сидоровича, ни Марѳу Петровну.

Послѣ ужина, до котораго никто изъ всего семейства не хотѣлъ и коснуться, Дюндикъ боялся итти одинъ въ свою избу, и потому, подъ предлогомъ, что въ темнотѣ опасается упасть, приказалъ двумъ лакеямъ вести себя подъ руки. Въ самомъ дѣлѣ, ночь была ужасно темная, такъ, что фонарь, который несъ одинъ изъ слугъ, едва освѣщалъ передъ ними дорогу. Климъ Сидоровичъ, крѣпко упираясь на своихъ вожатыхъ, счастливо спустился съ крыльца; но не успѣлъ онъ еще ступить двухъ или трехъ шаговъ, какъ кто-то сзади сорвалъ съ него картузь.

«Полно дурачиться, Прыжковъ!» закричалъ онъ съ сердцемъ: «съ ума ты сошелъ, что ли?»

Онъ остановился. Все около него было тихо, ничто не шевелилось.

«Повѣса негодный,» продолжалъ Дюндикъ,

голосомъ, уже потерявшимъ немного твердость:
«гдѣ ты? Что за глупыя шутки!»

— Онисимъ Ѳедоровичъ остался съ бары-
нею — сказалъ одинъ изъ людей.

«Не можетъ быть! Да кто же сорвалъ съ
меня картузь?»

— Не могу доложить, Ваше Высокородіе. —

Климъ Сидоровичъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ,
и крѣпко схватившись обѣими руками за лаке-
евъ, поспѣшно возвратился. При входѣ въ
комнату, онъ увидѣлъ Прыжкова, сидящаго
на софѣ подлѣ Марѣы Петровны.

«Что это значитъ?» вскричала она, замѣ-
тивъ, что онъ поблѣднѣлъ и дрожалъ, какъ
листь.

— Хоть вы меня убейте на мѣстѣ, такъ я
не выйду изъ этой комнаты, — сказалъ Дюн-
дикъ, бросившись въ кресла.

— Да расточатся врази твои.... —

«Что съ вами сдѣлалось, дядюшка?» спросилъ Прыжковъ съ удивленіемъ.

— То-то, дядюшка. А всему виновать ты! Если бъ не ты, такъ мы бы не пріѣхали въ этотъ проклятый хуторъ. Тфу, съ нами сила Господня! Господи, помилуй мя грѣшнаго. Вѣрую во единаго..... —

Дюндикъ долго не могъ опомниться и продолжалъ прерывать восклицанія свои всѣми молитвами, которыя приходили ему на память. Наконецъ, когда добились отъ него толку, Прыжковъ захохоталъ во все горло.

«Не стыдно ли вамъ, дядюшка!» сказалъ онъ ему: «У васъ вѣтромъ сдернуло съ головы картузь, а вы себѣ воображаете, что это домовой или тѣнь Гаркуши! Ну, какъ вамъ не стыдно быть такъ трусливу!»

— Вотъ тебѣ на, вѣтеръ! Будто я не знаю, что вѣтеръ и что... Въ руцѣ твоя, предаю себя, Господи! Помилуй мя грѣшнаго, помилуй мя! —

Сколько ни уговаривалъ его Прыжковъ, онъ все оставался при своемъ, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ итти къ себѣ. Марѳа Петровна, хотя вѣрила словамъ мужа, но опасаясь, что онъ, бывъ столько напуганъ, не дастъ ей спать цѣлую ночь; старалась также его успокоить, скрывая притомъ, что и она находится въ подобномъ положеніи. Наконецъ настояніемъ своимъ довела она до того, что онъ согласился уйти, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобъ проводилъ его Прыжковъ. И такъ бѣдный Климъ Сидоровичъ отправился въ свою избу, принявъ всевозможныя предосторожности къ охраненію себя отъ новой бѣды: Прыжковъ долженъ былъ итти впереди; за нимъ слѣдовалъ самъ Дюндикъ, плотно прижавшись къ лакеямъ, которые поддерживали его съ обѣихъ сторонъ; ходъ заключалъ еще третій слуга, вооруженный порядочною дубиною. Въ добавокъ, Климъ Сидоровичъ крѣпко зажмурилъ глаза, чтобъ не видать ничего непріятнаго, и безпрестанно читая въ умѣ молитвы, благополучно достигъ такимъ образомъ, до своего ночлега.

Легко представить себѣ можно, что и Марѳа Петровна не провела этой ночи покойно. Выпроводивъ мужа, она также отправилась къ себѣ, крѣпко на крѣпко приказала затворить двери, и заставила дѣвокъ своихъ, лежавшихъ тутъ же на полу, громко разговаривать между собою. Но средство это, въ подобныхъ случаяхъ неоднократно ей помогавшее, оказалось на этотъ разъ недѣйствительнымъ. Въ величайшемъ безпокойствѣ бросалась она нетерпѣливо съ боку на бокъ, напрасно ожидая сна. Филинъ, несносный филинъ и въ эту ночь безпрестанно повторялъ свою дикую пѣснь; иногда даже представлялось Марѣ Петровнѣ, что крикъ его не совсѣмъ похожъ былъ на обыкновенный голосъ этой птицы, но она старалась удалить отъ себя эту мысль, еще умножавшую въ ней страхъ. Затруднительное положеніе, въ которомъ находилась она въ отношеніи къ Аняутѣ, также не мало ее тревожило. Когда Климъ Сидоровичъ ввечеру такъ неожиданно возвратился къ ней безъ картуза, она именно объ этомъ предметѣ разговаривала съ Прыжковымъ, и настоятельно требовала, чтобъ онъ придумалъ средство

къ скорѣйшей развязкѣ. Теперь все это вмѣстѣ занимало ея воображеніе и такъ ее беспокоило, что она не могла заснуть ни на одну минуту. Едва солнце начало показываться на небѣ, какъ вскочила она съ постели и послала позвать къ себѣ Прыжкова.

Онъ удивился, увидя ее блѣдную, съ впалыми глазами и столько перемѣнившуюся въ лицѣ, что она казалась одержима тяжелою и изнурительною болѣзнію.

«Ужъ какъ ты себѣ хочешь!» сказала она ему, лишь только его завидѣла: «а я долѣе не останусь въ этой чертовой берлогѣ. Что будетъ, то будетъ, а здѣсь мнѣ нѣтъ житья!»

Старанія Прыжкова хотя немного ее успокоить, были совершенно тщетны, и она объявила на отрѣзъ, что не останется тутъ ночевать ни подъ какимъ видомъ. — И такъ надлежало взять рѣшительныя мѣры касательно Аняты, ибо имъ казалось тяжело вдругъ отказаться отъ выгодъ, которыхъ прежде ожидали отъ пребыванія своего въ хуторѣ. — По-

слѣ долгаго совѣщанія, наконецъ придумали они средство, которое, по мнѣнію ихъ, обѣщало успѣхъ несомнѣнный, и притомъ не препятствовало Марѣ Петровнѣ въ этотъ же день оставить ненавистный хуторъ.

Анюта стояла надъ пропастью, и гибель ея казалась неизбѣжною. Мы увидимъ послѣ, въ чемъ состояли новые умыслы ея гонительницы, и какія они имѣли послѣдствія.

ГЛАВА XX.

ПОБѢГЪ.

Изъ тогдашнихъ жителей хутора, менѣе всѣхъ беспокоилась о привидѣнiяхъ Анята. Хотя сначала и старались всячески скрывать отъ нея слухи о чрезвычайныхъ происшествiяхъ, которыя столько всѣхъ занимали; но, не смотря на принятыя предосторожности, не можно было помѣшать, чтобъ не дошло и до нея нѣсколько подозрительныхъ разсказовъ, которые, безъ сомнѣнiя, должны были внушить ей страхъ. При всемъ томъ она не показывала ни малѣйшаго безпокойства, и самъ Прыжковъ не могъ надивиться ея равнодушiю. И мы, признаться, не менѣе его бы удивлялись, если бъ не были посвящены во всѣ тайнства ея чувствованiй, если бъ не были намъ извѣстны сокровеннѣйшiе изгибы ея сердца.

Странное происшествіе въ Будищѣ, имѣвшее цѣлью доставленіе ей письма отъ Клары Кашпаровны, не выходило ни на минуту изъ ума нашей Монастырки. Ей казалось, что съ того времени она находится подъ сильнымъ покровительствомъ лица, хотя ей неизвѣстнаго и для нея непонятнаго, но въ благорасположеніи котораго она твердо была увѣрена потому, что не могла сомнѣваться въ связи онаго съ любезнымъ Барвеновымъ. — Въ продолженіе самаго путешествія, она безпрестанно ожидала, что нечаяннымъ и необыкновеннымъ образомъ получитъ вѣсть отъ тетушки или отъ Блистовскаго, и потому часто со вниманіемъ всматривалась даже въ такіе предметы, на которые въ другое время она совсѣмъ бы не смотрѣла. Когда останавливались они въ крестьянскихъ хатахъ, она на тусклыхъ оконныхъ стеклахъ искала значительной надписи, или вглядывалась, не найдетъ ли чего нибудь подобнаго на свѣтлыхъ, вымазанныхъ мѣломъ стѣнахъ. — Иногда ей казалось, что встрѣчающіеся съ нею люди дѣлаютъ ей знаки; а одинъ разъ она твердо увѣрилась, что ручной голубь, который во время обѣда, воркуя, подбиралъ около нея

крохи, долженъ непременно доставить ей записочку отъ Блистовскаго. И хотя не нашла она ничего ни на темнозеленыхъ стеклахъ, ни на бѣлыхъ стѣнахъ; хотя у голубя, котораго взяла она въ руки, не было записки подъ крылышкомъ, но она не могла бросить пріятной для себя надежды. — Въ первый день прибытія ихъ въ хуторъ, когда всѣ уже разошлись на ночлегъ, и Аня пошла къ себѣ въ комнату, въ которую не иначе могла войти, какъ со двора, ей слышалось: будто что-то шевелится за плетнемъ. Невольно она взглянула и дѣйствительно удостовѣрилась въ томъ, что не ошиблась. Ей даже довольно ясно показалось, что два сверкающіе глаза глядѣли на нее пристально, и скрылись. Но все сдѣлалось такъ скоро, притомъ же тогда было такъ темно, что она не могла ничего различить. Обстоятельство это возобновило однако въ воображеніи ея мысль о томъ непонятномъ человѣкѣ, посредствомъ котораго получила она письмо отъ Клары Кашпаровны. — На другой вечеръ, при возвращеніи въ свою комнату, представилось ей то же явленіе. Она остановилась и ожидала, что изъ-за плетня вдругъ явится

предъ нею та косматая фигура, которая столько испугала ее въ Будищѣ, и твердо вознамѣрилась на этотъ разъ не закричать. Но ожиданія ея были тщетны и съ такимъ же малымъ успѣхомъ возобновлялись каждый вечеръ. Между тѣмъ, дошедшіе до нея слухи о необыкновенныхъ происшествіяхъ, еще болѣе утвердили ее въ прежнемъ мнѣніи, и она потому не находила въ нихъ ничего сверхъестественнаго. Она полагала, что тотъ, который такъ искусно умѣлъ исчезнуть изъ пустыхъ комнатъ Будищскаго дома, конечно, въ состояніи переставить лошадей хвостомъ къ яслямъ или сдернуть картузь съ Клима Сидоровича. Такимъ образомъ тѣ же самыя обстоятельства, которыя прочихъ устрашали, служили, напротивъ того, къ ея ободренію; и она болѣе и болѣе увѣрялась въ томъ, что была невидимо охраняема сильнымъ защитникомъ, который, въ случаѣ нужды, могъ подать ей руку помощи.

Въ тотъ самый день, когда Марѳа Петровна, послѣ проведенной ею безпокойной ночи, непремѣнно рѣшилась оставить хуторъ, и ког-

да уже она приготавлилась въ тайнѣ къ отъѣзду, Анята, вошедъ вскорѣ послѣ обѣда въ свою комнату, нашла на окошкѣ письмо, запечатанное и надписанное на ея имя. При видѣ онаго, ей тотчасъ пришелъ на умъ вѣстникъ Клары Кашпаровны; она съ нетерпѣніемъ сорвала печать, и къ крайнему изумленію, прочла слѣдующія строки:

«Васъ, сударыня Анна Трофимовна, обманываютъ: вы не въ Полтаву ѣдете; везутъ васъ, Богъ знаетъ, куда, такъ, что можетъ быть послѣ и отыскать васъ не можно будетъ. Этотъ хуторъ не на Полтавской дорогѣ, и они вамъ бѣду готовятъ. Тетушка Анна Андреевна съ бариномъ Владиміромъ Александровичемъ пріѣзжали въ Будище за вами, и тамъ васъ не нашли; имъ сказали, что будто уѣхали въ Полтаву. Они отправились за вами вслѣдъ, и узнали, что вы по Полтавской дорогѣ вовсе не проѣзжали. Вотъ и разѣхались мы въ разныя стороны, чтобъ васъ отыскать, и я такъ счастливъ, что васъ, сударыня, отыскалъ. А у Клима Сидоровича что нибудь да недоброе на умѣ; они сегодня собираются

«ѣхать изъ хутора , и людямъ запретили вамъ
«про то сказывать. Тетушка отсюда верстахъ
«въ двадцати изволили занемочь крѣпко ; сами
«писать не смогутъ , а приказали просить,
«чтобъ вы пріѣхали къ нимъ со мною. Да
«чтобъ Климъ Сидоровичъ и Марѳа Петровна
«про то не свѣдали , сохрани Боже! Они васъ
«къ тетушкѣ не пустятъ и увезутъ Богъ вѣсть,
«куда! Вы извольте пойти по той тропинкѣ ,
«что противъ вашихъ окошекъ; съ пути сбить-
«ся не можно , а тамъ выйдете на широкую
«дорогу, гдѣ я буду ожидать васъ съ каретою.
«Не бойтесь , сударыня , да не теряйте време-
«ни , а то будетъ поздно. Они сегодня же пе-
«редъ вечеромъ уѣзжаютъ и завезутъ васъ ,
«Богъ знаетъ , куда! А тетушка Анна Андре-
«евна больно занемогли!»

Можно представить себѣ , какъ испугалась
Анюта, прочитавъ это письмо. Тетушка въ
двадцати верстахъ отъ нея, и больна , — мо-
жетъ быть, даже больна опасно, ибо безъ того
она написала бы къ ней хоть одну строчку.
Въ душевномъ безпокойствѣ о тетушкѣ , она
почти забыла о собственномъ своемъ положе-

ніи ; она ни минуты не помыслила о томъ, какимъ образомъ ей одной пуститься въ темный боръ — для тетушки она готова была броситься хоть въ огонь. Ей не пришло на умъ ни малѣйшаго сомнѣнія о справедливости полученнаго ею письма; все это совершенно согласно было съ ея ожиданіями; и она, не медля ни мало, бросилась бы бѣжать по назначенной тропинкѣ, если бъ не вспомнила, что благоразуміе требуетъ прежде посмотрѣть, чѣмъ занимаются Дюндики, и можно ли ей будетъ пойти въ лѣсъ, не внушивъ имъ подозрѣнія. Сердце сильно въ ней билось и колѣни ея дрожали, когда вышла она въ гостиную, гдѣ незадолго предъ тѣмъ всѣхъ ихъ оставила; но тамъ уже не было ни кого. Аня рѣшилась идти къ нимъ въ спальню, сама еще не зная, какой придумать къ тому предлогъ. Она застала ихъ въ полномъ занятіи съ горничными дѣвушками, которыя спѣшили укладывать въ чемоданы платье и бѣлье. Приходъ ея, казалось, привелъ ихъ въ замѣшательство. «Что вамъ угодно, Анна Трофимовна?» спросила отрывисто Марѳа Петровна.

— Ничего — отвѣчала , запинаясь , Анюта. — Я только хотѣла спросить , не угодно ли будетъ итти теперь погулять ; погода, кажется, прекрасная ! —

Сказавъ это , она испугалась , помысливъ , что, можетъ быть , и въ самомъ дѣлѣ согласятся на ея предложеніе ; но , къ крайнему ея удовольствію , Марѳа Петровна отвѣчала довольно сурово, что ей теперь не до гулянья.

«Вы уже укладываетесь,» замѣтила Анюта : «развѣ мы скоро поѣдемъ отсюда?»

— Нѣтъ !... не скоро... Это такъ только... надобно же быть готову заранѣе. —

Анюта еще болѣе удостовѣрилась, что извѣстіе незнакомаго о предполагаемомъ отъѣздѣ Дюндиковыхъ, было совершенно справедливо, и поспѣшила выйти, чтобъ не терять времени. Какъ она боялась, чтобъ ея не задержали! Дабы не внушить подозрѣнія, она сначала принудила себя итти медленно по назначенной тропинкѣ, и боялась даже оглядываться. Но при первомъ

изгибѣ дорóги, какъ скоро она могла заключить, что густота лѣса скрываетъ ее отъ взоровъ жителей хутора, она пустилась бѣжать, какъ будто совершила какое нибудь преступленіе. Вдругъ пришло ей на мысль, что она легко можетъ встрѣтить Прыжкова, иногда занимавшагося охотою; что бы онъ подумалъ, увидѣвъ ее бѣжавшую? Кто нибудь изъ служителей или работниковъ также могъ ее встрѣтить и донести о томъ Климу Сидоровичу, прежде нежели бы она успѣла достигнуть ожидающей ее кареты. Мысль эта заставила ее остановиться. Она оглянулась на всѣ стороны и начала прислушиваться; но, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, продолжала путь поспѣшными шагами. Лѣсъ все становился темнѣе и темнѣе; ей представилось, что она можетъ заблудиться. «Что тогда будетъ со мною?» подумала она, и холодный потъ выступилъ по ней при этой мысли. Но желаніе увидѣться съ бѣдною тетушкою и избавиться отъ преслѣдованій Дюндиковыхъ, ее ободряло. Не смотря на то, что начинало уже смеркаться, она ясно могла различить, что тропинка, по которой она шла, нигдѣ не раз-

дѣлялась, и это подало ей надежду, что она не собьется съ дороги. Въ самомъ дѣлѣ вышла она наконецъ на небольшую площадку, гдѣ, къ крайнему удовольствію своему, увидѣла ожидаемую съ такимъ нетерпѣніемъ карету. Человѣкъ, ей вовсе незнакомый, подошелъ съ таинственнымъ видомъ и объявилъ о себѣ, что онъ камердинеръ Блистовскаго.

«Не опасайтесь ничего, сударыня,» сказалъ онъ ей тихонько: «извольте сѣсть въ карету. Часа черезъ два мы будемъ у тетушки.»

Онъ отворилъ дверцы, помогъ ей войти, а самъ усѣлся на козлахъ. Въ каретѣ была женщина. Анюта не могла различить черты ея лица, потому, что на дворѣ уже смеркалось; къ тому же всѣ занавѣски были опущены, вѣроятно, изъ предосторожности. Не Клара Кашпаровна ли это? подумала она сначала. Но ростомъ женщина эта не была похожа на Клару Кашпаровну, и Анюта, разсмотрѣвъ ее внимательнѣе, удостовѣрилась, что она ея не знаетъ. «Кто со мною въ каретѣ?» спросила она наконецъ, обратясь къ ней.

— Тише, сударыня, тише, — отвѣчала она въ полголоса : ради Бога! не говорите ни слова пока мы не выйдемъ изъ лѣсу. —

«Да скажите мнѣ, что сдѣлалось съ тетушкой, чѣмъ она нездорова?»

— Ради Христа, не говорите ни слова. — Тетушка слегка простудилась; это ничего, совершенно ничего, сущая бездѣлица! Вы скоро ее увидите, только возьмите терпѣніе и не говорите ни слова. —

Анюта замолчала. Любопытство узнать, кто эта женщина, недолго ее беспокоило. Она легко представить себѣ могла, что это должна быть знакомая Анны Андреевны, пользовавшаяся полною ея довѣренностію; иначе бы ей не дали такого порученія. Къ тому же нетерпѣніе увидѣться съ тетушкою, опасеніе найти ее больною, надежда, въ непродолжительномъ времени соединиться со всѣми любезными ея сердцу — все это совершенно заняло ея воображеніе. Читатели легко представить себѣ могутъ, что и Блистовской немаловажное за-

нималъ мѣсто въ ея мысляхъ. Послѣднія козни Дюндиковыхъ, о которыхъ она была увѣдомлена письмомъ камердинера, подтвердили въ ней подозрѣніе, что страшное для нея завіщаніе могло быть подложно. Она по крайней мѣрѣ была увѣрена, что тетущкѣ совершенно должно быть извѣстно содержаніе онаго; и въ самомъ несчастномъ случаѣ — если дѣйствительно покойный Маіоръ Орленко предоставилъ Дюндику рѣшеніе ея судьбы, и тутъ она, съ помощію Анны Андреевны, надѣялась пріискать способъ, какъ смягчить опекуна. Предавшись пріятнымъ этимъ мыслямъ, она оставила въ покоѣ свою сопутницу, и съ нетерпѣніемъ ожидала той счастливой минуты, когда она бросится въ объятія тетущки. По расчету ея, давно уже прошло около двухъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ она сѣла въ карету, а они все еще не выѣхали изъ лѣсу, который ежеминутно становился темнѣе. «Но, можетъ быть,» подумала она: «временѣ кажется медленнымъ отъ нетерпѣнія.»

Вдругъ карета остановилась. Слышно было, что кучеръ съ другимъ слугою слѣзли съ

козелъ и довольно громко между собою разсуждали. Женщина, бывшая съ Анютою, показывала большое безпокойство, и наконецъ опустила окошко, къ которому тотчасъ подошелъ слуга, сидѣвшій прежде съ кучеромъ на козлахъ. Анюта не могла разобрать, что онъ сказалъ; но женщина, выслушавъ его съ нетерпѣніемъ, велѣла отворить дверцы и выскочила изъ кареты. «Что тамъ сдѣлалось?» вскричала Анюта и хотѣла слѣдовать за нею, но слуга ее не допустилъ. «Сидите, сударыня,» сказалъ онъ: «не безпокойтесь, это ничего. Поперекъ дороги лежитъ срубленное дерево, надобно его стащить, да теперь такъ темно, что хоть глазъ выколи. Мы высѣчемъ огня.»

Анюта успокоилась. Между тѣмъ хлопоты около кареты продолжались очень долго. Она видѣла, что женщина усердно помогала людямъ, и удивлялась ея проворству и ловкости, съ коими она бралась за дѣло, вовсе не женское. — Между тѣмъ высѣкли огонь и зажгли одинъ изъ каретныхъ фонарей, который женщина взяла въ руки, чтобъ посвѣтить кучеру и слугѣ, трудившимся около тяжелаго дерева,

совершенно заградившаго дорогу. Нечаянно свѣтъ изъ фонаря ударилъ прямо въ лице незнакомой, и Анюта, къ крайнему удивленію, въ спутницѣ своей, не смотря на расчесанныя бубли и большой чепецъ, закрывавшій почти все лице ея, узнала — Прыжкова!

Анюта обмерла отъ страха и чрезъ силу удержалась отъ громкаго крика. Всѣ мысли ея перепутались у ней въ головѣ. Она ясно почувствовала, что окружена измѣною, но какимъ образомъ это случилось и съ какою цѣлію? съ согласія ли опекуна она такъ жестоко была обманута, или безъ его вѣдома? И если опекунъ въ одномъ заговорѣ съ Прыжковымъ, то у кого ей теперь искать защиты? Все это тѣснилось въ ея умѣ. Безпокойство ея такъ было велико, положеніе ея казалось такъ ужасно, что она не могла придумать, что ей дѣлать. Не смотря однако на страхъ, ее объявшій, она помнила, что главное стараніе ея должно состоять въ томъ, чтобъ освободиться отъ власти Прыжкова, котораго злые умыслы уже тѣмъ однимъ достаточно доказывались, что онъ переодѣтъ былъ женщиною. Случай

отъ него избавиться казался удобнымъ. Лежавшая поперекъ дороги большая сосна представляла такія препятствія, которыя не скоро можно было преодолѣть. Анята надѣялась, что ей удастся выскочить изъ кареты и скрыться въ лѣсъ. Но что начать послѣ того? Какимъ образомъ она одна, безъ защиты, не зная дороги, проберется сквозь густой, темный боръ? А если ей и удастся выйти на большую дорогу и добраться до какого нибудь селенія, куда обратится она потомъ? — Все это хотя и приходило ей на мысль, но настоящее положеніе ея было столь ужасно, что нужнѣе всего показалось ей отъ онаго избавиться, а тамъ — подумала она — пусть будетъ воля Божія! И такъ она рѣшилась бѣжать.

Избравъ то время, когда Прыжковъ съ обоими слугами находился на одной сторонѣ кареты, она осторожно высунула голову въ опущенное окно, дрожащею рукою отворила дверцы, потомъ нѣсколько разъ перекрестилась и, предавъ себя промыслу Всевышняго, выскочила изъ кареты. Не медля ни минуты, бросилась она прямо въ лѣсъ, и со всею поспѣш-

ностью, какую допускала бывшая тогда совершенная темнота, начала пробираться между деревьевъ. Отошедъ нѣсколько сажень отъ кареты, и не замѣтивъ ни какой за собою погони, она начала льститься надеждою, что ей удастся избавиться отъ своего преслѣдователя. Она рассчитывала, что лѣсъ не можетъ далеко простираться, потому, что они уже такъ долго въ немъ ѣхали, и полагала, что если только успѣетъ она добратъся до какого нибудь селенія, то найдетъ средство либо нанять повозку до Барвенова, либо велитъ проводить себя до перваго помѣщичьяго дома; гдѣ вѣрно не откажутъ ей въ покровительствѣ и доставятъ возможность увѣдомить о себѣ тетушку. Но всѣ эти пріятныя предположенія вдругъ уступили мѣсто новымъ опасеніямъ. Она услышала шумъ въ томъ направленіи, гдѣ была карета, и вскорѣ увѣрилась, что побѣгъ ея замѣченъ, и что за нею гонятся. Голосъ Прыжкова достигалъ до ея слуха. «Ты иди въправо, а ты въ лѣво,» кричалъ онъ: «а я пойду съ этой стороны. Смотрите, не зѣвайте. Она должна быть очень недалеко отсюда.»

Анюта удвоила шаги, но ее безпрестанно, задерживали кустарники, наполнявшіе всѣ промежутки между большими деревьями. Башмаки ея, сшитые изъ тонкой матеріи, скоро разорвались; она чувствовала нестерпимую боль въ ногахъ, непривыкшихъ ходить по колючему хворосту, и наконецъ, къ необъяснимому страху, удостовѣрилась, что у нея скоро не станетъ силъ продолжать путь такимъ образомъ. Между тѣмъ шумъ къ ней приближался и свѣтъ отъ фонаря началъ мелькать между деревьевъ; вдругъ въ недалекомъ отъ нея разстояніи, раздался голосъ Прыжкова: «Анна Трофимовна! Остановитесь! Я васъ вижу, остановитесь! Вы отъ меня не уйдете!»

Въ величайшемъ душевномъ страхѣ, хотѣла она бѣжать далѣе, но чувствовала, что ноги отказываются ей служить, и спряталась за кусть. Еще сохраняла она надежду, хотя слабую, что ее, можетъ быть, не найдутъ; но чрезъ нѣсколько мгновений увидѣла она предъ собою Прыжкова. Чепецъ съ головы его упалъ, фальшивыя букли сдвинулись на одну сторону, женское платье его почти совсѣмъ было разо-

рвано и висѣло на немъ въ клочкахъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ фонарь, другою схватилъ ее.

«Анна Трофимовна!» сказалъ онъ ей: «возвратитесь доброю волею въ карету, а то я принужденъ буду тащить васъ насильно.»

Анюта взглянула на него, и на лицѣ его замѣтила такъ мало снисходительности, что сочла за излишнее приступить къ напраснымъ просьбамъ и увѣщаніямъ. Не отвѣчая ему ни слова, она начала кричать изъ всей мочи. «Помогите! Ради Христа, помогите, спасите!»

— Кричите, сколько угодно, — сказалъ Прыжковъ. — Здѣсь никто васъ не услышитъ, кромѣ людей моихъ. Кричите на здоровье, кричите!» —

Въ самомъ дѣлѣ Прыжковъ ни мало не опасался ея крика, и увѣренъ былъ, что онъ послужитъ только къ тому, чтобъ привлечь людей его, которые тогда помогли бы отнести ее въ карету. Уже слышно было, что они приближались.... Вдругъ кто-то сзади наки-

нулъ на него мѣшокъ, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ голова его была крѣпко на крѣпко закутана. Отъ одного удара по рукѣ его, фонарь отлетѣлъ въ сторону и потухъ; а отъ другаго, еще сильнѣйшаго, онъ принужденъ былъ пустить Анюту, которую держалъ за платье. Ротъ у него такъ крѣпко былъ закутанъ и завязанъ, что онъ не могъ кричать; тщетно барахтался онъ руками: непреодолимая сила мигомъ связала ему руки и ноги, и бросила его на земь, какъ пукъ соломы. Все это сдѣлалось такъ проворно, что Анюта никакъ не могла понять, что случилось съ Прыжковымъ, тѣмъ болѣе, что она осталась въ совершенной темнотѣ, когда огонь погасъ въ фонарѣ. Когда примѣтила она, что Прыжковъ уже не держалъ ея за платье, она покусилась было встать, чтобъ итти далѣе, но невидимая рука приподняла ее съ земли, и она почувствовала, что ее понесли скорыми шагами. Ей пришло на умъ, что она попалась въ руки разбойниковъ; она хотѣла закричать, но не могла: мысли ея смутились, и она лишилась чувствъ.

ГЛАВА XXI.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Къ сожалѣнію моему, я долженъ на нѣкоторое время покинуть Анюту въ лѣсу, чтобъ рассказать, что происходило съ тетужкой съ тѣхъ поръ, какъ оставили мы ее въ Бареновѣ.

Мнѣ не нужно увѣрять читателей, что тетужка была крайне опечалена отъѣздомъ своей Галечки, хотя и не полагала, что отсутствіе ея будетъ продолжительно. Тѣмъ еще менѣе могла она вообразить себѣ, что въ домѣ опекуна Анята встрѣтитъ какія либо неудовольствія; но при всемъ томъ она тосковала объ этой разлукѣ, и рассчитывала часы и ми-

нуты, когда опять съ нею увидится. Между тѣмъ здоровье Праскуты совершенно поправилось; живое и непринужденное участіе, съ каковымъ она разсуждала о взаимной другъ къ другу привязанности Владиміра и Анюты, и нетерпѣніе, съ которымъ ожидала она возвращенія ихъ въ Барвеново, удостовѣрили добрую тетушку, что ей удалось преодолѣть несчастную страсть свою, и она съ сердечнымъ умиленіемъ благодарила за то Провидѣніе. — Такимъ образомъ протекло нѣсколько времени, и тетушка стала веселѣе. — Блистовскаго ожидали изъ Петербурга съ часу на часъ; Анюта, по расчету тетушки, также должна была возвратиться въ самомъ непродолжительномъ времени; Праскута была весела и здорова — и такъ чего недоставало для спокойствія Анны Андреевны?

Въ одинъ прекрасный, тихій вечеръ, тетушка, просидѣвъ долѣе обыкновеннаго въ извѣстной намъ бесѣдкѣ, и досыта переговоривъ съ прикащикомъ о крестьянскихъ нуждахъ, о больныхъ въ деревнѣ, о готовившихся свадьбахъ, о сельскихъ работахъ и другихъ хозяйствен-

continued
ныхъ предметахъ, возвращалась домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Припѣвая въ полголоса любимую пѣсенку, вошла она на крыльцо, отворила дверь въ гостиную и остолбенѣла... Она увидѣла Клару Кашпаровну въ измятомъ дорожномъ платьѣ, въ запыленномъ чепчикѣ, сидѣвшую посреди комнаты на стулѣ, и что-то рассказывавшую съ громкимъ рыданіемъ. Гѣпочка и Праскута стояли передъ нею, и съ разстроеннымъ лицомъ слушали ея повѣствованія.... Анюты тутъ не было!

Первая мысль, поразившая Анну Андреевну, была, что съ Анютою вѣрно случилось какое либо несчастіе, и она торопливо обратилась къ Кларѣ Кашпаровнѣ съ вопросомъ: «Куда вы дѣвали Галечку? Зачѣмъ ея здѣсь нѣтъ!»

— Анна Трофимовна, матушка.... осталась у Клима Сидоровича. —

«Какъ? зачѣмъ? что это значитъ? Зачѣмъ оставили вы ее одну?»

Клара Кашпаровна утерла слезы, и принялась подробно рассказывать все, что съ нею

случилось. Когда дошла она до тяжелой обиды, ей причиненной, и до объявленія Марѣы Петровны, будто бы Анята велѣла ей ѣхать назадъ, не простившись съ нею и не написавъ ни слова къ тетущкѣ, добрая Нѣмка опять заплакала, а Анна Андреевна перебила ея рѣчь:

«Брешутъ они, брешутъ!» вскричала она: «Ей Богу брешутъ, прости меня Господи!»

Клара Кашпаровна продолжала рассказывать, какъ она принуждена была ѣхать изъ Будища, какъ сломилась ось ее кареты, и какъ кучеръ Клима Сидоровича уѣхалъ тайнымъ образомъ, оставя ее одну въ селеніи, гдѣ не было ни порядочнаго кузнеца, ни возможности нанять лошадей, чтобъ продолжать путь:

«Я кричала, плакала, бранила Дюндиковыхъ,» говорила Клара Кашпаровна: «но это ни къ чему не послужило, и я до сихъ поръ сидѣла бы въ проклятомъ селеніи этомъ, если бы не послалъ мнѣ Богъ добраго человѣка, Цыгана, случайно тутъ проѣзжавшаго, и который, дай Боже ему здравствовать, вывелъ меня

изъ бѣды. Онъ-то и надоумилъ меня, что ось нарочно была подпилена! Въ самомъ дѣлѣ, матушка Анна Андреевна, ужъ прямо добрый человѣкъ, даромъ что Цыганъ! Починилъ мою карету, нанялъ для меня лошадей и проводилъ меня за нѣсколько верстъ изъ селенія. Нѣчего грѣха таить, я не стерпѣла, матушка, разсказала ему про Клима Сидоровича, и отвела душу. Ужъ побранила я Дюндиковыхъ въ волю! Вѣдь не съ кѣмъ, кромѣ Цыгана, тамъ и слова молвить было. Я такъ была зла, что имъ самимъ бы не спустила, если бъ тогда попались на глаза. И что жъ вышло, сударыня? Цыганъ-то этотъ вѣдь собственный ихъ крѣпостной человѣкъ! Да какъ узналъ онъ, что Анна Трофимовна невѣста Владиміра Александровича, то онъ такъ и всплеснулъ руками! Онъ очень хорошо знаетъ Владиміра Александровича, и самъ вызвался, во что бы то ни стало, доставить отъ меня письмо Аннѣ Трофимовнѣ. И вѣрно доставилъ, матушка. Человѣкъ онъ подлинно честный; безъ него я никакъ бы не выпуталась изъ этихъ хлопотъ!»

Длинное повѣствованіе Клары Кашпаровны

безпрестанно прерываемо было восклицаніями тетушки. То она бранила Дюндиковыхъ, то жалѣла объ Аниутѣ, то упрекала себя въ томъ, что не поѣхала съ нею.

«Ужъ я бы не дала въ обиду Галечку,» говорила она: «что онъ о себѣ воображаетъ, этотъ Дюндикъ съ своей Марѳой Петровной? Какое право онъ имѣетъ удерживать ее насильно? Опекунъ,—да мы знаемъ, какой онъ опекунъ! Трофимъ Петровичъ, царство ему небесное, назначилъ его, чтобъ онъ имѣлъ о ней попеченіе, пока она была ребенкомъ, да онъ и тогда о ней не заботился. Какое же теперь имѣетъ на нее право?»

При всемъ простодушіи Анны Андреевны, она ясно увидѣла, что Дюндикъ намѣренъ препятствовать браку Аниуты. Поступокъ его съ Кларой Кашпаровной явно доказывалъ, что онъ не былъ разборчивъ въ избраніи средствъ къ достиженію своихъ намѣреній, и потому она легко себѣ представила, какъ тягостно было положеніе Аниуты. Она не долго думала, что ей дѣлать въ таковыхъ обстоятельствахъ,

и тотчасъ рѣшилась отправиться немедленно къ Дюндиковымъ, хотя не могла никакъ предполагать, чтобъ Анюта въ домѣ опекуна подвергалась какой нибудь опасности. Приготовленія къ отъѣзду были не продолжительны, и она бы въ тотъ же вечеръ выѣхала въ сопровожденіи Клары Кашпаровны, если бъ не получила отъ Блистовскаго письма, по которому должно было ежеминутно ожидать его пріѣзда. Блистовской находился уже въ Черниговской губерніи, но имѣвъ необходимую надобность видѣться съ однимъ родственникомъ, съ которымъ у него были важные денежные расчеты, онъ заѣхалъ къ нему на возвратномъ пути изъ Петербурга, а оттуда отправилъ нарочнаго для извѣщенія о томъ тетушки и Анюты. Онъ ни мало не сомнѣвался, что невеста его давно уже возвратилась отъ Дюндиковыхъ: съ какою поспѣшностію бросилъ бы онъ всѣ денежные дѣла, если бъ могъ подозрѣвать, въ какомъ она находилась положеніи!

Сколь ни велико было нетерпѣніе Анны Андреевны ѣхать къ Анютѣ, но она сочла не-

обходимымъ дождаться прїѣзда Владиміра. Она чувствовала, что не только совѣты его не будутъ ей безполезны, но надѣялась, что присутствіе его послужитъ къ преодолѣнію препятствій, ожидаемыхъ со стороны опекуна, и потому намѣрена была пригласить его ѣхать съ нею къ Дюндиковымъ. Послѣдніе поступки опекуна столько ее раздражили, что она теперь уже не помышляла о испрашиваніи согласія его на бракъ Анюты, и уже считала Блистовскаго какъ бы родственникомъ своимъ. И такъ, рѣшившись его дождаться, она между тѣмъ отправила въ Будище эстафету съ письмами, которыхъ содержаніе мы сообщили выше.

Въ самомъ дѣлѣ Владиміръ прїѣхалъ на другой день. Не трудно себѣ представить, съ какимъ жаромъ онъ принялъ предложеніе тетушки сопутствовать ей къ Дюндику. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть свою Анюту, и такъ какъ всѣ приготовленія къ отъѣзду кончены были наканунѣ, то часа черезъ два, по прибытіи его въ Барвеново, они были уже на пути въ Будище.

Владиміръ, для скорѣйшей ѣзды воспользо-

ва^лся бывшею у него подорожною, и малень-
кая коляска его съ курьерскою быстротою
помчалась по гладкой Черниговской дорогѣ.
Въ первый разъ въ жизни довелось тетушкѣ
ѣхать такъ скоро, и если бы ея не подкрѣпля-
ло желаніе освободить свою Галечку изъ ког-
тей опекуна, то она уже на первыхъ порахъ
попросила бы пощады. Клару Кашпаровну они
оставили въ Барвеновѣ, и изъ слугъ никого не
взяли съ собою, чтобы не отяготить легкой
повозки Блистовскаго. Они полагали на воз-
вратномъ пути, помѣстить Анюту съ тетушкою,
а Владиміръ сопровождалъ бы ихъ на пере-
кладной. — Путешествіе ихъ не имѣло ничего
замѣчательнаго до самаго Будища, куда при-
были они на третій день. Дорогою, когда ус-
талость и безпокойства позволяли Аннѣ Ан-
дреевнѣ пускаться въ разговоры, она разсуж-
дала съ Владиміромъ о Климѣ Сидоровичѣ и
о препятствіяхъ, которыя онъ конечно приду-
маетъ, чтобъ удержать у себя въ домѣ Анюту.
Они предвидѣли, что не обойдется безъ ссоры
между ними и Марѳою Петровною; но тетушка
была на все готова, а Блистовскаго и подавно
не устрашалъ гнѣвъ опекуна и его супруги.

Въ этомъ расположеніи вѣхали они въ село и издалека еще устремили взоры на знакомый имъ каменный двухъэтажный домъ. Они не могли дождаться минуты, когда коляска подъѣдетъ къ крыльцу. Владиміръ мысленно уже наслаждался первою сладкою минутою свиданія, а тетушка въ умѣ своемъ готовила достойное привѣтствіе опекуну. Но какъ изумились они, когда нашли ворота запертыми! Оба, не говоря ни слова, поспѣшно выскочили изъ коляски. Владиміръ съ нетерпѣніемъ ударилъ ногою въ калитку, и они взошли на дворъ, гдѣ все было пусто и безмолвно; ихъ не встрѣтилъ даже лай собаки. Въ домѣ ставни были закрыты; имъ не осталось никакого сомнѣнія, что въ немъ не было жителей.

«Боже милостивый!» вскричала Анна Андреевна: «что это значитъ, не случилось ли какого несчастія?»

Владиміръ не отвѣчалъ ни слова; съ стѣсненнымъ сердцемъ бросился онъ въ людскую избу, чтобъ отыскать кого нибудь изъ слугъ, и съ трудомъ нашелъ сторожа, спокойно ле-

жавшаго на скамьѣ, который, протирая глаза, объявилъ, что Паны уже нѣсколько дней, какъ уѣхали, но куда? этого онъ объяснить не могъ. «Про то знаютъ старшіе,» сказалъ онъ: «да ихъ теперь нѣтъ дома. Въ селѣ у насъ свадьба: Священникъ выдаетъ замужъ поповну, и всѣ наши туда отозваны, а меня вишь оставили стеречь дворецъ.»

Болѣе невозможно было добиться отъ него толку, и Блистовской, оставя Анну Андреевну, отправился было въ священническій домъ для отобранія дальнѣйшихъ справокъ. Между тѣмъ сидѣвшіе въ шинкѣ поселяне, увидѣвъ, что остановилась у воротъ коляска, поспѣшили о томъ дать знать; и прежде нежели Владиміръ успѣлъ выйти на улицу, уже явились нѣкоторые изъ слугъ Клима Сидоровича, и путешественники наши слышали, что господа уѣхали въ Полтаву. По какой причинѣ и на долго ли? того никто не зналъ. Одинъ изъ людей, бывшій словоохотнѣе прочихъ, прибавилъ только, что неожиданная поѣздка эта, безъ сомнѣнія, произошла отъ того, что въ пустыхъ покояхъ дома началъ показываться домовой. Онъ раз-

сказалъ извѣстное уже намъ ночное приключеніе, но съ такими прикрасами и объясненіями, что Владиміръ ничего не понялъ изъ словъ его, и вовсе бы не слушалъ его повѣствованія, если бѣ обстоятельство, что все это началось въ комнатѣ Анны Трофимовны, не возбудило его вниманія. Узнавъ однако, что Аня была здорова, и что не случилось съ нею ни какого несчастія, они рѣшились, не теряя времени въ пустыхъ разговорахъ, отправиться за нею въ Полтаву.

Неожиданное это обстоятельство несказанно огорчило путешественниковъ нашихъ. И такъ свиданіе съ Анейю опять отсрочено было на неопредѣленное время! — Имъ обоимъ пришло на мысль, что, можетъ быть, пока они прибудутъ въ Полтаву, Дюндиковы оттуда выѣдутъ въ другое мѣсто; ибо казалось очевидно, что отсутствіе опекуна не имѣло иной цѣли, кромѣ желанія удалить Анею отъ тетушки. Какъ бы то ни было, имъ инаго ничего не оставалось дѣлать, какъ продолжать свое путешествіе, и Анна Андреевна, стараясь превозмочь усталость свою, торопила ямщиковъ почти

столько же, сколько и самъ Владиміръ. Такимъ образомъ проѣхали они двѣ станціи, забирая на пути справки о проѣздѣ Дюндика и его семейства.

Климъ Сидоровичъ былъ весьма извѣстенъ во всей губерніи, и они вездѣ получали подробныя о немъ свѣдѣнія; услышавъ же, что онъ ѣхалъ на своихъ и съ тяжелыми экипажами, они начинали уже льститься надеждою, что имъ можетъ быть удастся догнать его еще до Полтавы. Но пріятная надежда эта исчезла вдругъ по прибытіи на третью станцію. Тутъ, къ крайнему удивленію, узнали они, что никто въ селеніи не видалъ Дюндиковыхъ, и сколько о нихъ ни спрашивалъ Владиміръ, онъ отъ всѣхъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Въ недоумѣніи своемъ они рѣшили, что Дюндикъ, вѣроятно, проѣхалъ чрезъ селеніе это, рано поутру или поздно вечеромъ, и потому никому не попадался на глаза. И такъ продолжали они путь далѣе, останавливаясь въ каждомъ селеніи, и получая вездѣ, на вопросы свои, тотъ же неудовлетворительный отвѣтъ. Наконецъ, доѣхавъ до четвертой станціи безъ

малѣйшаго успѣха, они не могли долѣе сомнѣваться, что совершенно потеряли слѣдъ тѣхъ, кого искали. Полтавская дорога отъ самага Будища была прямая, и такъ они ясно удостовѣрились, что Дюндикъ поѣхалъ въ другое мѣсто, объявивъ съ намѣреніемъ въ домѣ своемъ, что ѣдетъ въ Полтаву, дабы, на случай пріѣзда тетушки, дать поискамъ ея ложное направленіе. Все это теперь казалось имъ безспорно, и привело ихъ въ крайнее замѣшательство. Оба вовсе не знали о существованіи хутора Шендры, и никакъ не могли придумать, куда обратиться для отысканія Анюты. По долгомъ совѣщаніи они рѣшили, что всего вѣрнѣе возвратиться въ Будище, и тамъ остановиться въ каменномъ домѣ опекуна, до тѣхъ поръ, пока получаютъ достовѣрное извѣстіе о мѣстопробываніи хозяевъ. «Не можетъ быть,» говорилъ Владиміръ, «чтобы въ Будищѣ никто не зналъ, гдѣ находится Климъ Сидоровичъ. Тамъ главное имѣніе его, и если онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ, ни кому не сказавъ, куда, то неизвѣстность эта во всякомъ случаѣ не можетъ быть продолжительна. Блистовской намѣренъ былъ, въ случаѣ неудачи, оставить

тамъ Анну Андреевну, а самъ отправиться въ Полтаву, чтобъ съ помощію Правительства отыскать Дюндика. Званіе жениха давало ему достаточное на то право; къ тому же и Анна Андреевна, какъ ближайшая родственница Анюты, могла надѣяться на покровительство начальства. Сверхъ того Блистовской, имѣя знакомыхъ въ Полтавѣ, непремѣнно надѣялся, что въ скоромъ времени получить удовлетвореніе.

Между тѣмъ бѣдная тетушка, — непривыкшая къ скорой и безостановочной ѣздѣ, и сверхъ того встревоженная новыми препятствіями, которыя такъ неожиданно представились въ самое то время, когда думала она обнять свою Анюту, такъ ослабѣла, что Владиміръ началъ опасаться, чтобъ она не занемогла. Онъ рѣшился тутъ переночевать, и дать отдохнуть ей хотя немного; но это не такъ было легко, какъ онъ сначала воображалъ. Въ цѣломъ селеніи не было ни одного дома, гдѣ бы они могли пристать, кромѣ простой корчмы, имѣвшей еще то неудобство, что она вмѣстѣ была и шинкомъ. Не смотря на то, они нашлись вы-

нужденными остановиться въ ней. — Корчма, по Малороссійскому обычаю, раздѣлена была сѣнями на двѣ ровныя половины: съ одной стороны, гдѣ находился шинокъ, приставали проѣзжіе; съ другой была жилая комната шинкаря, помѣщавшагося въ ней довольно тѣсно съ многочисленнымъ семействомъ. Блистовской уговорилъ хозяина очистить для Анны Андреевны свою комнату, а самъ расположился провести ночь въ коляскѣ. Добрая тетушка, уставшая отъ дороги, и занятая одною только Анютою, нашла квартиру свою очень удобною, а Владиміръ пошелъ хлопотать, чтобъ промыслить что нибудь на ужинъ. Бывъ принужденъ для сего неоднократно входить въ противоположную сторону дома, куда перебралась шинкарка съ своимъ семействомъ, Владиміръ замѣтилъ тамъ человѣка, котораго видъ, отличный отъ прочихъ гостей, привлекъ на себя его вниманіе. Онъ былъ уже не молодыхъ лѣтъ и съ какою-то смѣшною важностію сидѣлъ на скамейкѣ за столомъ, на которомъ стояла передъ нимъ еще недопитая кварта горѣлки. По временамъ онъ похлебывалъ изъ кварты, надменно посматривая на мужиковъ, сидящихъ въ

почтительномъ отъ него разстояніи, и казалось, боролся со сномъ, который начиналъ преодолевать его. На немъ былъ синій сертукъ, уже очень изношенный, и такой широкий, что при первомъ взглядѣ всякой могъ бы отгадать, что въ давнопрошедшія времена онъ принадлежалъ кому нибудь подороднѣе тепершняго хозяина. Стоячій воротникъ на сертукѣ, хотя совершенно лишился первобытнаго цвѣта, но при всемъ томъ сохранилъ еще нѣкоторые оттѣнки, по которымъ внимательный наблюдатель могъ бы заключить, что онъ когда-то былъ малиновый. Блистовской, неимѣвшей досуга входить въ такое подробное разбирательство цвѣта одѣянія его, счелъ оное за зеленое; и потому сначала принялъ незнакомаго за отставнаго приказнаго, тѣмъ болѣе, что неподалеку отъ него въ углу увидѣлъ онъ старую шпагу безъ темляка. Вниманіе Блистовскаго отъ того особенно на него обратилось, что изъ-за пазухи торчала у него книга, и что подлѣ него лежалъ протертый кулекъ, также набитый туго книгами. Любопытство побудило его спросить у шинкаря, кто онъ такой? — «А кто его знаетъ!» получилъ онъ въ отвѣтъ:

«онъ не здѣшній; пришелъ сюда уже довольно хмѣльной часа два тому назадъ, выпилъ кварталы двѣ горѣлки, а теперь за третьей засыпаетъ. Вотъ все, что я о немъ знаю.»

Послѣ умѣреннаго ужина, Владиміръ, пожелавъ тетускѣ покойной ночи, отправился въ свою коляску, и мимоходомъ хотѣлъ еще разъ подтвердить, чтобъ не было ночью шуму, и чтобъ сколько можно остерегались тревожить Анну Андреевну. Войдя въ шинокъ, онъ увидѣлъ шинкаря, тщетно старавшагося разбудить упомянутаго незнакомца, чтобъ дать мѣсто чумакамъ, расположившимся тутъ отужинать. Наконецъ, отъ довольно сильнаго толчка, незнакомецъ проснулся, началъ протирать глаза, и съ неудовольствіемъ произнесъ: «кессе, кессе, кессе-ля, кессе, кессе, кессе-ля!»

«Софронычъ!» вскричалъ Владиміръ съ удивленіемъ. — «Жё!» отвѣчалъ незнакомецъ.

Блистовской, увѣрившись такимъ образомъ, что онъ видитъ предъ собою Французскаго учителя дочерей Дюндика, принялъ мѣры,

чтобъ ему дали выспаться, и крѣпко наказаль шинкарю не отпускать его на другой день до тѣхъ поръ, пока онъ съ нимъ не увидится.

Между тѣмъ, какъ утомленная отъ дороги тетушка покоилась крѣпкимъ сномъ, Владимиръ, занятый мыслію объ отысканіи Анюты, не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту. Размышленія его прерваны были Софронычемъ, который на разсвѣтѣ вышелъ на улицу, уже протрезвившійся, и громко зѣвая, протягивалъ на свѣжѣмъ воздухѣ одеревенѣлые отъ сна члены свои. Увидѣвъ его, Блистовской выскочилъ изъ коляски и подошелъ къ нему.

Участіе, принимаемое имъ въ Софронычѣ, имѣло причину въ добромъ его сердцѣ. Еще наканунѣ, онъ по бѣдному одѣянію его заключилъ, что онъ долженъ быть въ нищетѣ, и приписывая несчастное его положеніе гнѣву Клина Сидоровича, возбужденному на него такъ неумышленно Блистовскимъ въ Ромнахъ, онъ считалъ обязанностью помочь ему по возможности. Изъ первыхъ рѣчей Софроныча онъ удостовѣрился, что не ошибся въ своемъ

предположеніи, ибо бывшій Менторъ Дюнди-
ковыхъ дочерей горько началъ жаловаться на
неблагодарность Клима Сидоровича. «Повѣри-
те ли, монъ Женераль, (имя и отчество мнѣ
неизвѣстно),» говорилъ онъ: «что обѣ барыш-
ни стараніями моими доведены были до того,
что говорили по-Французски не хуже меня!
Клянусь, что не лгу! Сверхъ того я полезень
былъ Климу Сидоровичу и въ другихъ отно-
шеніяхъ: я выстроилъ ему каменный домъ,
которому подобнаго нѣтъ въ цѣломъ Повѣтѣ;
я служилъ ему секретаремъ, стряпчимъ, упра-
вителемъ, дворецкимъ, винокуромъ, собесѣд-
никомъ, однимъ словомъ: я былъ самымъ не-
обходимымъ членомъ семейства. Было даже
время, — правда, оно давно прошло, я тогда
былъ помоложе, и безъ хвастовства сказать,
ловкій мужчина, — гдѣ и сама Марѳа Петро-
вна мною не гнушалась и брала у меня уроки,
то есть, во Французскомъ языкѣ. И вдругъ,
послѣ двадцатилѣтней вѣрной службы, выгна-
ли меня изъ дому, какъ шальную собаку, а за
что? и до сихъ поръ не знаю! — Прошлаго
года Климъ Сидоровичъ, по обыкновенію, по-
ѣхалъ на Роменскую ярмонку, и оттуда при-

слалъ повелѣніе, не медля ни минуты, согнать меня со двора, называя обманщикомъ, мошенникомъ и Богъ знаетъ, чѣмъ! Я къ нему писалъ нѣсколько разъ, но не получалъ отвѣта. Съ тѣхъ поръ скитаюсь по бѣлому свѣту, не зная, куда приклонить голову. Денжонки, какія были, ужъ приходятъ къ концу, мѣста никакого не сыскивается, и Богъ знаетъ, что со мною будетъ!»

Жалкая участь бѣднаго Софроныча растрогала Блистовскаго. Желая загладить неумышленную свою предъ нимъ вину, онъ ему предложилъ поселиться у него въ деревнѣ, и обѣщался его не оставлять. Благодарность Софроныча была безмѣрна. Онъ хотѣлъ броситься въ ноги Владиміру, и клялся посвятить ему по смерти всѣ таланты, которыми одарила его щедрая природа.

Когда проснулась тетушка, и начала приготовляться къ отъѣзду, Софронычъ, желая оказать усердіе свое къ новому благодотворителю, всячески заботился около коляски и помогалъ укладываться. Анна Андреевна, узнавъ пла-

чевныя похожденія его, громко осуждала жестокій поступокъ Клима Сидоровича, и тѣмъ пріобрѣла совершенную признательность Софроныча. Разсуждая о Дюндикѣ, тетушка, у которой сердце было преисполнено мыслію объ Анютѣ, не могла воздержаться, чтобъ не упомянуть о предметѣ теперешняго ихъ путешествія. Она горько жаловалась на злонамѣренное отсутствіе опекуна, и въ высочайшей степени возбудила вниманіе и любопытство новаго своего знакомаго.

«Разскажите мнѣ подробно, какое у васъ до него дѣло, матушка,» сказалъ онъ: «я такъ коротко знаю Клима Сидоровича, что могу вамъ подать добрый совѣтъ во всемъ, что до него касается.»

Блистовской, полагая, что Софронычъ дѣйствительно можетъ для нихъ быть полезенъ, разсказалъ ему, какимъ образомъ они, отыскивая Дюндика, совершенно потеряли слѣдъ его въ двухъ станціяхъ отъ Будища, не смотря на то, что имъ объявили за вѣрное, что онъ поѣхалъ въ Полтаву. При томъ

онъ объяснилъ причины, которыя онъ имѣлъ, подозрѣвать, что Дюндикъ умышленно отъ нихъ скрывается.

«Въ двухъ станціяхъ отъ Будища!» вскричалъ Софронычъ съ видомъ размышленія, приложивъ палецъ къ носу и покачивая головою. «Такъ въ двухъ станціяхъ отъ Будища они своротили съ Полтавской дороги! Погодите немножко. О! да они вѣрно отправились въ хуторъ Шендру. Это такое убѣжище, гдѣ, кромѣ меня, никто ихъ не отыщетъ. Но будьте благонадежны, мусье Женераль; отъ меня Климъ Сидоровичъ не скроется, хотя бы онъ зарылся въ сыру-землю, какъ кротъ!»

Софронычъ тутъ рассказалъ объ уединенномъ положеніи хутора, и путешественники наши согласились, что мысль его заслуживала вниманія. Они рѣшились перемѣнить прежній планъ свой и послѣдовать совѣту Софроныча, который, въ качествѣ проводника, занялъ мѣсто на кóзлахъ подлѣ ямщика, и обвороженный пріятною для него мыслию предстать предъ Дюндикомъ подъ сильною защи-

тою новаго Мецената, съ веселымъ видомъ принялся погонять лошадей.

Бывъ принуждены вскорѣ оставить почтовую дорогу, они продолжали путешествіе гораздо медленнѣе прежняго. Не смотря однако жъ на трудность, встрѣчаемую въ Малоросіи въ наемѣ лошадей по проселочнымъ дорогамъ, Блистовской, не жалѣя денегъ, наконецъ достигъ до извѣстнаго намъ сосноваго бора, гдѣ имъ должно было поворотить къ хутору. Густой, темный лѣсъ подалъ Аннѣ Андреевнѣ новый поводъ сердиться на Клима Сидоровича и на Марѳу Петровну. — «Смотри, пожалуй,» говорила она: «куда они вздумали завезть мою бѣдную Галечку! Да здѣсь однимъ волкамъ, да медвѣдямъ и жить. Добро же, Климъ Сидоровичъ, прости меня, Господи! Ужъ я пропою вамъ такую пѣсенку, что у васъ зазвенить въ ушахъ.... Бѣдная моя Галечка, куда ее завезли!» — Блистовской съ своей стороны, болѣе думалъ объ удовольствіи увидѣть Анюту, нежели о темномъ борѣ, чрезъ который они проѣзжали.

Въ этомъ расположеніи прибыли они въ хуторъ Шендру. При первомъ взглядѣ оба удивились, что тамъ не было ни кого, и самъ Софронычъ повѣсилъ носъ, увидя, что предположеніе его оказалось ошибочнымъ; но когда подоспѣвшій къ коляскѣ прикащикъ объявилъ, что Дюндики дѣйствительно пріѣзжали туда, и только третьяго дня вечеромъ выѣхали въ Королевецъ, они нѣсколько ободрились, ибо вновь возымѣли надежду догнать опекуна, котораго слѣды теперь были найдены. Тутъ встрѣтило ихъ однако новое огорченіе, тѣмъ сильнѣе ихъ поразившее, что они никакъ его не ожидали. Разспрашивая по обыкновенію объ Анютѣ, они узнали отъ прикащика, что часа за два предъ отъѣздомъ вдругъ пропала Анна Трофимовна, и что, не смотря на всѣ старанія, никакъ нельзя было дознаться, куда она дѣвалась!

Легко представить себѣ можно, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на нашихъ путешественниковъ! Владиміръ былъ внѣ себя, тетушка громко зарыдала, а прикащикъ, не понимая участія, которое принимали они въ

Анютѣ, испугался, увидя ихъ положеніе. Онъ принужденъ былъ рассказать въ величайшей подробности все, что происходило на хуторѣ, и въ особенности всѣ обстоятельства, предшествовавшія исчезанію Анюты. Онъ увѣдомилъ ихъ, какъ Марѳа Петровна неожиданно велѣла готовиться къ отъѣзду, и какъ спѣшила укладываться, чтобъ въ тотъ же вечеръ остановиться на ночлегѣ въ ближайшемъ селеніи; какъ Прыжковъ уѣхалъ заранѣе въ двумѣстной каретѣ, и какъ, наконецъ, въ минуту самага отъѣзда узнали, что Анны Трофимовны нѣтъ. Изъ словъ прикащика можно было замѣтить, сколько ему самому казалось удивительнымъ, что господа его уѣхали изъ хутора, оставя неизслѣдованнымъ непонятное приключеніе съ Анютою.

Блистовской долженъ былъ напрягать всѣ душевныя силы свои, чтобъ спокойно выслушать эти рассказы, когда самое мучительное безпокойство терзало сердце его и боролось въ немъ съ яростію противъ опекуна.—Никто безъ сожалѣнія не могъ бы взглянуть на бѣдную тетюшку: она казалась лишенною разсудка. Ког-

да громкіе упреки, коими сначала осыпала она Дюндика, умолкли, на лицѣ ея изобразилось отчаяніе, и крупныя слезы градомъ покатились изъ глазъ.

Мало по малу Блистовской опомнился. Изъ разсказа прикащика онъ почерпнулъ слабую надежду, что еще не все для него пропало. Ему показалось вѣроятнымъ, что Дюндиковымъ была извѣстна участь Анюты; иначе они не оставили бы хутора, не употребивъ всевозможнаго старанія отыскать ее. Какая бы ни была ихъ ненависть, но они не могли не знать, что подвергались за нее тяжелой отвѣтственности, и во всякомъ случаѣ должны были передъ отъѣздомъ, поручить прикащику продолжать поиски въ хуторѣ и въ лѣсу. Упущеніе сей, столь простой и естественной обязанности, казалось достаточнымъ доказательствомъ, что они знали, гдѣ она находится, и потому Блистовской счелъ необходимымъ какъ можно скорѣе догнать Дюндика, чтобъ принудить его отдать отчетъ въ своемъ поведеніи. Въ этомъ намѣреніи онъ съ строгимъ видомъ обратился къ прикащику, и приказалъ объявить безъ

обиняковъ, куда поѣхалъ Климъ Сидоровичъ. Прикащикъ поклялся, что онъ точно уѣхалъ въ Королевецъ, и увѣрялъ, что самъ провожалъ его до перваго ночлега. И въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣлъ причины скрывать истину; ибо Дюндики, вовсе не ожидавъ пріѣзда Блистовскаго въ хуторъ, и полагая, что ихъ искать будутъ въ Полтавѣ, не запретили ему сказывать, куда они отправились. «Я увѣренъ,» сказалъ прикащикъ: «что вы въ эту же ночь можете догнать Клина Сидоровича, лишь бы вамъ удалось за-свѣтло выбратъся изъ лѣса. Тамъ пойдетъ дорога столбовая прямо до Королевца, а они, по моему расчету, не далѣе отъѣхали, какъ верстъ шестьдесятъ.»

И такъ Блистовской, увѣренный, что его не обманываютъ, рѣшился пуститься немедленно въ погоню за Дюндикомъ, и объявилъ о томъ Аннѣ Андреевнѣ.

«Какъ хотите,» отвѣчала бѣдная тетушка, заливаясь слезами: «вы лучше знаете, что тутъ дѣлать. Вся моя надежда на Бога: онъ не оставитъ мою бѣдную Галечку.»

Съ тяжелымъ сердцемъ они сѣли въ коляску и опять пустились въ боръ. Чтобы попасть на Крелевецкую дорогу, имъ надлежало долго ѣхать лѣсомъ; но Софронычъ, которому извѣстны были тамошнія мѣста, взялся провести ихъ благополучно. Главнѣйшее затрудненіе теперь состояло въ усталости лошадей, которыя черезъ силу тащили ихъ по песчаной дорогѣ, вопреки стараніямъ кучера и крику Софроныча, опять занявшаго мѣсто свое на кòзлахъ.

Но обратимся къ Анятѣ, которую принуждены мы были оставить въ такомъ ужасномъ положеніи.

ГЛАВА XXII.

ВСЕМУ НА СВѢТѢ ЕСТЬ КОНЕЦЪ.

Уже прошло нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Анята пробудилась отъ обморока, и все еще не могла она совершенно опомниться и не понимала, что съ нею происходило. Зрѣлище, представившееся ея взорамъ, такъ было необыкновенно, что она не умѣла отдать себѣ отчета въ томъ, что видѣла. Да правду сказать, и всякой другой на ея мѣстѣ нашелся бы не въ меньшемъ затрудненіи. Она лежала на свѣжемъ снѣгѣ; передъ нею, не въ дальнемъ разстояніи, разложенъ былъ огонь, который багровымъ свѣтомъ озарялъ мрачный

боръ, ее окружавшій. Надъ нею изъ грубой парусины, раскинуть былъ родъ шатра, прикрытаго длинными кудрявыми вѣтвями столѣтняго дуба, котораго свѣжая зелень рѣзко отличалась отъ темныхъ сосенъ. «Господи! гдѣ я?» подумала она, озираясь съ робостію на всѣ стороны. «Это похоже на притонъ разбойниковъ!» По мѣрѣ того, какъ она приходила въ себя, похожденія того вечера начали освѣжаться въ ея памяти; она припомнила, что съ нею случилось, и съ боязливымъ вниманіемъ принялась разсматривать всѣ предметы, представлявшіеся ея глазамъ: Въ сторонѣ отъ шатра, стояла большая крытая телѣга, охраняемая большою собакою; другая такая же собака лежала у ногъ Анюты, и смотрѣла на нее умными глазами; немного подалѣе, пасся волъ; людей не было видно нигдѣ. — Анюта хотѣла встать, но боялась, чтобы на нее не бросились собаки.

Спустя нѣсколько времени, показался изъ-за деревьевъ человѣкъ, который, обратясь къ ней спиною, подошелъ къ огню. На немъ былъ нагольный тулупъ, а на головѣ овчин-

ная шапка, изъ-подъ которой вились длинныя черныя кудри.

«Надобно прибавить дровъ,» сказалъ онъ громко: «Дшарро, Дшарро!» — Анюта вздрогнула. На крикъ стоявшаго передъ огнемъ мужчины откликнулся другой мужской голосъ: «Батько!»

— Ты не смотришь за огнемъ, лѣнивещъ! Принеси еще хворосту! —

Молодой человѣкъ, видный собою, принесъ въ охабкѣ хворостъ. Черты лица его, которыя, при свѣтѣ пылающаго огня, Анюта легко могла различить, не показывали ничего звѣрскаго, ничего страшнаго. Она замѣтила, что никто изъ нихъ не носилъ на себѣ ни какого оружія, и мысль о разбойникахъ начинала ослабѣвать въ ея умѣ. Но это не могло совершенно успокоить ее; приключенія того вечера все оставались для нея непонятною загадкою. Въ этомъ мучительномъ недоумѣніи она воскликнула:

«Господи! спаси меня!»

Лишь только выговорила она сіи слова, какъ стоявшій у огня мужчина поспѣшно оборотился, и снявъ шапку, подошелъ къ ней. Анята увидѣла предъ собою незнакомаго человека небольшого роста, но широкоплечаго: густыя черныя кудри покрывали его голову и соединялись съ бородою такого же цвѣта.

«Кто ты таковъ?» спросила Анята дрожащимъ голосомъ, ибо, не смотря на ласковую его наружность, она не могла преодолѣть своего страха.

— Цыганскій Атаманъ Василій, — отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ. — Слава Богу, что вы очнулись! —

Въ одно мгновеніе все прояснилось въ памяти Аняты: она вспомнила похождение Блистовскаго съ Цыганскимъ Атаманомъ, столько разъ ею слышанное, и даже предметы, ее окружавшіе, показались ей теперь какъ бы зна-

комыми. Желая однако удостовѣриться въ своей догадкѣ, она спросила :

«Знаешь ли ты Владиміра Александровича?»

— Какъ не знать, матушка Анна Трофимовна! —

«Да почему жъ ты знаешь мое имя?»

— Ваше имя, сударыня? Да я же вамъ въ Будищѣ приносилъ письмо отъ Нѣмки вашей. Простите великодушно, матушка, что я васъ тогда такъ напугалъ; да вѣдь иначе нельзя было. Кабы меня поймали, пропалъ бы я на вѣки и со всею семьею! —

«Такъ это ты?», вскричала Аня съ удивленіемъ. «Да вѣдь ты крѣпостной человѣкъ Клима Сидоровича?»

— Точно такъ, матушка. Отъ того-то я такъ и боялся попасться имъ въ руки; пронадшій бы я человѣкъ былъ навсегда! — Да Богъ милостивъ, не далъ меня погубить

за доброе дѣло! — Не даромъ мой Васька столько лѣтъ проѣздилъ форейторомъ у Пановъ: намъ извѣстны всѣ закоулки въ домѣ. А Климъ-то Сидоровичъ и Марѳа Петровна — вѣдь я ихъ знаю, матушка, почитай, какъ самого себя. Сердитая барыня, нечего сказать; не приведи Богъ, какая сердитая! —

«Да какъ же ты рѣшился подвергать себя такой опасности?»

— Мы всѣ во власти Божіей, матушка. Безъ воли Его и волосъ съ головы не упадетъ! Я же былъ въ долгу у вашего Владиміра Александровича; да какъ рассказала мнѣ Нѣмка, что ее насильно выслали изъ Будища, такъ я тотчасъ смѣкнулъ все дѣло. И прежде я зналъ, что они васъ не терпятъ за то, что Владиміръ Александровичъ не женился на Вѣрѣ Климовнѣ. Вѣдь дворовые-то люди, сударыня, все замѣчаютъ; отъ нихъ ничего не скроется, а черезъ нихъ и до нашего брата многое доходитъ. Да правду сказать, одна у нихъ и отрада, чтобъ пересуживать господъ, особливо дур-

ныхъ; а у Клина Сидоровича въ цѣломъ домѣ не найдется ни одного человѣка, который пожелалъ бы ему добра! —

Онъ разсказалъ Анятѣ подробно, какимъ образомъ онъ, въ вывороченномъ кожухѣ, взобрался по уступамъ неоштукатуренной стѣны въ окно; потомъ изъ онаго по веревкѣ спустился на дворъ, а оттуда, зарѣзавъ для защиты своей несчастнаго султана, перебрался черезъ заборъ въ поле. Кому случалось видѣть въ Малороссіи, съ какою ловкостію удалъцы лазаютъ за пчелами на высокія бортевыя деревья, на которыхъ иногда нѣтъ ни одного сукна до самой вершины, тотъ легко повѣритъ, что подвигъ этотъ не очень былъ затруднителенъ для нашего Атамана.

Когда послѣ того Клима Сидоровичъ отправился въ путь, Цыганъ слѣдовалъ за нимъ издали, и, къ удивленію своему увидѣвъ, что Дюндиковы послѣ второй станціи своротили съ Полтавской дороги, тотчасъ догадался, куда они намѣрены были ѣхать. Въ лѣсу, окружающемъ хуторъ Шендру, Атаманъ Василій

былъ совершенно дома; тамъ было любимое его мѣстопробываніе и главнѣйшее пристанище; туда возвращался онъ непремѣнно послѣ каждаго кочеванія по губерніи. Въ этомъ самомъ лѣсу, онъ, годъ предъ тѣмъ, познакомился съ Владиміромъ; въ немъ ему извѣстны были каждое замѣчательное дерево, каждое значительное дупло; иные изъ нихъ даже служили вѣрными хранилищами домашняго бутора, а изрѣдка и вещей, которыя нужно было на время скрыть отъ профановъ. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ, передъ Царемъ не виновать!.. Однимъ словомъ, Климъ Сидоровичъ, поселившись на время въ хуторъ Шендрѣ, попалъ какъ бы въ магическій кругъ, въ которомъ всѣ дѣйствія его подвергались волшебному вліянію Атамана Василья. Принявъ подъ покровительство свое бѣдную Анюту, онъ конечно, имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло; но кромѣ того, онъ, правду сказать, подстрекаемъ былъ и ненавистью къ господамъ, которые между многочисленными слугами своими, по собственной винѣ, не имѣли ни одного приверженца. Сначала Цыганъ Василій вздумалъ пугать пріѣзжихъ гостей безъ всякой цѣли, един-

ственно для собственной своей забавы. Первый успѣхъ ободрилъ его къ продолженію, и онъ, съ помощію сына, который, кромѣ другихъ дарованій умѣлъ отлично подражать крику филина, произвелъ въ дѣйство сверхъ-естественныя явленія, побудившія Дюндиковыхъ оставить хуторъ. Заблаговременный отъѣздъ Прыжкова въ каретѣ возбудилъ подозрѣніе его; а когда, наблюдая за нимъ тайно, увидѣлъ онъ его переряжавшагося въ лѣсу въ женское платье, онъ отчасти отгадалъ его намѣреніе, хотя не зналъ мѣръ, принятыхъ къ исполненію онаго. На всякой случай, счелъ онъ за нужное положить преграду Прыжкову, и для того повалилъ большую сосну поперекъ дороги, ведущей изъ бора въ томъ направленіи, гдѣ остановилась карета. Атаманъ намѣренъ былъ, если предположеніе его сбудется, слѣдовать за ними тайкомъ, чтобъ послѣ увѣдомить о томъ Владиміра; но побѣгъ Анюты подалъ ему случай дѣйствовать рѣшительнѣе. Мы видѣли, какимъ образомъ избавилъ онъ ее отъ Прыжкова, который послѣ того неподвижно и безгласно лежалъ подъ деревомъ до тѣхъ поръ, пока съ трудомъ отыскали его люди.

Анюта съ жаднымъ вниманіемъ слушала рассказы Цыгана, и сердце ея сжималось отъ ужаса при воспоминаніи опасностей, угрожавшихъ ей въ домѣ опекуна, и которыя теперь только обнаружились предъ нею въ полной мѣрѣ. Постоянная ненависть коварныхъ ея гонителей приводила ее въ трепетъ. Она страшилась, чтобъ они не открыли теперешняго ея убѣжища, чувствуя, что въ такомъ случаѣ, бѣдный Василій не въ силахъ былъ бы защитить ее противъ собственныхъ своихъ господъ. Она открыла ему свои опасенія, но Василій утверждалъ рѣшительно, что она находится у него въ совершенной безопасности. «Повѣрьте, матушка,» сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ: «что сюда не скоро кто заберется! Вотъ уже годовъ десятка съ-два, какъ мнѣ извѣстно это мѣстечко, и до сихъ поръ никому еще не случилось меня здѣсь найти, хотя всѣ знаютъ, что я часто живу въ этомъ лѣсу. Правда, въ прошломъ году нечаянно забрелъ сюда вашъ Владиміръ Александровичъ, да это вѣдь не всякому удастся! На то видно тогда была особенная воля Божія, для того, матушка, чтобъ я теперь могъ пригодиться вамъ въ черный день.»

Увѣренія Василья ободрили Анюту, хотя и не могли ее совсѣмъ успокоить. Но при всей ненадежности теперешняго ея положенія, она въ полной мѣрѣ чувствовала, сколь была обязана Атаману, подвергавшему себя неминуемой бѣдѣ, если бъ его участіе въ этомъ дѣлѣ когда нибудь дошло до свѣдѣнія Клима Сидоровича. Она изъ полноты сердца изъявила ему свою признательность, а растроганный Атаманъ не умѣлъ отвѣчать на ея слова инымъ образомъ, какъ безпрестанно кланяясь ей въ ноги.

Надлежало однако подумать, какъ доѣхать до тетушки, и притомъ не попасться опять во власть Дюндиковымъ. Атаманъ совѣтовалъ, чтобъ Анюта оставалась въ настоящемъ убѣжищѣ до тѣхъ поръ, пока они удостовѣрятся, что семейство опекуна совсѣмъ удалилось изъ тѣхъ мѣстъ. Потомъ Василій вызывался доставить ее въ крытой телѣгѣ своей до ближайшаго помѣщичьяго дома, гдѣ могла бы она спокойно ожидать извѣстій отъ своихъ. Василій ее предупредилъ, что для удаленія отъ себя подозрѣнія, онъ принужденъ будетъ оставить ее одну въ нѣкоторомъ разстояніи отъ

помѣщичьяго дома. Относительно же настоящаго ея мѣстопробыванія, онъ вновъ повторилъ, что у него не подвергалась она ни малѣйшей опасности. Онъ объяснилъ ей, что въ лѣсу этомъ имѣлъ онъ еще другое гласное жилище, гдѣ принималъ посѣщенія сосѣднихъ жителей. «Когда кому до меня дѣло,» продолжалъ онъ: «такъ меня тамъ и ищутъ, а это, матушка, совсѣмъ въ противоположной сторонѣ бора. Тамъ у меня почти всегда находится кто нибудь изъ моего семейства; теперь оставилъ я тамъ дочь, которая, въ случаѣ чего нибудь неожиданнаго, немедленно меня увѣдомить.»

Условившись такимъ образомъ съ Анютою, онъ поручилъ ее покровительству жены и сына, а самъ отправился собирать свѣдѣнія о Дюндиковыхъ.

Между тѣмъ, какъ Анюта предавалась размышленіямъ о превратности судьбы своей, и мысленно переносилась въ Смольный Монастырь, гдѣ въ недавнемъ еще времени проводила она дни такъ тихо и единообразно, жена

Атамана заботилась о ея угощеніи. Читатели, которымъ цыганскій бытъ извѣстенъ по одной только наружности, можетъ быть, не безъ отвращенія подумаютъ объ этомъ угощеніи, но они крайне ошибутся. Конечно, обыкновенный видъ, подъ которымъ Цыганы намъ представляются, не имѣетъ ничего привлекательнаго, такъ какъ и всеневная пища ихъ врядъ ли возбудитъ охоту въ комъ нибудь другомъ, кромѣ Цыгана; но въ особенныхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ все это измѣняется совершенно. Для таковыхъ случаевъ Цыганское семейство хранить въ сокровеннѣйшемъ углу подвижнаго жилища своего, одѣянія, совсѣмъ отличныя отъ обыкновенныхъ, и всеневная домашняя утварь уступаетъ мѣсто другой, блистательнѣйшей. Преобразование сіе простирается и до пищи, такъ, что инаго праздничнаго Цыганскаго блюда не отвергнулъ бы отъ стола своего самый разборчивый гастрономъ. Смѣло, любезный читатель, можно удариться съ вами объ закладъ, что вы не вдругъ, узнаете знакомаго вамъ Цыгана, когда, подобно блестящему мотыльку, развертывающемуся изъ скромной оболочки гусеницы, онъ, сбросивъ съ себя

запачканный тулупъ, явится предъ вами въ національномъ костюмѣ, часто богатымъ, но всегда цвѣта яркаго, предпочтительно алаго.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ, жена Атамана, конечно, не могла заниматься нарядами; но за то она слишкомъ высоко цѣнила честь, оказанную ей присутствіемъ Анюты, чтобъ не угостить ее достойнымъ образомъ. Съ заботливостью внимательной хозяйки, она поставила передъ гостью: дымящійся самоваръ изъ свѣтлой, красной мѣди, чайникъ, сахарницу и чашку, хотя разрозненные, но тѣмъ не менѣе изъ Гжельскаго фарфору, и ко всему этому присовокупила даже и серебряное ситечко и серебряную же ложечку! Не будемъ изыскивать, принадлежали ли ей драгоценные предметы сіи по праву наслѣдства, или благопріобрѣтенія; довольно, что утомленная Анюта съ большимъ удовольствіемъ выпила нѣсколько чашекъ хорошаго чаю, которыя, при помощи связки бубликовъ, укрѣпили истощенныя ея силы.

Въ дикомъ семъ уединеніи пробыла Анюта

около двухъ дней, и хотя ей трудно было привыкать къ оному, хотя, вопреки увѣреніямъ Василья, она безпрестанно страшилась, чтобъ не открыли ея убѣжища; но все это казалось ей сноснымъ въ сравненіи съ жизнью въ домѣ опекуна. — Надежда наконецъ соединиться съ тетушкой, служила ей утѣшеніемъ и помогала переносить терпѣливо трудности, сопряженныя съ ея положеніемъ. Она рѣдко видала Василья, который возвращался домой только на самое короткое время. Черезъ него узнала она объ отъѣздѣ въ Королевецъ семейства Дюндиковыхъ. Онъ увѣдомилъ ее также, что Прыжковъ, когда наконецъ отыскали его подъ деревомъ, находился въ такомъ жалкомъ положеніи, что у него пропала охота преслѣдовать Анюту. Черезъ силу и слабымъ голосомъ приказалъ онъ людямъ своимъ отвезти его прямо къ себѣ въ деревню, не возвращаясь въ хуторъ, и даже не далъ знать Марѣ Петровнѣ о бѣдственномъ приключеніи своемъ. Атаманъ рассказывалъ о немъ съ видомъ сожалѣнія, которое однако не показалось ей весьма искреннимъ: «Видно, матушка, Анна Трофимовна,» говорилъ онъ: «я задѣлъ его немного неосто-

рожно, да вѣдь это впрочемъ не моя вина! Вольно жъ ему было мѣшаться не въ свое дѣло!» Атаманъ, не смотря на отъѣздъ опекуна, не рѣшался пускаться въ путь до тѣхъ поръ, пока семейство Клима Сидоровича не удалось совершенно изъ окрестностей хутора.

Наконецъ насталъ желанный часъ. Атаманъ объявилъ о томъ Аняутѣ, и въ одинъ мигъ сняли лагерь и начали собираться въ походъ. Драгоцѣнная утварь, извлеченная ради дорогаго гостя изъ хранилищъ, опять размѣщена была по обычнымъ мѣстамъ. Заложили крытую телѣгу, которую тонкая внимательность Атамана внутри украсила лѣсными цвѣтами, и Аняута расположилась въ ней на свѣжемъ папоротникѣ. У нея сильно билось сердце. Цыганы вмѣстѣ съ нею набожно перекрестились, собаки весело залаяли, Василій громко свистнулъ, и караванъ тронулся съ мѣста.

Между тѣмъ, какъ знакомый намъ тощій волъ медленнымъ шагомъ влечетъ за собою телѣгу по песчаной лѣсной дорогѣ, и Аняута, колеблемая страхомъ и надеждою, то думаетъ

о свиданіи съ тетушкой, то страшится опять попасть въ руки опекуна, мы на короткое время возвратимся къ Блистовскому, путешествующему почти съ такою же медленностью въ томъ же бору.

Усталые кони его не успѣли отъѣхать версты двѣ отъ хутора, какъ онъ удостовѣрился, что ему невозможно будетъ выбраться засвѣтло изъ лѣсу. Солнце уже склонялось къ западу, тѣнь деревьевъ начинала сгущаться, а коляска едва подвигалась впередъ, на зло постояннымъ стараніямъ ямщика и краснорѣчивымъ понужденіямъ Софроныча, снявшаго съ себя сертукъ, чтобъ свободнѣе дѣйствовать. Владиміръ приходилъ въ отчаяніе, Анна Андреевна тихонько утирала слезы. Вдругъ... слышался имъ громкій лай собакъ; человѣкъ, котораго черты лица трудно было различить въ сумеркахъ, подошелъ къ коляскѣ, сверкающими глазами пристально взглянулъ на путешественниковъ и громогласно закричалъ: «стой!»

Лошади, какъ будто ожидавшія этого приказанія, остановились, а Владиміръ, разсержен-

ный симъ новымъ препятствіемъ, нетерпѣливо вскочилъ; но не успѣлъ онъ еще выговорить ни одного слова, какъ незнакомецъ, снявъ овчинную шапку, произнесъ радостнымъ голосомъ:

«Батюшка, Владиміръ Александровичъ! Какъ васъ Богъ сюда занесъ? Слава Богу, слава тебѣ, Всевышній!»

— Кто ты таковъ? — спросилъ Владиміръ, — чего тебѣ надобно? —

«Цыганскій Атаманъ Василій, Ваше Благородіе. И Анна Трофимовна вѣдь здѣсь, Ваше Благородіе! Слава Богу! А я было перепугался до смерти: да какъ же мнѣ отгадать, что это вы!»

— Какъ! что! Боже милостивый! — воскликнули Блистовской и Анна Андреевна.

Въ одно мгновеніе Владиміръ выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ за Цыганомъ впередъ по песчаной дорогѣ. Тетушка съ помощію Софроныча слѣдовала за ними.

«Анна Трофимовна!» кричалъ Василій, приближаясь къ крытой телѣгѣ: «выходите, выходите!»

Встревоженная Анюта, не понимая, что это значитъ, вышла изъ телѣги, и пала въ объятія Владиміра.

Благосклонные читатели конечно не захотятъ требовать отъ меня невозможнаго, и извинять, если не буду я описывать взаимнаго восторга любовниковъ, восхищенія доброй тетушки! Неожиданною этою встрѣчею прекратились искушенія судьбы, посланныя нашей Монастыркѣ. Чрезъ нѣсколько дней всѣ достигли благополучно Барвенова, а спустя три недѣли послѣ того, Климъ Сидоровичъ получилъ отъ Анны Андреевны учтивое письмо съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи Анны Трофимовны Орленковой съ Гвардіи Штабсъ-Ротмистромъ Владиміромъ Александровичемъ Блистовскимъ.

Успокоивъ васъ, дражайшіе читатели, относительно участи Владиміра и Анюты, мнѣ од-

нако совѣстно было бы съ вами разстаться не давъ отчета въ томъ, что случилось съ прочими лицами, можетъ быть, также возбудившими ваше участіе. Увы! не о всѣхъ могу я вамъ дать равно отрадныя вѣсти!

Марѳа Петровна, узнавъ о женидѣбѣ Владимира, задохлась отъ гнѣва, въ точномъ смыслѣ этого выраженія. Прочитавъ письмо Анны Андреевны, она покраснѣла, потомъ посинѣла, кровь хлынула ей въ голову, и она упала со стула. Ее подняли, положили въ постелю и послали въ ближайшій городъ за Докторомъ; но еще до прибытія его, она скончалась, тщетно напрягая всѣ силы, чтобъ говорить. Передъ самою кончиною только, удалось ей выговорить нѣсколько невнятныхъ словъ. Климу Сидоровичу, около ней хлопотавшему и въ то время неотлучно находившемуся при ней, слышалось, что она ему сказала: «прощай, мой милый!» Но прочіе свидѣтели утверждаютъ единогласно, будто бы она произнесла: «отвяжись, дуракъ!» Предоставляю читателямъ избрать изъ двухъ рассказовъ сихъ, тотъ, который покажется имъ правдоподобнѣе.

Лишившись супруги, Климъ Сидоровичъ надлежащимъ порядкомъ поплакалъ, потосковалъ, но не слишкомъ долго. Спустя полгода послѣ ея смерти, онъ началъ тучнѣть необыкновеннымъ образомъ, и теперь дошелъ уже до того, что съ трудомъ передвигаетъ ноги. Жизнь его самая завидная! Ночи онъ проводитъ въ безмятежномъ снѣ, а днемъ въ сладкой нѣгѣ покоится въ большихъ креслахъ у окна, гдѣ занимается разнообразными явленіями, коими радуется его противолежачій шинокъ. Когда наѣзжаютъ къ нему сосѣди, онъ, по прежнему, рассказываетъ о своемъ лазаретѣ, о завѣщаніи покойнаго Маіора, и особливо объ отличномъ воспитаніи и выгодномъ замужствѣ, которыя доставилъ онъ Аннѣ Трофимовнѣ. Дочери его морщатся при этихъ разсказахъ, но Климъ Сидоровичъ не обращаетъ на то вниманія. Впрочемъ онѣ до сихъ поръ еще не выходили замужъ, и никакъ не понимаютъ причины непростительной оплошности молодыхъ людей, незамѣчающихъ ихъ достоинствъ.

Прыжковъ по выздоровленіи своемъ, про-

далъ имѣніе свое въ Малороссіи, и поѣхалъ въ Парижъ. Оттуда долго не получали никакого о немъ извѣстія; — теперь наконецъ носятъ слухи, будто бы однимъ утромъ нашли его въ Пале-роялѣ, повѣшеннымъ передъ самымъ входомъ въ 9-й нумеръ, гдѣ обыкновенно игралъ онъ въ рулетку. Не могу однако сказать ничего о немъ достовѣрнаго, ибо я, признаться, мало заботился о его участи.

Анюта живетъ благополучно въ своемъ помѣстьѣ, гдѣ Владиміръ, по выходѣ въ отставку, основалъ свое пребываніе. Если вы, любезный читатель, желаете посмотрѣть на счастливое семейство, такъ заѣзжайте къ нимъ, когда случай приведетъ васъ въ благословенную Малороссію. Они живутъ недалеко отъ большой дороги, и всякой, кого вы спросите, охотно укажетъ вамъ, какъ лучше проѣхать къ доброй Монастыркѣ; ибо и она, также какъ Климъ Сидоровичъ, извѣстна въ цѣлой губерніи, хотя по другимъ отношеніямъ. Повѣрьте моему слову, васъ примутъ съ стариннымъ Русскимъ гостепріимствомъ, и вы не пожалѣете о новомъ знакомствѣ. Можетъ быть,

посчастливится вамъ застать у нея и почтенную тетушку, которая часто гоститъ у любезной своей Галечки, и няньчится съ двумя ея сыновьями, а своими крестниками, такъ точно, какъ будто бы они были родные ея внуки. — Что касается до Клары Кашпаровны, то она почти безвыѣздно живетъ у Владимира.

Верстахъ въ трехъ отъ помѣстья Анны Трофимовны, на проселочной дорогѣ, впрочемъ довольно широкой и не слишкомъ тряской, стоитъ небольшой, деревянный, новый домикъ, обитый тесомъ, съ желѣзною кровлею, зеленымъ цвѣтомъ окрашенною. Домъ этотъ о семи свѣтлыхъ большихъ окнахъ, имѣетъ мезонинъ съ балкономъ и сверхъ того, ганьку — родъ открытыхъ сѣней, гдѣ Малороссіяне охотно проводятъ вечера на прохладѣ. Тамъ живетъ съ мужемъ своимъ Агаѳья Алексѣевна Погорѣльская, которую вы, любезные читатели, знали подъ именемъ Гѣпочки. Послѣ этого вступленія, вы конечно догадаетесь, что Гѣпочка вышла за меня замужъ, и не ошибѣтесь въ своей догадкѣ. Уже три года, какъ

мы счастливы; жена моя гораздо моложе меня, но до сихъ поръ это не мѣшало нашему благополучію; авось и впередъ Богъ меня помилуетъ! И мы имѣемъ теперь двухъ сыновей, изъ которыхъ меньшей, Антоша — бойкій, черноглазый мальчикъ, очевидно любимецъ Анны Андреевны, хотя и увѣряетъ она, что всѣхъ любить равно. — Если вы, любезный читатель, побывавъ у сосѣдей моихъ, захотите заѣхать ко мнѣ — милости просимъ! Вы крайне обяжете и меня и Гапочку. Впрочемъ, мы, вѣроятно, увидимся прежде у Владиміра Александровича, ибо почти всегда бываемъ вмѣстѣ.

Праскута еще не замужемъ, но если вѣрить догадкамъ жены моей, то нѣкоторый молодой человекъ, котораго до времени я назвать не могу, скоро, очень скоро предложитъ ей руку. Дай Богъ! Онъ человекъ хорошій, а Праскута, право, милая дѣвушка!

Софронычъ, слава Богу, здоровъ, хотя, вопреки увѣщаніямъ Анны Андреевны, не успѣлъ еще отучиться отъ любимаго своего на-

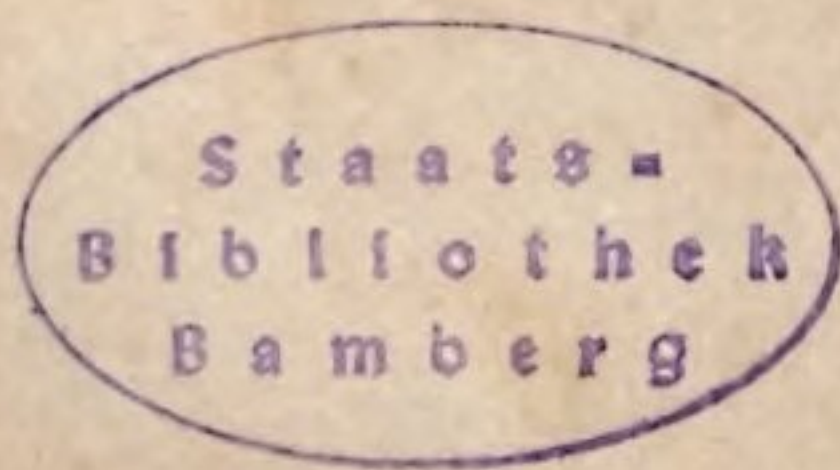
питка. Надобно однако отдать ему справедливость, что теперь онъ болѣе пьетъ запоемъ. Онъ завелъ училище для крестьянскихъ дѣтей, а въ свободное время сочиняетъ новую Французскую книгу съ Русскимъ переводомъ, которая, по увѣренію его, будетъ еще лучше первой.—Нѣсколько времени тому, онъ въ длинномъ письмѣ, на Французскомъ діалектѣ, предлагалъ ее Александру Филипповичу Смирдину, но не получилъ отвѣта: можетъ быть письмо его не дошло до своего назначенія. Софронычъ имѣетъ большое горе, которому однако пособить мы не въ силахъ. Онъ страстно желаетъ, изъ благодарности, обучать дѣтей нашихъ Французскому языку, и скорбитъ о томъ, что мы не соглашаемся.

Остается теперь сказать нѣсколько словъ объ Атаманѣ Васильѣ. Вскорѣ послѣ смерти Марѣы Петровны, Анята въ одно утро отвела въ сторону Владиміра и что-то говорила ему съ большимъ чувствомъ. Въ слѣдствіе этого разговора, послали тотчасъ за почтовыми лошадьми, заложили коляску и подвезли ее къ крыльцу. Анята очень торопила Владимі-

ра, безъ слезъ съ нимъ распростилась и съ сухими глазами провожала его, когда онъ уѣзжалъ. Слуги удивлялись, что Анна Трофимовна такъ скоро послѣ свадьбы отправила мужа въ дорогу, да еще безъ слезъ! Но загадка эта разрѣшилась въ скоромъ времени. Чрезъ нѣсколько дней, Владиміръ возвратился и привезъ съ собою отпускную Цыгану Василью со всѣмъ его семействомъ, подписанную Климомъ Сидоровичемъ и законнымъ образомъ засвидѣтельствованную. Объ этой отпускной ходятъ разные толки: иные увѣряютъ, что Климъ Сидоровичъ, увидѣвъ Блистовскаго, такъ испугался, что немедленно подписалъ отпускную; другіе же утверждаютъ, что Владиміръ за выкупъ Цыгана заплатилъ значительную сумму. Ни онъ, ни Анята, никогда не объясняли, который изъ сихъ толковъ справедливѣе; но я съ своей стороны полагаю, что оба они не безъ основанія, то есть: что Климъ Сидоровичъ вмѣстѣ и испугался и взялъ деньги. Какъ бы то ни было, а Цыганъ Василій съ семействомъ своимъ теперь блаженствуетъ. Онъ завелъ большой торгъ лошадьми, разъѣзжаетъ по ярмонкамъ, всегда ходитъ въ синемъ каф-

танѣ изъ тонкаго сукна , и часто насъ посѣщаетъ. Дѣти наши его не боятся, особенно мой Антоша: когда Цыганъ беретъ его на руки, онъ смѣло теребитъ черную его бороду. Анна Андреевна очень забавляется смѣлостію малютки, а Атаманъ радуется до слезъ ловкости и силѣ Антона Антоновича.

КОНЕЦЪ.

Pogorel'skij, Antonij, 1787-1836

Sočinenija Antonija Pogorel'skago

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1853

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.russ.o.56(1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11731109-5